М. АГѢЕВЪ

РОМАНЪ СЪ КОКАИНОМЪ

belfond

М. АГѢЕВЪ

РОМАНЪ СЪ КОКАИНОМЪ

PIERRE BELFOND
216, boulevard Saint-Germain
75007 Paris

ГИМНАЗІЯ

Буркевицъ отказалъ.

1.

Однажды, въ началѣ октября, я — Вадимъ Масленниковъ (мнѣ шелъ тогда шестнадцатый годъ), рано утромъ, уходя въ гимназію, забылъ съ вечера еще положенный матерью въ столовой конвертъ съ деньгами, которые нужно было внести за первое полугодіе. Вспомнилъ я объ этомъ конвертѣ, уже стоя въ трамваѣ, когда — отъ ускоряющагося хода — акаціи и пики бульварной ограды изъ игольчатаго мельканія вошли въ сплошную струю, и нависавшая мнѣ на плечи тяжесть все теснѣе прижимала спину къ никкелированной штангѣ. Забывчивость моя, однако, нисколько меня не обезпокоила. Деньги въ гимназію можно было внести и завтра, въ домѣ-же стащить ихъ было некому; кромѣ матери въ квартирѣ жила за прислугу лишь старая нянька моя Степанида, бывшая въ домѣ уже больше двадцати лѣтъ, и единственной слабостью, а можетъ быть даже страстью которой, были ея безпрерывныя и звонкія, какъ щелканья подсолнуховъ, шушуканья, при помощи которыхъ, за неимѣніемъ собесѣдниковъ, вела она сама съ собой длиннѣйшіе разговоры, а подчасъ даже и споры, изрѣдка прерывая себя громкими, въ голосъ, восклицаніями, какъ-то: «нуда»! или «еще бы»! или «открывай карманъ шире»! Въ гимназіи же я объ этомъ конвертѣ и вовсе забылъ. Въ

этотъ день, что впрочемъ отнюдь не часто случалось, уроки были не выучены, готовить ихъ приходилось частью за время перемѣнъ, частью даже тогда, когда преподаватель находился въ классѣ, и это жаркое состоянiе напряженности вниманiя, въ которомъ все съ такой легкостью усваивалось (хоть и съ такой же легкостью, спустя день, забывалось), весьма способствовало вытряхиванiю изъ памяти всего посторонняго. Только когда началась большая перемѣна, когда всѣхъ насъ по случаю холодной, но сухой и солнечной погоды, выпускали во дворъ и на нижней площадкѣ лѣстницы, я увидѣлъ мать, то тогда только вспомнилъ про конвертъ и про то, что видно она не стерпѣла и принесла его съ собой. Мать одиноко стояла въ сторонкѣ въ своей облысѣвшей шубенкѣ, въ смѣшномъ капорѣ, подъ которымъ висѣли сѣдые волосики (ей было тогда уже пятьдесятъ семь лѣтъ), и съ замѣтнымъ волненiемъ, какъ-то еще больше усиливавшимъ ея жалкую внѣшность, безпомощно вглядывалась въ бѣгущую мимо ораву гимназистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, смѣясь, на нее оглядывались и что-то другъ другу говорили. Приблизившись, я хотѣлъ было незамѣтно проскочитъ, но мать, завидя меня и сразу засвѣтясь ласковой, но не веселой, а покорной улыбкой. позвала меня — и я, хоть мнѣ и было ужасъ какъ стыдно передъ товарищами, подошелъ къ ней. — Вадичка, мальчикъ, — старчески глухо заговорила она, протягивая мнѣ конвертъ и желтенькой ручкой боязливо. словно она жглась, касаясь пуговицы моей шинели; — ты забылъ деньги, мальчикъ, а я думаю испугается, такъ вотъ — принесла. Сказавъ это, она посмотрѣла на меня, будто просила милостыни, но въ ярости за причиненный мнѣ позоръ. я ненавидящимъ шопотомъ возразилъ, что нѣжности телячьи эти намъ не ко двору, и что ужъ коли не стерпѣла и деньги принесла, такъ пусть сама и платитъ. Мать стояла тихо, слушала молча, виновато и горестно опустивъ старые свои ласковые глаза, — я-же, сбѣжавъ по уже опустѣвшей лѣстницѣ и открывая тугую, шум-

но сосущую воздухъ дверь, хоть и оглянулся и посмотрѣлъ на мать, однако, сдѣлалъ это не потому вовсе, что мнѣ стало ее сколько нибудь жаль, а всего лишь изъ боязни, что она въ столь неподходящемъ мѣстѣ расплачется. Мать все также стояла на верхней площадкѣ и, печально склонивъ свою уродливую голову, смотрѣла мнѣ вслѣдъ. Замѣтивъ, что я смотрю на нее, она помахала мнѣ рукой и конвертомъ такъ, какъ это дѣлаютъ на вокзалѣ, и это движеніе, такое молодое и бодрое, только еще больше показало, какая она старая, оборванная и жалкая.

На дворѣ, гдѣ ко мнѣ подошли нѣсколько товарищей и одинъ спросилъ, — что это за шутъ гороховый въ юбкѣ, съ которымъ я только-что бесѣдовалъ, — я, весело смѣясь, отвѣтилъ, что это обнищавшая гувернантка, что пришла она ко мнѣ съ письменными рекомендаціями, и что если угодно, то я съ ней познакомлю: они смогутъ за ней не безъ успѣха поухаживать. Высказавъ все это, я, не столько по сказаннымъ мною словамъ, сколько по отвѣтному хохоту, который они вызвали, почувствовалъ, что *это* слишкомъ даже для меня, и что говорить этого не слѣдовало. Когда же, уплативъ деньги, мать вышла и, ни на кого не глядя, сгорбившись, словно стараясь стать еще меньше, быстро, какъ только могла, стукая стоптанными, совсѣмъ кривыми каблучками, прошла по асфальтовой дорожкѣ къ воротамъ, — я почувствовалъ, что у меня болитъ за нее сердце.

Боль эта, которая столь горячо ожгла меня въ первое мгновеніе, длилась, однако, весьма недолго, причемъ отчетливое ея изсяканіе, и значитъ полное исцѣленіе мое отъ этой боли произошло какъ-бы въ два пріема: когда я, вернувшись изъ гимназіи домой, вошелъ въ переднюю и прошелъ по узкому коридорчику нашей бѣдной квартирки, гдѣ шибко пахло кухней, къ себѣ въ комнату — боль эта, хоть и переставъ уже болѣть, все еще какъ-то напоминала о томъ, какъ она часъ тому назадъ болѣла; и дальше, когда придя въ столовую я сѣлъ къ столу и

передо мною сѣла мать, разливая супъ, — боль эта меня уже не только не безпокоила, но мнѣ даже и представить себѣ было трудно, что она когда либо могла меня тревожить.

Но только я почувствовалъ себя облегченнымъ, какъ множество злобныхъ соображеній начали волновать меня. И то, что такой старой старухѣ надобно понимать, что она только срамитъ меня своей одеждой, — и то, что недачѣмъ ей было шляться въ гимназію съ конвертомъ — и то, что она заставила меня лгать, что лишила меня возможности пригласить къ себѣ товарищей. Я смотрѣлъ, какъ она ѣла супъ, какъ, поднимая ложку дрожащей рукой, проливала часть обратно въ тарелку, я смотрѣлъ на ея желтыя щечки, на морковный отъ горячаго супа носъ, видѣлъ, какъ она послѣ каждаго глотка бѣловатымъ языкомъ слизываетъ жиръ, и остро и жарко ненавидѣлъ ее. Почувствовавъ, что я смотрю на нее, мать, какъ всегда нѣжно взглянула на меня своими выцвѣтающими карими глазами, положила ложку и, будто этимъ своимъ взглядомъ понуждаемая хоть что нибудь сказать, — спросила: вкусно? Она сказала это слово съ подыгрываніемъ подъ ребенка, при этомъ съ вопрошающимъ утвержденіемъ мотнувъ мнѣ сѣдой головкой. — Ффкюснэ, — сказалъ и я, не подтверждая и не отрицая, а передразнивая ее. Я произнесъ это ффкюснэ съ отвращающей гримасой, словно меня сейчасъ вытошнитъ, и наши взгляды — мой холодный и ненавидящій, — ея, теплый, открытый внутрь и любящій, встрѣтились и слились. Это продолжалось долго, я отчетливо видѣлъ, какъ взглядъ ея добрыхъ глазъ тускнѣетъ, становится недоумѣвающимъ, потомъ горестнымъ, — но чѣмъ очевиднѣе становилась мнѣ моя побѣда, тѣмъ менѣе ощутимымъ и понятнымъ казалось то чувство ненависти къ этому любящему и старому человѣку, силой котораго эта побѣда достигалась. Вѣроятно, поэтому-то я и не выдержалъ, первымъ опустилъ глаза и взялъ ложку и началъ ѣсть. Но когда внутренне примиренный, желая сказать что-то

ничего незначущее, я снова поднялъ голову, то уже ничего не сказалъ и невольно вскочилъ. Одна рука матери съ ложкой супа лежала прямо на скатерти. На ладонь другой, подпертой локтемъ о столъ, она положила голову. Узкія губы ея, перекосивъ лицо, взбирались на щеку. Изъ коричневыхъ впадинъ закрытыхъ глазъ, вѣерами тянувшихъ морщины, текли слезы. И столько беззащитности было въ этой желтой, старенькой головкѣ, столько незлобиваго горькаго горя, и столько безнадежности отъ этой никому ненужной теперь ея гадкой старости, — что я, все косясь на нее, уже подозрительно грубымъ голосомъ сказалъ — ну, не надо, — ну, брось, — вѣдь не о чемъ, — и хотѣлъ было уже прибавить — мамочка — и можетъ быть даже подойти и поцѣловать ее, какъ въ этотъ самый моментъ съ внѣшней стороны, съ коридора, нянька, балансируя на одномъ валенкѣ, пхнула другимъ въ дверь и внесла блюдо. Не знаю для кого это ужъ и зачѣмъ, но только тутъ-же я хватилъ кулакомъ по тарелкѣ, и болью пораненной руки и облитыми супомъ брюками окончательно увѣрованный въ своей правотѣ, справедливость которой какъ-то туманно покрѣплялась чрезвычайнымъ испугомъ няньки, — я, грозно выругавшись пошелъ къ себѣ въ комнату.

Вскорѣ послѣ этого мать одѣлась, куда-то ушла и вернулась домой лишь подъ-вечеръ. Заслышавъ, какъ она прямо изъ передней простукала по коридору къ моей двери, постучала и спросила — можно, — я бросился къ письменному столику, поспѣшно раскрылъ книгу и, сѣвъ спиной къ двери, скучно сказалъ — войди. Пройдя комнату и нерѣшительно подойдя ко мнѣ сбоку, при чемъ я, будто углубленный въ книгу, видѣлъ, что она еще въ шубкѣ и въ черномъ своемъ смѣшномъ капорѣ, мать, вынувъ руку изъ за пазухи положила мнѣ на столъ двѣ смятыхъ, словно желающихъ стыдливо уменьшиться, пятирублевыхъ бумажки. Погладивъ затѣмъ своей скрюченной ручкой мою руку, она тихо сказала: Ты ужъ прости меня, мой мальчикъ. Ты вѣдь хорошій. Я знаю. И погладивъ

меня по волосамъ и чуть призадумавшись, будто еще что-то хотѣла сказать, но не сказавъ ничего, мать на цыпочкахъ вышла, тихонько прищелкнувъ за собою дверь.

2.

Вскорѣ послѣ этого я заболѣлъ. Первый мой немалый испугъ былъ однако тотчасъ пріутишенъ дѣловитой веселостью врача, адресъ котораго я наугадъ выискалъ среди объявленій венерологовъ, заполнявшихъ въ газетѣ чуть ли не цѣлую страницу. Свидѣтельствуя меня, онъ совершенно также, какъ нашъ словесникъ, когда получалъ неожиданно хорошій отвѣтъ отъ сквернаго ученика, въ почтительномъ удивленіи расширилъ глаза. Похлопавъ затѣмъ меня по плечу, онъ тономъ не утѣшенія — это меня бы разстроило, — а спокойной увѣренности своей силы, добавилъ: — не горюйте, юноша, за одинъ мѣсяцъ все поправимъ.

Вымывъ руки, написавъ рецепты, сдѣлавъ мнѣ необходимыя указанія и не взглянувъ на рубль, положенный мною неловко косо и потому звенѣвшій все учащаясь и ужъ прямо переходя въ дробь, по мѣрѣ того, какъ онъ ложился на стеклянномъ столѣ, — врачъ, вкусно колупнувъ въ носу, отпустилъ меня, предупредивъ при этомъ со столь нешедшей къ нему хмурой озабоченностью, — что быстрота моего выздоровленія, какъ и мое выздоровленіе вообще, всецѣло зависятъ отъ точности моихъ посѣщеній, и что самое лучшее, если я буду приходить ежедневно.

Несмотря на то, что уже въ ближайшіе дни я убѣдился, что эти ежедневныя посѣщенія отнюдь не являются необходимостью, и что со стороны врача это обычный пріемъ, чтобы участить звененіе моего рубля въ его кабинетѣ, я все же ходилъ къ нему ежедневно, ходилъ просто потому, что это доставляло мнѣ удовольствіе. Было въ этомъ коротконогомъ, толстомъ человѣчкѣ, въ его сочномъ баскѣ, словно съѣлъ онъ что-то вкусное, въ

складкахъ его жирной шеи, напоминавшихъ велосипедныя ,другъ на друга положенныя шины, въ его веселыхъ и хитрыхъ глазкахъ, вообще во всемъ его обращеніи со мной что-то шутливо похваляющееся, одобряющее и еще что-то трудно уловимое, но такое, что мнѣ пріятно льстило. Это былъ первый уже въ лѣтахъ и слѣдственно «большой» человѣкъ, который видѣлъ и понималъ меня какъ разъ съ той стороны, съ которой я себя тогда хотѣлъ показать. И я ходилъ къ нему ежедневно, не ради него, не какъ къ врачу, а какъ къ пріятелю, первое время даже съ нетерпѣніемъ дожидаясь назначеннаго часа, надѣвая при этомъ, какъ на балъ, новую тужурку, брюки и лакированныя лодочки.

Въ эти дни, когда, желая установить за собою репутацію эротическаго вундеркинда, я разсказалъ въ классѣ, какой я болѣлъ болѣзнью (я сказалъ, что болѣзнь прошла, въ то время какъ она только начиналась), въ эти дни, когда я нисколько не сомнѣвался, что разсказавъ подобное — я весьма выигрываю въ глазахъ окружающихъ, — въ эти-то дни и совершилъ я этотъ ужасный проступокъ, слѣдствіемъ котораго была искалѣченная человѣческая жизнь а можетъ быть даже и смерть.

Недѣли черезъ двѣ, когда внѣшніе признаки болѣзни поослабли, но когда я очень хорошо зналъ, что все еще боленъ, — я вышелъ на улицу, думая пройтись или пойти въ кинтошку. Былъ вечеръ, была середина ноября, — это изумительное время. Первый пушистый снѣгъ, словно осколки мрамора въ синей водѣ, медленно падалъ на Москву. Крыши домовъ и бульварныя клумбы вздуло голубыми парусами. Копыта не цокали, колеса не стучали и въ стихнувшемъ городѣ по весеннему волновали звоны трамваевъ. Въ переулкѣ, гдѣ я шелъ, я нагналъ шедшую впереди меня дѣвушку. Я нагналъ ее не потому, что хотѣлъ этого, а просто потому лишь, что шелъ быстрѣе ея. Но когда поровнявшись и обходя ее, я провалился въ глубокій снѣгъ, — то она оглянулась, и наши взгляды встрѣтились, а глаза улыбнулись. Въ такой жаркій мос-

ковскій вечеръ, когда падаетъ первый снѣгъ, когда щеки въ брусничныхъ пятнахъ, а въ небѣ сѣдыми канатами стоятъ провода, въ такой вечеръ гдѣ-же взять эту силу и хмурость, чтобы уйти промолчавъ, чтобы никогда уже не встрѣтить другъ друга.

Я спросилъ, какъ ее зовутъ и куда она идетъ. Ее звали Зиночкой и шла она не «куда», а «просто такъ себѣ». На углу, куда мы подходили, стоялъ рысакъ; санки высокія — рюмочкой, громадная лошадь была прикрыта бѣлой попоной. Я предложилъ прокатиться и Зиночка, блестя на меня глазками, губы пуговкой, по дѣтски часто-часто закивала головой. Лихачъ сидѣлъ бокомъ къ намъ, нырнувъ въ выгнутый вопросительнымъ знакомъ передокъ саней. Но, когда мы подошли, чуть ожилъ, и ведя насъ глазами, словно цѣлился въ движущуюся мишень, хрипло выстрѣлилъ: — пажа, пажа, я васъ катаю. И видя, что попалъ, и что нужно взять подстрѣленныхъ, вылѣзъ изъ саней и безногій, зеленый и громадно-величественный, въ бѣлыхъ перчаткахъ съ дѣтскую голову, въ усѣченномъ онѣгинскомъ цилиндрѣ съ пряжкой, подходя къ намъ, добавилъ, — прикажите прокатить на рѣзвой, ваше благородіе.

Теперь началось мучительное. Въ Петровскій паркъ и обратно въ городъ онъ запросилъ десять рублей, и хотя у «его благородія» въ карманѣ было всего пять съ полтиной, — я не задумываясь сѣлъ бы, полагая въ тѣ годы любое мошенничество меньшимъ позоромъ, чѣмъ необходимость торговаться съ извощикомъ въ присутствіи дамы. Но положеніе спасла Зиночка. Сдѣлавъ возмущенные глазки, она рѣшительно заявила, что цѣна эта неслыханная и чтобы больше зелененькой я бы не смѣлъ ему давать. И при этомъ, держа меня за руку, тащила прочь. Она меня тащила прочь, — я же уходя слегка упирался, этимъ упираніемъ какъ бы снимая съ себя и перенося на Зиночку всю стыдность положенія. Выходило такъ, будто я здѣсь не при чемъ, и ужъ, конечно, готовъ заплатить любую цѣну.

Пройдя шаговъ съ двадцать, Зиночка черезъ мое плечо съ вороватой осторожностью оглянулась, и завидя, что попона спѣшно снимается съ лошади — она, чуть не визжа оъ восторга, заходя мнѣ навстрѣчу и становясь на цыпочки, восторженно шептала: — онъ согласенъ, онъ согласенъ, (она безшумно зааплодировала), — онъ сейчасъ подаетъ. Вы тепрь видите, какая я умница (она все старалась заглянуть мнѣ въ глаза), видите, правда, ага!

Это «ага» очень для меня пріятно звучало. Выходило такъ, будто я элегантный кутила, богачъ и мотъ, а она, бѣдная и нищая дѣвочка, сдерживаетъ меня въ моихъ тратахъ, и не потому, конечно, что траты эти мнѣ не по силамъ, а потому лишь, что въ тѣсномъ кругозорѣ своего нищенства, она, она, бѣдненькая, не можетъ постигнуть допустимость такихъ тратъ.

У слѣдующаго перекрестка лихачъ нагналъ насъ, перегналъ и, сдерживая рвущаго рысака, какъ руль справа налѣво дергая возжи и ложась на сани спиной, отстегнулъ полость. Усаживая Зиночку и медленно, хоть и хотѣлось спѣшить, переходя на другую сторону, я взобрался на высокое и узенькое сидѣнье, и заложивъ тугую бархатную петлю за металлическій палецъ, обнявъ Зиночку и крѣпко, словно собираясь драться, потянувъ за козырекъ, гордо сказалъ: — трогай.

Раздался лѣнивый поцѣлуйный звукъ, лошадь чуть дернула, сани медленно поползли, и я уже чувствовалъ, какъ во мнѣ все дрожитъ отъ извощичьяго этого издѣвательства. Но когда черезъ два поворота выѣхали на Тверскую-Ямскую, лихачъ вдругъ подобралъ возжи и крикнулъ — эээпъ, — гдѣ острое и стальное «э» пронзительно поднималось вверхъ, пока не ударило въ мягкую заграду не пускающую дальше «п». Сани страшно дернуло, насъ бросило назадъ съ поднятыми колѣнями и тотчасъ впередъ лицомъ въ ватную спину. А навстрѣчу уже мчалась вся улица, мокрые снѣжные канаты больно стегали по щекамъ, по глазамъ, — на мгновенья лишь встрѣчные взывали трамваи, и снова эпъ, эпъ, — но остро и отры-

висто, какъ хлыстъ, и потомъ съ радостно злобнымъ бле-яніемъ — балууууй, и черныя вспышки встрѣчныхъ саней съ мучительнымъ ожиданіемъ оглобли въ морду, и чокъ, чокъ, чокъ, звенѣли броски снѣга съ копытъ о металлическій передокъ, и дрожали сани, и дрожали наши сердца. — Ахъ, какъ хорошо, — шепталъ подлѣ меня въ мокромъ хлещущемъ дождѣ дѣтскій, восторженный голосокъ. — Ахъ, какъ чудно, какъ чудно. И мнѣ тоже было «чудно». Только, какъ всегда, я всѣми силами упирался и противился этому разбушевавшемуся во мнѣ восторгу.

Когда промахнули Яръ и стала видна вышка трамвайной станціи и заколоченная кондитерская будка, у проѣзда къ кругу лихачъ прилегъ на насъ спиной и, туго осаживая лошадь, отрывисто припѣвалъ кроткимъ бабьимъ голоскомъ — пр..., пр.., пр.:: Шагомъ въѣхали въ проѣздъ, снѣгъ сразу пересталъ и только вокругъ одинокаго желтаго фонаря онъ вяло леталъ и не падалъ, словно тамъ вытряхивали перину. За фонаремъ въ черномъ воздухѣ стояла вывѣска на столбахъ, а рядомъ съ ней кулакъ съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, въ манжетѣ и съ кусочкомъ рукава, косо приколоченный къ дереву. По пальцу ходила ворона, ссыпая снѣгъ.

Я спросилъ Зиночку, не холодно ли ей. — Мнѣ чудно, — сказала она, — вѣдь правда, это чудно, а? Вотъ возьмите погрѣйте мнѣ ручки. Я отклеилъ отъ ея таліи шибко ноющую въ плечѣ руку. Съ козырька текло на щеку и за воротникъ, наши лица были мокры, подбородокъ и щеки такъ морозно стянуло, что говорить приходилось съ лицомъ неподвижнымъ, брови и рѣсницы клеились въ ледяныхъ сосулькахъ, плечи, рукава, грудь и полость покрыла ледяная похрустывавшая корочка, паръ отъ насъ и отъ лошади шелъ, будто въ насъ кипѣло, а щеки у Зиночки стали уже такими, словно наклеили ей красную яблочную кожуру. На пустынномъ кругу было все бѣлое и голубое, и въ этомъ бѣломъ и голубомъ, въ ихъ нафталиновомъ блескѣ, въ этой неподвижной, точно комнатной

тишинѣ, я увидѣлъ свою тоску. Мнѣ вспомнилось, что черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ городѣ, что надо вылѣзать изъ саней, идти домой, возиться съ грязной болѣзнью, а завтра въ темнотѣ вставать, и мнѣ перестало быть чудно.

Странно было въ моей жизни. Испытывая счастье, достаточно было только подумать о томъ, что счастье это ненадолго, какъ оно въ то-же мгновеніе кончалось. Кончалось ощущеніе счастья не потому вовсе, что внѣшнія условія, создавшія это счастье, обрывались, а лишь отъ сознанія того, что внѣшнія условія эти весьма скоро и непремѣнно оборвутся. И какъ только являлось мнѣ это сознаніе, такъ въ то-же мгновеніе счастья уже больше не было, — а создавшія это счастье внѣшнія условія, которыя все еще не обрывались, все еще продолжали существовать — уже только раздражали. Когда выѣхали съ круга обратно на шоссе, мнѣ уже желалось только одного: скорѣе быть въ городѣ, вылѣзть изъ саней и расплатиться.

Обратно ѣхать было холодно и скучно. Но, когда подъѣхавъ къ Страстному, лихачъ, обернувшись, спросилъ — ѣхать-ли дальше и куда, — то, вопросительно взглянувъ на Зиночку, я сразу почувствовалъ, какъ сердце мое привычно и сладко остановилось. Зиночка смотрѣла мнѣ не въ глаза, а на мои губы тѣмъ свирѣпо безсмысленнымъ взглядомъ, смыслъ котораго мнѣ хорошо былъ извѣстенъ. Привставъ на счастливо затрясшихся колѣнахъ, я на ухо сказалъ лихачу, чтобы везъ къ Виноградову.

Было бы совершенной неправдой сказать, что за эти нѣсколько минутъ, которыя потребовались, чтобы доѣхать до дома свиданій, меня нисколько не безпокоило, что я боленъ, и что собираюсь Зиночку заразить. Тѣсно прижимая ее къ себѣ, я даже непрестанно объ этомъ думалъ, но думая объ этомъ, — страшился не отвѣтственности передъ самимъ собой, а только тѣхъ непріятностей, которыя за такой проступокъ мнѣ могутъ нанести другіе.

И какъ это почти всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, такая боязнь, нисколько не сдерживая отъ совершенія проступка, только побуждала свершить его такъ, чтобы никто не узналъ о виновникѣ.

Когда сани стали у этого рыжаго съ законопаченными окнами дома, я попросилъ лихача въѣхать внутрь. Чтобы въѣхать въ ворота нужно было подать сани назадъ къ бульварной оградѣ, — но когда мы были уже въ воротахъ, полозья, шипнувъ, врѣзались въ асфальтъ, сани стали поперекъ тротуара, и эти нѣсколько секундъ, пока вязла лошадь и рывкомъ внесла насъ во дворъ, случившіеся здѣсь прохожіе обходили сани и съ любопытствомъ разглядывали насъ. Двое даже остановились и это замѣтно повліяло на Зиночку. Она какъ-то сразу отстранилась, стала чужой и обиженно безпокойной.

Пока Зиночка, сойдя съ саней, отошла въ темный уголъ двора, — я, расплачиваясь съ лихачемъ, который настоятельно требовалъ прибавки, съ непріятностью вспоминалъ, что у меня остается только два съ половиной рубля, и что возможно, если дешевыя комнаты будутъ заняты, мнѣ не хватитъ пятидесяти копѣекъ. Заплативъ лихачу и подойдя къ Зиночкѣ, я уже по одному тому, какъ она шибко теребила сумочку и возмущенно дергала плечикомъ — почувствовалъ, что такъ, сейчасъ, съ мѣста —она не пойдетъ. Лихачъ уже уѣхалъ и отъ круто повернутыхъ саней оставилъ проутюженный кругъ. Тѣ двое любопытныхъ, что остановились при нашемъ въѣздѣ, теперь зашли во дворъ, стояли поодаль и наблюдали. Ставъ къ нимъ спиной такъ, чтобы Зиночка ихъ не видѣла, обнявъ ее за плечики и обзывая ее и крошкой, и маленькой, и дѣвочкой, я говорилъ ей слова, которыя были бы лишены всякаго смысла, если бы не произносились елейнымъ голосомъ, звукъ котораго, какъ-то самъ по себѣ, сдѣлался сладокъ какъ патока. Почувствовавъ, что она сдается, что становится прежней Зиночкой, хоть и не той, что такъ страшно (какъ мнѣ показалось) глянула на меня у Страстного, — а той, что въ паркѣ говорила «чуд-

но, ахъ, какъ чудно», — я нескладно и сбивчиво началъ говорить ей о томъ, что у меня въ карманѣ цѣлыхъ сто рублей, что здѣсь ихъ не размѣняютъ, что мнѣ нужны пятьдесятъ копѣекъ, что черезъ нѣсколько минутъ верну ихъ, что... Но Зиночка, не давъ мнѣ договорить, съ пугливой поспѣшностью быстро-быстро раскрыла свою старенькую клеенчатую подъ крокодилъ сумочку, достала крохотный кошелечекъ и вывернула его надъ моей ладонью. Я увидѣлъ горсточку крошечныхъ серебряныхъ пятачковъ, бывшихъ какъ бы нѣкоторой рѣдкостью, и вопросительно взглянулъ на Зиночку. — Ихъ какъ разъ десять, успокаивающе сказала она, и потомъ жалко съежившись, какъ бы извиняясь, стыдливо добавила: — очень долго я ихъ все собирала; говорятъ, они къ счастью. — Но крошка, — возразилъ я въ благородномъ возмущенiи, — это право тогда жаль. Возьми ихъ, я обойдусь. Но Зиночка, уже по настоящему сердясь, морщилась отъ усилiя замкнуть ручками мою ладонь. — Вы должны взять, — говорила она. — Вы должны. Вы меня обидите.

Пойдетъ или не пойдетъ, пойдетъ или откажетъ. — вотъ было то единственное, что волновало мои мысли, мои чувства, все мое существо, въ то время какъ я, какъ бы невзначай, подводилъ Зиночку къ гостиничному подъѣзду. Взойдя на первую ступень, она, словно очнувшись, остановилась. Въ тоскѣ глянула на открытыя ворота, гдѣ все еще, точно непропускавшiе стражи, стояли тѣ двое; потомъ, какъ передъ разставанiемъ, взглянула на меня, улыбнулась жалко, и, опустивъ голову, вся какъ-то сгорбившись, закрыла лицо руками. Высоко, у самой подмышки крѣпко схвативъ ее за руку, я втащилъ ее вверхъ по лѣстницѣ и протолкнулъ въ услужливо раскрытую швейцаромъ дверь.

Когда черезъ часъ, или сколько тамъ, мы снова вышли, то еще во дворѣ я спросилъ Зиночку, въ какую ей сторону надо идти, чтобы, обозначивъ свой домъ въ направленiи противоположномъ, тутъ-же у воротъ навсе-

гда съ ней распроститься. Такъ поступалось всегда по выходѣ отъ Виноградова.

Но если къ такимъ разставаніямъ навсегда меня обычно побуждала сытая скука, а подчасъ и гадливость, — чувства, которыя (хоть я и зналъ, что черезъ день пожалѣю) мѣшали повѣрить, что завтра эта дѣвочка снова сможетъ стать желанной, — то теперь, отсылая Зиночку, я испытывалъ только досаду.

Я испытывалъ досаду, потому что въ номерѣ, за перегородкой, зараженная мною Зиночка не оправдала надеждъ, продолжая оставаться все той-же восторженной и потому безполой, какъ и тогда, когда говорила — ахъ, какъ чудно. Раздѣтая, она гладила мои щеки, приговаривая — ахъ, ты моя любонька, ты моя лапочка, — голоскомъ, звенѣвшимъ дѣтской, ребяческой нѣжностью, — и нѣжность эта, не кокетливая, нѣтъ, а душевная, — совѣстила меня, не дозволяя *цѣликомъ* выказать себя въ томъ, что принято называть безстыдствомъ, хоть это и ошибочно, ибо главная и жаркая прелесть человѣческой порочности — это преодолѣніе стыда, а не его отсутствіе. Сама того не зная, Зиночка мѣшала скоту преодолѣть человѣка, и потому теперь, чувствуя неудовлетворенность и досаду, я все это происшествіе обозначалъ однимъ словомъ: зря. Зря я заразилъ дѣвченку — думалъ и чувствовалъ я, но это зря понималъ и чувствовалъ такъ, словно совершилъ дѣло не только не ужасное, а даже напротивъ, какъ бы принесъ какую-то жертву, ожидая взамѣнъ получить удовольствіе, котораго вотъ не получилъ.

И только, когда уже стоя въ воротахъ, Зиночка, чтобы не потерять, заботливо запрятала клочекъ бумажки, на которомъ я записалъ будто бы свое имя и первый взбредшій мнѣ номеръ телефона, — только, когда попрощавшись и поблагодаривъ меня, Зиночка стала отъ меня уходить, — да, только тогда внутренній голосъ, — но не тотъ самоувѣренный и нахальный, которымъ я въ своихъ воображеніяхъ, лежа на диванѣ, мысленно обра-

щался ко внѣшнему міру, — а спокойный и незлобивый, который бесѣдовалъ и обращался только ко мнѣ самому, — заговорилъ во мнѣ. — Эхъ, ты, — горько говорилъ этотъ голосъ, — погубилъ дѣвченку. Вонъ смотри, вонъ она идетъ, этотъ малышъ. А помнишь, какъ она говорила — ахъ, ты моя любонька? И за что погубилъ? Что она тебѣ сдѣлала? Эхъ ты!

Удивительная это вещь — удаляющаяся спина несправедливо обиженнаго и навсегда уходящаго человѣка. Есть въ ней какое-то безсиліе человѣческое, какая-то жалкая слабость, которая проситъ себя пожалѣть, которая зоветъ, которая тянетъ за собою. Есть въ спинѣ удаляющагося человѣка что-то такое, что напоминаетъ о несправедливостяхъ и обидахъ, о которыхъ нужно еще разсказать и еще разъ проститься, и сдѣлать это нужно скорѣе, сейчасъ, потому что уходитъ человѣкъ навсегда, и оставитъ по себѣ много боли, которая долго еще будетъ мучить, и можетъ-быть въ старости не позволитъ ночами заснуть. Снова шелъ снѣгъ, но уже сухой и холодный, вѣтеръ моталъ фонарь, и на бульварѣ тѣни отъ деревьевъ дружно виляли, какъ хвосты. Зиночка давно уже зашла за уголъ, Зиночки давно уже не было видно, но все снова и снова воображеніемъ я возвращалъ ее къ себѣ, отпускалъ до угла, смотрѣлъ на ея удаляющуюся спину, и опять, почему-то спиной, она прилетала ко мнѣ обратно. А когда, наконецъ, случайно промахнувъ по карману, я звякнулъ въ немъ ея неиспользованными десятью серебряными пятачками, и тутъ-же вспомнилъ ея губки и голосокъ ея, когда она сказала — долго я ихъ все собирала, говорятъ, они къ счастью, — то это было, какъ хлыстъ по моему подлому сердцу, хлыстъ, который заставилъ меня бѣжать, бѣжать вслѣдъ за Зиночкой, бѣжать по глубокому снѣгу въ той разслабленной слезливости, когда бѣжишь во слѣдъ двинувшемуся и послѣднему поѣзду, бѣжишь и знаешь, что догнать его не сумѣешь.

Въ эту ночь я еще долго бродилъ по бульварамъ, въ эту ночь я далъ себѣ слово — на всю жизнь, на всю

жизнь сохранить Зиночкины серебряные пятачки. Зиночку-же я такъ больше никогда и не встрѣтилъ. Велика Москва и много въ ней народу.

3.

Водительскую головку нашего класса составляли Штейнъ, Егоровъ и, какъ мнѣ тогда хотѣло казаться, — я самъ.

Со Штейномъ я былъ друженъ, съ постояннымъ безпокойствомъ чувствуя при этомъ, что, какъ только я перестану напрягать въ себѣ эту дружбу къ нему, такъ тотчасъ возненавижу его. Бѣлобрысый, безбровый, съ уже намѣчавшейся плѣшью, — Штейнъ былъ сыномъ богатаго еврея-мѣховщика и лучшимъ ученикомъ въ классѣ. Преподаватели вызывали его весьма рѣдко, съ годами удостовѣрившись, что знанія его безукоризненны. Но когда преподаватель, заглянувъ въ журналъ, говорилъ — Шшштейнъ, — весь классъ какъ-то по особому затихалъ. Штейнъ, сорвавшись съ парты съ такимъ шумомъ, словно его тамъ кто держалъ, быстро выходилъ изъ ряда партъ и, чуть не опрокинувшись на тонкихъ и длинныхъ ножищахъ — далеко отъ кафедры становился такъ косо къ полу, что, если бы провели прямую линію отъ его носковъ вверхъ, она вышла бы изъ острія его узкаго и худого плеча, у котораго онъ молитвенно складывалъ громадныя свои бѣлыя руки. Стоя косо, всей тяжестью своей на одной ногѣ, другой лишь носкомъ ботинка (будто эта нога была короче) прикасаясь къ полу, — бабьеподобный, неуклюже изломанный, но никакъ не смѣшной, изображая голосомъ — при отвѣтахъ — рвущую его впередъ, словно отъ избытка знаній, торопливость, — а при выслушиваніи задаваемыхъ ему вопросовъ — небрежную снисходительность, онъ, блистательно пробарабанивъ свой отвѣтъ, въ ожиданіи благосклоннаго «садитесь», всегда старался смотрѣть мимо класса — въ окно, при этомъ словно что-то жуя или шепча губами. Когда

же, также сорвавшись по скользкому паркету, онъ быстро шелъ на мѣсто, то шумно садился и, ни на кого не глядя, сейчасъ-же начиналъ что то писать или ковыряться въ партѣ до тѣхъ поръ, пока общее вниманіе не отвлекалось слѣдующимъ вызовомъ.

Когда въ перемѣнахъ разсказывалось что-либо смѣшное, и когда моментъ общаго смѣха заставалъ Штейна сидящимъ за партой, то, откидывая голову назадъ, онъ закрывалъ глаза, морщилъ лицо, изображая свое страданіе отъ смѣха, и при этомъ быстро-быстро стучалъ ребромъ кулака о парту, стукомъ этимъ какъ бы стараясь отвлечь отъ себя душившій его смѣхъ. Но смѣхъ только душилъ его: губы были сжаты и не издавали ни звука. Потомъ, выждавъ когда другіе отсмѣялись, онъ открывалъ глаза, вытиралъ ихъ платкомъ и произносилъ — уффъ.

Его увлеченіями, о которыхъ онъ намъ разсказывалъ, были балетъ и «домъ» Марьи Ивановны въ Косомъ переулкѣ. Его любимой поговоркой было выраженіе: — надо быть европейцемъ. Выраженіе это онъ кстати и некстати употреблялъ постоянно. — Надо быть европейцемъ, — говорилъ онъ, являясь и показывая на часахъ, что пришелъ въ точности за одну минуту до чтенія молитвы. — Надо быть европейцемъ, — говорилъ онъ, разсказавъ о томъ, что былъ прошлымъ вечеромъ въ балетѣ и сидѣлъ въ литерной ложѣ. — Надо быть европейцемъ, — добавлялъ онъ, намекая на то, что послѣ балета поѣхалъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Только позднѣе, когда Егоровъ сталъ шибко допекать, Штейнъ поотвыкъ отъ этого своего любимаго выраженія.

Егоровъ былъ тоже богатъ .Онъ былъ сыномъ казанскаго лѣсопромышленника, очень холеный, надушенный, съ бѣлымъ зубцомъ пробора до самой шеи, со склеенными и блестящими, какъ полированное дерево, желтыми волосами, которые, если отклеивались, такъ ужъ цѣлымъ пластомъ. Онъ былъ бы красивъ, если бы не глаза, водянистые и круглые, стеклянные глаза птицы, дѣлавшіеся

пугливо изумленными, лишь только лицо становилось серьезнымъ. За первые мѣсяцы своего поступленія въ гимназію, когда Егоровъ былъ какъ то ужъ особенно народно простоватъ и даже называлъ себя Ягорушкой, онъ былъ кѣмъ то сокращенно прозванъ Ягъ, и прозвище это за нимъ осталось.

Яга привезли въ Москву уже четырнадцатилѣтнимъ парнемъ и потому онъ былъ опредѣленъ въ гимназію сразу въ четвертый классъ. Привелъ его къ намъ классный надзиратель утромъ, еще до занятій, и сразу предложилъ ему прочитать молитву, въ то время какъ двадцать пять паръ насторожившихся глазъ неотлучно смотрѣли, напряженно выискивая въ немъ все то, надъ чѣмъ можно было бы посмѣяться.

Обычно, молитва читалась монотонной скороговоркой, отзываясь въ насъ привычной необходимостью встать, полминуты стоять и, грохнувъ партами, садиться. Ягъ же началъ читать молитву отчетливо и неестественно проникновенно, при этомъ крестился не такъ, какъ всѣ, смахивая съ носа муху, а истово, закрывая глаза, при этомъ клалъ театральные поклоны, и снова закидывая голову, мутными глазами искалъ высоко подвѣшенную классную икону. И тотчасъ раздались смѣшки, у всѣхъ явилось подозрѣніе, что это шуточка, — и подозрѣніе это перешло въ увѣренность, а разрозненные смѣшки въ хоровой хохотъ, лишь только Ягъ, оборвавъ слова молитвы, обвелъ всѣхъ насъ цыплячьимъ своимъ, испуганно изумленнымъ взглядомъ. Классный же наставникъ разволновался весьма и кричалъ на Яга и на насъ всѣхъ, что если подобное случится еще и впредь, то онъ доведетъ дѣло до совѣта. И только черезъ недѣлю, когда уже всѣ знали, что Ягъ изъ очень религіозной, ранѣе старообрядческой, семьи, — то какъ-то разъ, уже послѣ занятій, этотъ же классный наставникъ, уже старый человѣкъ, покраснѣвъ какъ юноша, внезапно подошелъ къ Ягу и, взявъ его за руку и глядя въ сторону, отрывисто сказалъ: — вы, Егоровъ, меня пожалуйста простите. И не сказавъ

больше ничего, рѣзко вырвалъ свою руку и весь сгорбленный уже удаляясь по корридору, онъ дѣлалъ руками такія движенія, словно схватывалъ что-то съ потолка и рѣзко швырялъ на полъ. А Ягъ отошелъ къ окну и стоя къ намъ спиной долго сморкался.

Но это было только въ началѣ. Въ старшихъ классахъ Ягъ, по выраженію начальства, сильно испортился, и сталъ часто и много пить. Приходя утромъ въ классъ, онъ нарочно дѣлалъ кругъ, подходилъ къ партѣ, гдѣ сидѣлъ Штейнъ, и, грозно рыгнувъ, гналъ все это, какъ дорогой сигарный дымъ, къ штейновскому носу. — Надо быть европейцемъ, — пояснялъ онъ окружающимъ. Хотя Ягъ жилъ въ Москвѣ совершенно одинъ, снималъ въ особнякѣ дорогія комнаты, получалъ изъ дому видимо много денегъ и часто появлялся на лихачахъ съ женщинами, — онъ все же учился ровно и очень хорошо, считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и только немногимъ было извѣстно, что онъ, чуть ли не по всѣмъ предметамъ, пользуется репетиторской подмогой.

Можно было бы сказать, что къ намъ троимъ, — Штейну, Ягу и мнѣ, этой, какъ про насъ говорили, классной головкѣ, — весь остальной классъ примыкалъ такъ, какъ къ намагниченному бруску примыкаетъ двумя концами приставленное копыто. Однимъ своимъ концомъ копыто примыкало къ намъ своимъ лучшимъ ученикомъ и, удаляясь отъ насъ по копытному кругу, согласно понижающимся отмѣткамъ учениковъ, снова возвращаясь, соприкасалось съ нами другимъ своимъ концомъ, на которомъ былъ худшій ученикъ и бездѣльникъ. Мы-же, головка, какъ бы сопрягали въ себѣ основные признаки и того и другого: имѣя отмѣтки лучшаго, были у начальства на счету худшаго.

Со стороны лучшихъ учениковъ къ намъ примыкалъ Айзенбергъ. Со стороны бездѣльниковъ Такаджіевъ.

Айзенбергъ, или какъ его звали «тишайшій», былъ скромный, очень прилежный и очень застѣнчивый еврейскій мальчикъ. У него была странная привычка: прежде

чѣмъ что либо сказать или отвѣтить на вопросъ, — онъ проглатывалъ слюну, подталкивая ее наклономъ головы и проглотивъ, произносилъ — мте. Всѣ считали необходимымъ издѣваться надъ его половымъ воздержаніемъ (хотя истинность этого воздержанія никѣмъ не могла быть провѣрена и меньше всего утверждалась имъ самимъ), и часто во время перемѣны обступившая его толпа, съ требованіемъ — а ну, Айзенбергъ, покажи-ка намъ твою послѣднюю любовницу — внимательно разсматривала ладони его рукъ.

Когда Айзенбергъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, то непремѣнно какъ-то внизъ и вбокъ наклонялъ голову, скашивалъ въ сторону крапивнаго цвѣта глаза и прикрывалъ рукою ротъ.

Такаджіевъ былъ самымъ старшимъ и самымъ рослымъ въ классѣ. Этотъ армянинъ пользовался всеобщей любовью за свое удивительное умѣніе переносить объектъ насмѣшки съ себя самого всецѣло на ту скверную отмѣтку, которую онъ получалъ, при этомъ, въ отличіе отъ другихъ, никогда не злобствуя на преподавателя и самъ веселясь больше всѣхъ другихъ. У него тоже, какъ и у Штейна, было свое любимое выраженьице, которое возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды, при раздачѣ провѣренныхъ тетрадей, преподаватель словесности, добродушный умница Семеновъ, отдавая тетрадь Такаджіеву и лукаво пострѣливая глазками, заявилъ ему, что, несмотря на то, что сочиненіе написано прекрасно, и что въ сочиненіи имѣется лишь одна незначительная ошибка — неправинльо поставленная запятая, онъ, Семеновъ, принужденъ именно за эту-то ничтожную ошибку поставить Такаджіеву колъ. Причину же столь несправедливой, на первый взглядъ, отмѣтки должно видѣть въ томъ, что Такаджіевское сочиненіе слово въ слово совпадаетъ съ сочиненіемъ Айзенберга, какъ равно совпадаютъ въ нихъ — и это особенно таинственно — неправильно. поставленныя запятыя. И добавивъ свое любимое — видно сокола по полету, а молодца по соплямъ —

Семеновъ отдалъ Такаджіеву тетрадь. Но Такаджіевъ, получивъ тетрадь, продолжалъ стоять у кафедры. Онъ еще разъ переспросилъ Семенова — возможно-ли, такъ ли онъ его понялъ, и какъ же это мыслимо, чтобы такъ-таки совершенно совпадали эти неправильно поставленныя запятыя. Получивъ тетрадь Айзенберга для сличенія, онъ долго листалъ, со все растущимъ въ лицѣ изумленіемъ что-то свѣрялъ и отыскивалъ, и, наконецъ, уже въ совершенномъ недоумѣніи, глянувъ сперва на насъ, приготовившихся грохнуть хохотомъ, медленно-медленно поворотилъ изумленно выпученные глаза прямо на Семенова. — Таккая сафпадэніе, — трагически прошепталъ онъ, поднялъ плечи и опустилъ углы губъ. Колъ былъ поставленъ, цѣна была какъ бы заплачена и Такаджіевъ, на самомъ дѣлѣ прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ, просто пользовался случаемъ, чтобы повеселить друзей, самого себя, да кстати и словесника, который, несмотря на жестокую суровость отмѣтокъ, любилъ смѣяться.

Таковы были точки нашего съ концами примыкавшаго къ намъ класснаго копыта, въ которомъ всѣ остальные ученики казались тѣмъ болѣе отдаленными и потому безцвѣтными, чѣмъ ближе размѣщались они къ серединѣ копыта, вслѣдствіе извѣчной борьбы между двойкой и тройкой. Вотъ въ этой-то далекой и чуждой намъ средѣ находился Василій Буркевицъ, низкорослый, угреватый и вихрастый малый, когда случилось съ нимъ происшествіе, весьма необычное въ спокойно и крѣпко налаженной жизни нашей старой гимназіи.

4.

Мы были въ пятомъ классѣ и былъ урокъ нѣмецкаго языка, который намъ преподавалъ фонъ-Фолькманъ, совершенно лысый человѣкъ съ краснымъ лицомъ и бѣлыми мазеповскими со ржавчиной усами. Онъ сперва спрашивалъ Буркевица съ мѣста (онъ его называлъ Буркевицъ, ставя удареніе на «у»), но такъ какъ кто-то навязчиво и

громко суфлировалъ, то Фолькманъ разсердился, морковный цвѣтъ лица сразу сталъ свекольнымъ и, приказавъ Буркевицу отойти у парты и встать у доски, буркнувъ — Verdammte Bummelei — онъ уже любовно тянулъ себя за тормазъ своей злобы — свой бѣлорыжій усъ. Вставъ у доски, Буркевицъ хотѣлъ было отвѣчать, какъ вдругъ случилось съ нимъ нѣчто въ высшей степени непріятное. Зачихнулъ, но чихнулъ такъ несчастливо, что изъ носа его вылетѣли брызги и качаясь повисли чуть ли не до пояса. Всѣ захихикали.

Was ist denn wieder los — спросилъ Фолькманъ и, обернувшись и увидѣвъ, добавилъ: Na, ich danke. — Буркевицъ, налитый кровью стыда и потомъ сразу блѣднѣя до зелени, трясущимися руками шарилъ по карманамъ. Но платка при немъ не оказалось. — А ты, милой, оборвалъ бы тамъ свои устрицы, замѣтилъ Ягъ, — Богъ милостивъ, а намъ нынче еще обѣдать надо. — Такая сафпадэніе, — изумлялся Такаджіевъ. Весь классъ уже ревѣлъ отъ хохота, и Буркевицъ, растерянный и ужасно жалкій, выбѣжалъ въ корридоръ. Фолькманъ же, карандашомъ стуча по столу, все кричалъ — Rrruhe — но въ общемъ грохотѣ было слышно только рычаніе первой буквы — звукъ, изумительно иллюстрировавшій выраженіе его глазъ, которые выпучились уже такъ, что страхъ мы испытывали не столько за насъ, сколько за самого Фолькмана.

На слѣдующій день, однако, когда снова былъ урокъ нѣмецкаго языка, Фолькманъ, на этотъ разъ будучи видимо хорошо настроенъ и, рѣшивъ посмѣяться, опять вызвалъ Буркевица. — Barkewitz! Uebersetzen Sie weiter приказалъ онъ, съ притворнымъ ужасомъ добавивъ: aber selbstverständlich nur im Falle, wenn Sie heut'n Taschentuch besitzen.

У Фолькмана было замѣчательно то, что только по смыслу предшествующихъ событій можно было догадаться — кашляетъ ли онъ или смѣется. И завидя теперь, какъ онъ, послѣ сказанныхъ имъ словъ, широко раскрывъ ротъ,

выпускалъ оттуда клокочущую, хрипящую и булькающую струю, — какъ ржавые кончики его усовъ приподнимались, словно изо рта у него шелъ страшный вѣтеръ, и какъ на его, ставшей малиновой, лысинѣ вздулась, толщиною съ карандашъ, лиловая жила, — весь классъ дико и надрывно захохоталъ. Штейнъ же, откинувъ голову, со страдальчески закрытыми глазами, шибко стучалъ ребромъ своего бѣлаго кулака о парту, и лишь послѣ того, какъ всѣ успокоились, вытеръ глаза и сдѣлалъ уффъ.

Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ мы поняли, до чего жестокъ, несправедливъ и неумѣстенъ былъ этотъ хохотъ.

Дѣло въ томъ, что, когда случилась эта непріятность съ Буркевицемъ, онъ въ классъ не вернулся ,а на слѣдующій день явился съ чужимъ, съ деревяннымъ лицомъ. Съ этого дня классъ пересталъ для него жить, онъ будто похоронилъ насъ, и, вѣроятно, и мы бы спустя короткое время о немъ бы забыли, если бы уже черезъ недѣлю-другую и нами и преподавателями не было бы замѣчено нѣчто чрезвычайно странное.

Странность же эта заключалась въ томъ, что Буркевицъ, троечникъ и двоечникъ Буркевицъ, началъ вдругъ неожиданно и крѣпко сдвигаться съ середины класснаго копыта, и, сперва очень медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, двигаться по этому копыту въ сторону Айзенберга и Штейна.

Сперва это продвиженіе шло очень медленно и туго. Излишне говорить о томъ, что даже при системѣ отмѣтокъ преподаватель руководствуется обычно не столько тѣмъ знаніемъ ученика, которое тотъ обнаруживаетъ въ моментъ вызова, сколько той репутаціей знаній, которую ученикъ этотъ себѣ годами создалъ. Случалось, хотя и очень рѣдко, что единичные отвѣты Штейна или Айзенберга были настолько слабы, что будь на ихъ мѣстѣ Такаджіевъ, онъ безусловно получилъ бы тройку. Но такъ какъ это были Айзенбергъ и Штейнъ, зарекомендованные годами пятерочники, то преподаватель, даже за такіе ихъ отвѣты, хотя быть можетъ и скрѣпя сердце, ставилъ имъ пять. Обвинять

преподавателей за это въ несправедливости — было бы столь же справедливо, какъ обвинять въ несправедливости весь міръ. Вѣдь сплошь да рядомъ уже случалось, что зарекомендованныя знаменитости, эти пятерочники изящныхъ искусствъ, получали у своихъ критиковъ восторженные отзывы даже за такія слабыя и безалаберныя вещи, что будь они созданы кѣмъ-нибудь другимъ, безымяннымъ, то развѣ что въ лучшемъ случаѣ онъ могъ бы разсчитывать на такаджіевскую тройку. Главной же трудностью Буркевица была не его безымянность, а что гораздо хуже, годами установившаяся репутація посредственнаго троечника, и вотъ эта-то репутація посредственности особенно мѣшала ему двигаться и стояла передъ нимъ нерушимой стѣной.

Но, конечно, все это было только первое время. Ужъ такова вообще психологія пятибалльной системы, что отъ тройки до четверки — это океанъ переплыть, а отъ четверки до пятерки — рукой подать. Между тѣмъ Буркевицъ все перъ. Медленно и упорно, не отступая ни на пядь, все впередъ, двигался онъ по изгибу, все ближе и ближе къ Айзенбергу, все ближе и ближе къ Штейну. Къ концу учебнаго года (исторія съ чихомъ приключилась въ январѣ) онъ былъ уже близъ Айзенберга, хотя и не смогъ съ нимъ сравняться за недостаткомъ времени. Но когда съ послѣдняго экзамена Буркевицъ, все съ тѣмъ же деревяннымъ лицомъ и ни съ кѣмъ не прощаясь, прошелъ въ раздѣвальню, мы все же никакъ не предполагали, что станемъ свидѣтелями трудной борьбы, борьбы за первенство, которая завяжется съ первыхъ же дней будущаго учебнаго года.

5.

Борьба началась же съ первыхъ же дней. Съ одной стороны Василій Буркевицъ, — съ другой Айзенбергъ и Штейнъ. На первый взглядъ борьба эта могла показаться безсмысленной: и Буркевицъ, и Айзенбергъ, и Штейнъ не имѣли, кромѣ пятерокъ, другихъ отмѣтокъ. И все же

шла борьба, напряженная и жаркая, и при чемъ борьба эта шла за ту невидимую надбавку къ пятеркѣ, за то наивысшее переростаніе этой отмѣтки, которое, хотя и нельзя было изобразить въ классномъ журналѣ, но которое остро чувствовалось и классомъ и преподавателями, и которое поэтому служило тѣмъ хвостомъ, длиной коего опредѣлялось первенство.

Съ особенной внимательностью относился къ этому соревнованію преподаватель исторіи, и случалось даже такъ, что въ теченіе одного урока онъ вызывалъ подрядъ всѣхъ троихъ: Айзенберга, Штейна и Буркевица. Никогда не забыть мнѣ этой электрической тишины въ классной комнатѣ, этихъ влажныхъ, жадныхъ и горячихъ у всѣхъ глазъ, этого затаеннаго и потому тѣмъ болѣе буйнаго волненія, и кажется мнѣ, что совершенно также переживали бы мы бой быковъ, когда бы были лишены возможности криками высказывать наши чувства.

Сперва выходилъ Айзенбрегъ. Этотъ маленькій честный труженикъ зналъ все. Онъ зналъ все, что нужно, онъ зналъ даже больше этого, даже свыше того, что отъ него требовалось. Но въ то же время, какъ знанія, которыя отъ него требовались текущимъ урокомъ, выражались, хоть и въ безукоризненномъ, хоть и въ точномъ, хоть и въ безошибончомъ, — но все же не болѣе, какъ въ сухомъ перечнѣ историческихъ событій, — такъ равно и тѣ знанія, которыя отъ него вовсе не требовались, и коими онъ желалъ блеснуть, выражались лишь въ забѣганіи впередъ въ хронологическую даль еще не пройденныхъ уроковъ.

Потомъ быстро, какъ всегда, выходилъ Штейнъ, скрививъ всю комнату своей косой фигурой. Снова тотъ же вопросъ, что и Айзенбрегу, и Штейнъ начиналъ мастерски барабанить. Это былъ уже не Айзенбргъ, съ его глотаніями слюны и корявыми «мте», которыми тотъ начиналъ свои красныя строки. Въ нѣкоторомъ смыслѣ то, что давалъ Штейнъ, было даже блестяще. Онъ трещалъ, какъ многосильный моторъ, обильныя летѣли искры иностранныхъ

словъ, не замедляя рѣчи, какъ хорошо подстроенные мосты, приносились латинскія цитаты, и чеканный его выговоръ доносилъ до нашихъ ушей все, позволяя пріятно отдыхать, ничуть не заставляя вслушиваться или напрягаться, и въ то же время не давая выплеснуться въ пустоту ни единой звуковой каплѣ. Въ довершеніе ко всему, уже заканчивая, Штейнъ въ блестящемъ резюмэ своего разсказа давалъ намъ прозрачно понять, что онъ, Штейнъ, человѣкъ нынѣшняго вѣка, хоть и разсказываетъ все это, однако, на самомъ дѣлѣ только нисходитъ и относится свысока къ людямъ минувшихъ эпохъ. Что онъ, къ услугамъ котораго имѣются теперь и автомобили, и аэропланы, и центральное отопленіе, и международное общество спальныхъ вагоновъ считаетъ себя въ полномъ правѣ смотрѣть свысока на людей временъ лошадиной тяги, и что если онъ и изучаетъ этихъ людей, такъ развѣ ужъ для того, чтобы лишній разъ увѣриться въ величіи нашего изобрѣтательскаго вѣка.

И, наконецъ, Василій Буркевицъ, и снова тотъ же вопросъ, что и первымъ двумъ. Съ первыхъ словъ Буркевицъ разочаровывалъ. Ужъ какъ-то очень сухо намѣчалъ онъ дорогу своего разсказа, и уши наши были избалованы и ждали штейновскаго чеканнаго барабана. Но уже послѣ нѣсколькихъ оборотовъ Буркевицъ, какъ бы невзначай, упоминалъ мелкую подробность *быта* той эпохи, о которой разсказывалъ, словно вдругъ замахнувшись швырялъ пышную розу на горбы историческихъ могилъ. Послѣ первой бытовой черты слѣдовала также одиноко, какъ капля передъ грозой, вторая, и потомъ третья, и потомъ много, и, наконецъ, уже цѣлымъ дождемъ, такъ что въ развитіи событій онъ все медленнѣе и труднѣй продвигался впередъ. И старыя могилы, словно разукрашенныя легшими на нихъ цвѣтами, уже казались совсѣмъ недавними, еще незабытыми, свѣже вырытыми, вчерашними. Это было начало.

Но лишь только въ силу этого начала приближались къ намъ, подъѣзжали къ намъ вплотную и старые дома, и старые люди, и дѣятельность старыхъ эпохъ, какъ тотчасъ

опровергалась штейновская точка зрѣнія, возвеличивавшая нынѣшнюю эпоху надъ миновавшей — де потому, что для разстоянія, одолѣваемаго нынче люксусъ-экспрессомъ въ двадцать часовъ, потребовалось бы въ то далекое время лошадиной тяги больше недѣли. Ловкимъ, мало напоминающимъ предумышленность оцѣпленіемъ сегодняшняго и тогдашняго быта, Буркевицъ, не утверждая этого, все же заставлялъ насъ понять, что Штейнъ заблуждается. Что отличіе между людьми, жившими во времена лошадиной тяги и живущими теперь, въ эпоху техническихъ усовершенствованій, — отличіе, которое, какъ полагаетъ Штейнъ, даетъ ему, человѣку нынѣшняго вѣка, право возвеличивать себя надъ людьми миновавшихъ эпохъ, — въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, — что никакого отличія между человѣкомъ нынѣшней и прошлой эпохи нѣтъ, что напротивъ, всякое различіе между ними отсутствуетъ, и что именно отсутствіемъ-то отличія и объясняется поразительное сходство человѣческихъ взаимоотношеній и тогда, когда разстояніе одолѣвалось за недѣлю, и теперь, когда оно покрывается въ двадцать часовъ. Что какъ теперь очень богатые люди, одѣтые въ дорогія одежды, ѣдутъ въ международныхъ спальныхъ вагонахъ, — такъ и тогда, хотя и иначе, но тоже очень богато одѣтые люди ѣхали въ шелками обитыхъ каретахъ и укутанные соболями; что какъ теперь есть люди, если не очень богато, то все же очень хорошо одѣтые, ѣдущіе во второмъ классѣ, цѣль жизни которыхъ — это добыть возможность поѣздокъ въ спальномъ вагонѣ, такъ и тогда были люди, ѣхавшіе въ менѣе дорогихъ экипажахъ и укутанные лисьими шкурами, цѣль жизни которыхъ состояла въ томъ, чтобы пріобрѣсти еще болѣе дорогую карету, а лисы смѣнить соболями; что какъ теперь есть люди, ѣдущіе въ третьемъ классѣ, не имѣющіе чѣмъ заплатить доплату за скорость, и обреченные страдать отъ жесткихъ досокъ почтоваго, такъ и тогда были люди, не имѣющіе ни денегъ, ни чина, потому тѣмъ дольше кусаемые клопами смотритльскаго дивана; что, наконецъ, какъ теперь есть люди, голодные, жалкіе и въ лох-

мотьяхъ, шагающіе по шпаламъ, такъ и тогда были люди такіе же голодные, такіе же жалкіе, въ такихъ же лохмотьяхъ бредущіе по почтовому тракту. Давно уже сгнили шелка, развалились, разсохлись кареты и сожрала моль соболя, а люди, словно остались все тѣ же, словно и не умирали, и все также мелко гордясь, завистничая и враждуя взошли въ сегодняшній день. И не было уже штейновскаго игрушечнаго прошлаго, умаленнаго нынѣшнимъ паровозомъ и электричествомъ, потому-что придвигаемое къ намъ буркевицовской силой это прошлое принимало явственныя очертанія нашего сегодняшняго дня. Но снова переходя къ событіямъ, снова вводя въ нихъ бытовыя черты, сличая ихъ съ характерами и дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ, Буркевицъ упорно и увѣренно гнулъ въ нужную ему сторону. Эта кривая его разсказа, послѣ многихъ и рѣжущихъ сопоставленій, нисколько не вступая въ утвержденіе и потому пріобрѣтая еще большую убѣдительность, сводилась къ тому выводу, котораго самъ онъ не дѣлалъ, предоставляя его сдѣлать намъ, и который заключался въ томъ-де, что въ прошломъ, въ этомъ далекомъ прошломъ — нельзя не замѣтить, нельзя не увидѣть возмутительную и кощунственную несправедливость: *несоотвѣтствіе* между достоинствами и недостатками людей, и облегающими ихъ, однихъ соболями, другихъ лохмотьями. Это въ прошломъ. На настоящее онъ уже и не намекалъ, словно крѣпко зная, какъ хорошо, какъ досконально извѣстно намъ это возмутительное несоотвѣтствіе въ нашемъ сегодня. Но паутина уже сплетена. По ея путаннымъ, стальнымъ и неломающимся прутьямъ, по которымъ всѣ мы увѣренно шли, не могли не идти вслѣдъ за Буркевицомъ, — мы приходили къ непотрясаемой увѣренности в томъ, что какъ прежде, — во времена лошадиной тяги, такъ и теперь во времена паровозовъ, — жить человѣку глупому легче, чѣмъ умному, хитрому лучше, чѣмъ честному, жадному вольготнѣй, чѣмъ доброму, жестокому милѣе, чѣмъ слабому, властному роскошнѣй, чѣмъ смиренному, лживому сытнѣе, чѣмъ праведнику, и сластолюбцу слаще, чѣмъ постнику. Что такъ

это было, и такъ это будетъ вѣчно, пока живъ на землѣ человѣкъ.

Классъ не дышалъ. Въ комнатѣ было чуть не тридцать человѣкъ, а я отчетливо слышалъ, какъ цокали запрещенные начальствомъ часы въ карманѣ сосѣда. Историкъ сидѣлъ на кафедрѣ, щурилъ рыжія рѣсницы въ журналъ, изрѣдка такъ морщась и поскребывая всей пятерней бородку, словно говорилъ: — вотъ такъ гусь лапчатый.

Буркевицъ заканчивалъ свой разсказъ напоминаніемъ о той болѣзни, которая, развиваясь много вѣковъ, постепенно охватывала человѣческое общество, и которая, наконецъ, теперь, въ нынѣшнюю эпоху техническихъ совершенствованій, уже повсемѣстно заразила человѣка. Эта болѣзнь — пошлость. Пошлость, которая заключается въ способности человѣка относиться съ презрѣніемъ ко всему тому, чего онъ не понимаетъ, при чемъ глубина этой пошлости увеличивается по мѣрѣ роста никчемности и ничтожества тѣхъ предметовъ, вещей и явленій, которые въ этомъ человѣкѣ вызываютъ восхищеніе.

И мы понимали. Это былъ мѣткій камень въ штейновскую морду, которая какъ разъ въ это время что-то усиленно разыскивала въ партѣ, зная, что теперь всѣ глаза обращены на нее.

Но понимая, въ кого брошенъ камень, мы также понимали и нѣчто другое. Это другое заключалось въ пониманіи того, что эта, казалось бы безнадежная, вѣками налаженная несправедливость людскихъ отношеній, о которой намеками разсказывалъ Буркевицъ, нисколько не повергаетъ его самого ни въ уныніе, ни въ бѣшенство, а является какъ бы тѣмъ горючимъ, нарочно для него приготовленнымъ веществомъ, которое, вливаясь въ его нутро, не даетъ разрушающаго взрыва, а горитъ въ немъ ровнымъ, спокойнымъ и шибкимъ огнемъ. Мы смотрѣли на его ноги въ стоптанныхъ нечищенныхъ ботинкахъ, на потертые брюки съ неуклюже выбитыми колѣнями, на его шарами налитыя скулы, крошечные сѣрые глаза и костистый лобъ подъ шоколадными вихрами, и чувствовали, чувствовали

непреодолимо и остро, какъ бродитъ и претъ въ немъ страшная русская сила, которой нѣтъ ни препонъ, ни заставъ, ни заградъ, сила одинокая, угрюмая и стальная.

6.

Эта борьба между Буркевицемъ, Штейномъ и Айзенбергомъ, которую Штейнъ язвительно окрестилъ борьбой бѣлой и грязной розы, эта борьба, въ которой чрезвычайный перевѣсъ Буркевица чувствовался рѣшительно всѣми, закончилась тотчасъ, лишь только единодушное мнѣніе класса было о ней громко высказано.

Это случилось совершенно случайно: Какъ-то, въ началѣ ноября, утромъ, когда всѣ разсѣлись по партамъ въ ожиданіи историка, въ классъ быстро зашелъ ученикъ восьмого класса съ такой рѣшительностью, что весь классъ всталъ на ноги, принявъ его за преподавателя. Послышались чрезвычайно витіеватыя ругательства, при чемъ настолько дружныя, что ученикъ этотъ, нахально взойдя на кафедру и разведя руками, сказалъ: — простите, господа, но я не понимаю *что* здѣсь, — арестантская камера для уголовныхъ, въ которой вошедшаго товарища приняли за начальника тюрьмы, — или здѣсь шестой классъ московской классической гимназіи?

— Господа, — продолжалъ онъ съ чрезвычайной серьезностью, — я прошу на минуту вашего вниманія. Сегодня утромъ прибылъ въ Москву господинъ министръ народнаго просвѣщенія, и есть основаніе предполагать, что завтра, въ теченіе дня, онъ посѣтитъ насъ. Мнѣ кажется, не къ чему говорить вамъ о томъ, ибо вы это и сами знаете, какое значеніе имѣетъ для нашей гимназіи то впечатлѣніе, которое господинъ министръ вынесетъ изъ этихъ стѣнъ. Совершенно очевидно также и то, что дирекція гимназіи, не считая для себя возможнымъ сговариваться съ нами въ смыслѣ подготовки къ такому посѣщенію, будетъ, однако, смотрѣть съ благожелательствомъ, коль скоро нѣчто подобное будетъ предпринято нами самими. Господа,

я попрошу васъ теперь назвать мнѣ вашего лучшаго ученика, который долженъ будетъ сегодня вечеромъ присутствовать на маленькомъ совѣщаніи, а завтра онъ, какъ вашъ выборный, сообщитъ вамъ общее рѣшеніе, которому каждый изъ васъ, желающій поддержать долголѣтнюю и незапятнанную честь нашей славной гимназіи, подчинится безпрекословно.

Сказавъ это, онъ приподнялъ раскрытую книжонку къ своимъ, видимо, очень близорукимъ глазамъ, и навостривъ въ бумагу карандашъ и моргая глазами, какъ это дѣлаетъ человѣкъ въ ожиданіи звука, — добавилъ такъ — какъ фамилія?

И классъ, ухнувъ гуломъ голосовъ, такъ что въ стеклахъ дзыкнули сотни злыхъ мухъ, заревѣлъ: — Буркевицъ. И даже сзади кто-то любовно добавилъ — выходи Васька, — хотя и выходить было некуда и совершенно не нужно. Гимназистъ записалъ, поблагодарилъ и поспѣшно вышелъ. Игра была проиграна. Борьба закончена. Буркевицъ сталъ первымъ.

И словно зная, что соревнованію пришелъ конецъ (хотя, можетъ быть, еще и по другимъ какимъ причинамъ), вошедшій въ классъ историкъ, садясь и потомъ злобно шаркая по кафедрѣ ногами, тутъ же вызвалъ Буркевица, и, попросивъ разсказать текущій урокъ, прибавилъ: — папрашу васъ де-ержаться въ рамкахъ ги-имназическаго к-курса. И Буркевицъ понялъ. Онъ началъ разсказывать текущій урокъ, и разсказалъ его въ духѣ гимназическаго курса, въ духѣ незапятнанной чести нашей славной гимназіи и въ духѣ господина министра народнаго просвѣщенія, который въ это утро прибылъ въ Москву.

— Если бы сопля меня не сдѣлала человѣкомъ, то замѣсто человѣка я сдѣлался бы соплей. Такъ говорилъ мнѣ Буркевицъ во время выпускныхъ экзаменовъ, послѣ того, какъ произошедшій скандалъ съ гимназическимъ священникомъ насъ немного сблизилъ. Но это было уже въ наши прощальные дни въ гимназіи. До этого-же Буркевицъ ни со мной и вообще ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, про-

должая считать насъ чужими, и за все время, внѣ гимназической необходимости, сказалъ всего нѣсколько словъ Штейну по слѣдующему поводу. Однажды, во время большой перемѣны, собравшаяся вокругъ Штейна толпа гимназистовъ начала съ нимъ бесѣду о ритуальныхъ убійствахъ, при чемъ кто-то съ жестокой улыбкой спросилъ у Штейна, вѣритъ-ли онъ, Штейнъ, въ возможность и въ существованіе ритуальныхъ убійствъ. Штейнъ тоже улыбался, но когда я увидѣлъ эту его улыбку, у меня сжалось за него сердце. — Мы, евреи, — отвѣчалъ Штейнъ, — не любимъ проливать человѣческую кровь. Мы предпочитаемъ ее высасывать. Ничего не подѣлаешь — надо быть европейцемъ. — Вотъ въ эту-то минуту Буркевицъ, стоявшій тутъ-же, вдругъ неожиданно для всѣхъ впервые обратился къ Штейну. — А вы, кажется, господинъ Штейнъ, — сказалъ онъ, — испугались здѣсь антисемитизма? А напрасно. Антисемитизмъ вовсе и не страшенъ, а только противенъ, жалокъ и глупъ: противенъ, потому что направленъ противъ крови, а не противъ личности, жалокъ потому, что завистливъ, хотя желаетъ казаться презрительнымъ, глупъ, потому, что еще крѣпче сплочаетъ то, что цѣлью своей поставилъ разрушить. Евреи перестанутъ быть евреями только тогда, когда быть евреемъ станетъ не невыгодно въ національномъ, а позорно въ моральномъ смыслѣ. Позорно-же въ моральномъ смыслѣ станетъ быть евреемъ тогда, когда наши господа христіане сдѣлаются наконецъ истинно-христіанами, иначе говоря людьми, которые, сознательно ухудшая условія своей жизни — дабы улучшить жизнь всякаго другого, будетъ отъ такого ухудшенія испытывать удовольствіе и радость. Но пока этого еще не случилось, и двухъ тысячъ лѣтъ для этого оказалось недостаточнымъ. Поэтому напрасно вы говорите, господинъ Штейнъ, пытаетесь купить ваше сомнительно достоинство, унижая передъ этими свиньями тотъ народъ, къ которому сами вы имѣете честь, слышите-ли, имѣете честь принадлежать. И пусть вамъ будетъ стыдно, что я — русскій, говорю это вамъ — еврею.

Я стоялъ молча, также какъ и всѣ. И, кажется, также, какъ и всѣ, въ первый разъ, въ первый разъ за всю мою жизнь испытывалъ острую и сладостную гордость отъ сознанія того, что я русскій, и что среди насъ есть хотя одинъ такой, какъ Буркевицъ. Почему и откуда вдругъ взялась во мнѣ эта гордость — я хорошенько не зналъ. Я зналъ только, что Буркевицъ сказалъ нѣсколько словъ, при чемъ раньше, чѣмъ понять смыслъ его словъ, я уже почувствовалъ въ его словахъ какое то особенное рыцарство, рыцарство личнаго самоуничиженія ради защиты слабаго и обездоленнаго инородца, рыцарство столь свойственное русскому человѣку въ національныхъ вопросахъ. И уже потому, что никто изъ насъ не обругалъ Буркевица, что толпа, обступавшая Штейна, быстро начала расходиться, словно не желая участвовать въ недостойномъ ихъ дѣлѣ, и что нѣкоторые говорили — вѣрно, Васька, — правильно, Васька, молодецъ, — мнѣ показалось, что и другіе испытывали совершенно тоже, что и я, и что хвалятъ они Буркевица за то поднимающее чувство національной гордости, которое онъ этими словами имъ доставилъ. Но не испытывалъ, да и не могъ, конечно, испытывать этихъ чувствъ самъ Штейнъ. Рѣзко отвернувшись, злобно улыбаясь, онъ отошелъ къ Айзенбергу и просунувъ свои громадные бѣлые пальцы за ремень Айзенберга и, такъ притягивая его къ себѣ, о чемъ то тихо ему не то говорилъ, не то спрашивалъ.

Въ первыя затѣмъ минуты я испытывалъ нѣкоторую смутную непріязнь къ Штейну. Однако, непріязнь эта быстро прошла, поскольку я сообразилъ, что если бы тогда, — во время перемѣны, — когда приходила въ гимназію съ конвертомъ моя мать, и я, поступивъ точно также, какъ и Штейнъ — отрекся отъ нея, полагая, что тѣмъ самымъ спасаю свое достоинство, — что если бы тогда къ намъ подошелъ бы тотъ же Буркевицъ и сказалъ бы мнѣ, что не гоже сыну совѣститься и отрекаться отъ своей матери только потому, что она старая, уродливая и оборваная, — а что должно сыну любить и почитать свою мать, и тѣмъ больше любить, и тѣмъ больше почитать, чѣмъ старѣе,

дряхлѣе и оборваннѣе она, — если бы случилось тогда во время перемѣны нѣчто подобное, то весьма возможно, что тѣ изъ гимназистовъ, что спрашивали меня о шутѣ гороховомъ, и согласились бы съ Буркевицемъ, и можетъ быть даже поддакнули бы ему, — но я-то, я-то самъ уже конечно испытывалъ бы въ этотъ стыдный моментъ не столько навязываемую мнѣ какимъ то посторроннимъ любовь къ моей собственной матери, сколько вражду противъ этого вмѣшивающагося совершенно не въ свое дѣло человѣка.

И движимый этой общностью чувствъ, я подошелъ къ Штейну и, крѣпко и тѣсно обнявъ его за талію, пошелъ съ нимъ въ обнимку по корридору.

8.

За двѣ недѣли до начала выпускныхъ экзаменовъ, въ апрѣлѣ, когда война съ Германіей бушевала уже полтора съ лишнимъ года, всѣ близко окружавшіе меня гимназисты, а въ томъ числѣ и я, потеряли къ ней рѣшительно всякій интересъ.

Я еще хорошо помнилъ, какъ въ первые дни объявленія войны я былъ очень взволнованъ, и что волненіе это было чрезвычайно пріятнымъ, молодеческимъ и, пожалуй, даже просто радостнымъ. Цѣлый день я ходилъ по улицамъ, нераздѣльно смыкаясь съ — точно въ пасхальные дни — праздной толпой, и вмѣстѣ съ этой толпой очень много кричалъ и очень громко ругалъ нѣмцевъ. Но ругалъ я нѣмцевъ не потому, что ненавидѣлъ ихъ, а потому только, что моя ругань и брань были тѣмъ гвоздемъ, который, чѣмъ больше я его надавливалъ, тѣмъ глубже давалъ мнѣ почувствовать эту въ высшей мѣрѣ пріятную общность съ окружавшей меня толпой. Если бы въ эти часы мнѣ показали бы рычагъ и, предложивъ его дернуть, сказали бы, что при поворотѣ этого рычага взорвется вся Германія, взорвутся покалѣченными, что при поворотѣ этого рычага ни единаго нѣмца не останется въ живыхъ, — я бы не задумываясь дернулъ бы за этотъ рычагъ, а дернувъ съ прі-

ятностью пошелъ бы раскланиваться. Слишкомъ я ужъ былъ увѣренъ, что если такое было-бы осуществимо и осуществлено, то эта толпа изступленно, дико ликовала бы.

Вѣроятно, именно это духовное соприкосновеніе, эта сладенькая общность съ такой толпой, помѣшали моему воображенію взыграть тѣмъ образомъ, который возникъ во мнѣ черезъ нѣсколько дней, когда, лежа въ темной комнатенкѣ моей на диванѣ, представилось мнѣ, что на помостъ посереди большой площади, заполненной толпой, приводятъ мнѣ бѣлаго германскаго мальчика, котораго я долженъ зарубить. — Руби его, — говорятъ, нѣтъ, приказываютъ мнѣ, — руби его на смерть, руби по башкѣ, руби, ибо отъ этого зависитъ твоя жизнь, жизнь твоихъ близкихъ, счастье, расцвѣтъ твоей родины. Не зарубишь — будешь наказанъ жестоко. — А я, глянувъ на бѣлокурое темя этого нѣмецкаго мальчика и въ его водянистые и умоляющіе глаза — отшвыриваю топоръ и говорю: — воля ваша, я отказываюсь. И заслышавъ мой отвѣтъ, этотъ мой жертвенный отказъ, толпа дико ликуя хлещетъ въ ладоши. Таково было мое мечтаніе черезъ нѣсколько дней.

Но какъ въ моемъ первомъ представленіи, гдѣ простымъ поворотомъ рычага уничтожая шестьдесятъ милліоновъ людей, я руководствовался отнюдь не враждой къ этимъ людямъ, а только тѣмъ предполагаемымъ успѣхомъ, который выпадалъ бы на мою долю, сверши я нѣчто подобное, — такъ точно въ моемъ отказѣ зарубить этого стоящаго передъ моими глазами мальчика, я руководсвовался не столько страхомъ пролитія чужой крови, не столько уваженіемъ къ человѣческой жизни, сколько стремленіемъ придать своей личности ту исключительность, которая тѣмъ больше возвышалась, чѣмъ большее наказаніе ожидало меня за мой отказъ.

Уже черезъ мѣсяцъ я остылъ къ войнѣ, и если съ подогрѣтымъ восхищеніемъ читая въ газетѣ о томъ, что русскі побили гдѣ то нѣмцевъ — приговаривалъ при этомъ —

такъ имъ и надо сволочамъ, зачѣмъ полѣзли на Россію, — спустя еще мѣсяцъ, читая о какой нибудь побѣдѣ нѣмцевъ надъ русскими, точно также говорилъ, — такъ имъ и надо сволочамъ, не лѣзли бы на нѣмцевъ. А еще черезъ мѣсяцъ вскочившій у меня на носу чирь—бѣсилъ, заботилъ и волновалъ меня если не больше, то ужъ во всякомъ случаѣ искреннѣе, чѣмъ вся міровая война. Во всѣхъ этихъ словахъ, какъ — война, побѣда, пораженіе, убитые, плѣнные, раненые, — въ этихъ жуткихъ словахъ, которыя въ первые дни были столь трепетно живыми, словно караси на ладоняхъ, въ этихъ словахъ для меня обсохла кровь, которой онѣ были писаны, а обсохнувъ превратилась въ типографскую краску. Эти слова сдѣлались какъ испорченная лампочка: штепсель щелкалъ, а она не вспыхивала, — слова говорились, но образъ не возникалъ. Я уже никакъ не могъ предполагать, что война можетъ еще искренне волновать людей, которыхъ она непосредственно не затрагиваетъ, и такъ какъ Буркевицъ вотъ уже три года совершенно не общался ни со мной, ни вообще съ кѣмъ либо въ нашемъ классѣ, то мы, вслѣдствіе сего, и не могли, конечно, знать его мнѣній о войнѣ, будучи впрочемъ увѣрены, что оно никакъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ наше. То обстоятельство, что Буркевицъ не присутствовалъ въ актовомъ залѣ во время молебствія о ниспосланіи побѣды, было вообще не замѣчено и вспомнили объ этомъ только уже послѣ происшедшаго столкновенія, — касательно же его постояннаго манкированія уроковъ по изученію военнаго строя, введеннаго въ гимназіи вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, то это было толкуемо то-ли его нездоровьемъ, то-ли нежеланіемъ отдавать свое первенство, хотя бы физическое, посредственному Такаджіеву, оказавшемуся замѣчательно ловкимъ и сильнымъ парнемъ. И присутствуя при этомъ ужасномъ столкновеніи, — я въ своемъ невѣжествѣ даже не зналъ, что слова, говоримыя Буркевицемъ — это только тотъ громъ отъ той молніи, которая вскинулась вотъ уже много десятковъ лѣтъ тому назадъ изъ дворянскаго гнѣзда Ясной Поляны.

9.

Въ нашемъ выпускномъ классѣ былъ пустой урокъ. Заболѣлъ и не явился словесникъ, и нашъ классъ, стараясь не шумѣть, дабы не потревожить занятій въ шестомъ и седьмомъ классахъ, наружныя двери которыхъ выходили въ это-же отдѣленіе, тихо бродилъ по коридору. Начальства не было. Классный наставникъ, полагаясь на насъ, которыхъ онъ тепреь называлъ — безъ пяти минутъ студенты, — отлучился въ классную нижнихъ этажей. Настроеніе у большинства было приподнятое: черезъ десятокъ дней начинались выпускные экзамены — послѣдній гимназическій этапъ.

У большого трехстворчатаго окна, что у самой двери, собралась небольшая группа гимназистовъ съ Ягомъ посередкѣ, который о чемъ то тихо, но оживленно разсказывалъ. Кто-то изъ окружающихъ, возражая, прервалъ Яга, но Ягъ, видимо обозленный, забывъ о необходимости говорить полушепотомъ, громкимъ окрикомъ выругался матерно.

Въ это самое мгновеніе большинство уже замѣтили въ чемъ дѣло, и вся группа начала перестраиваться изъ круга лицомъ къ Ягу, — въ полукругъ лицомъ къ гимназическому батюшкѣ. Никто однако не слыхалъ, когда и какъ онъ вошелъ въ дверь.

— Какъ вамъ не стыдно, дѣти, — сказалъ онъ, выждавъ пока всѣ замѣтили его присутствіе и обращаясь ни къ кому, и потому ко всѣмъ, своимъ укоризненно сладковатымъ, старческимъ голосомъ. — Подумайте о томъ, — продолжалъ онъ, — что черезъ нѣсколько лѣтъ вы уже войдете полновластными гражданами въ общественную жизнь великой Россіи. Подумайте о томъ, что тѣ унижающія слова, которыя я имѣлъ здѣсь несчастье слышать, ужасны по своему смыслу. Подумайте о томъ, что, если смыслъ такого ругательства и не доходитъ до вашего сознанія, то это не оправдываетъ, а еще больше васъ осуждаетъ, потому что доказываетъ, что эти ужасныя слова употребляются вами

ежечасно, ежеминутно, что они — эти слова, переставъ быть для васъ ругательствомъ, стали изобразительнымъ средствомъ вашей рѣчи. Подумайте о томъ, что вамъ выпало счастье изучать музыку Пушкина и Лермонтова, и что этой-то музыки ждетъ отъ васъ наша несчастная Россія, этой и никакой другой.

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, глаза стоявшихъ передъ нимъ гимназистовъ становились какими то тупыми, непропускающими; можно было бы подумать, что во всѣхъ этихъ глазахъ отсутствуетъ рѣшительно всякое выраженіе, если бы не знать, что именно это отсутствіе выраженія должно выражать то, что они-то не ругались, и къ нимъ всѣ эти укоряющія слова нисколько не относятся. Но одновременно съ тѣмъ, какъ глаза и лица всей группы становились все болѣе безразлично скучающими, — глазки Буркевица, который теперь только тихо подошелъ, дѣлались все болѣе живыми и озорными, губы его тонко разлѣзались въ злую улыбку, — и слова священника, словно иголки бросаемыя въ полукругъ этихъ каменныхъ глазъ и лицъ, уже независимо отъ воли бросающей ихъ руки, сплетались и клеились къ намагниченной точкѣ буркевицовской улыбки. Выходило будто ругался Буркевицъ и послѣднія слова о Пушкинѣ и Лермонтовѣ относились уже всецѣло къ нему.

— Вы, батюшка, — возразилъ Буркевицъ тихимъ и страшнымъ голосомъ, — знакомы видимо съ господами Пушкинымъ и Лермонтовымъ только ко казеннымъ хрестоматіямъ, и считаете болѣе близко знакомство съ ними, поскольку оно опровергаетъ ваше мнѣніе, — излишнимъ.

— Да, — твердо возразилъ батюшка, — для *васъ* я считаю дальнѣйшее знакомство съ этими писателями излишнимъ, какъ считаю необходимымъ, прежде чѣмъ подарить ребенку розу, срѣзать съ нея шипы. Вотъ такъ. А теперь позвольте всѣмъ вамъ еще разъ напомнить, что ругательскія слова, которыя я здѣсь слышалъ, недопустимы и недостойны христіанина.

Послѣднія слова онъ сказалъ рѣзко, старой своей чуть дрожащей рукой поправляя крестъ на лиловой рясѣ. —

Почему же онъ продолжаетъ стоять, почему не уходитъ, — подумалъ я, но посмотрѣлъ на Буркевица и понялъ. Лицо Буркевица какъ то вдругъ похудѣло, стало сѣрымъ и дергалось, глаза съ пронзительной ненавистью смотрѣли прямо въ лицо священнику. — Сейчасъ онъ его ударитъ, — подумалъ я. Буркевицъ судорожно занесъ руки назадъ. словно поймалъ кого позади себя, сдѣлалъ шагъ впередъ и съ неожиданной, предпріимчивой звонкостью, заговорилъ.

— Ругательскія слова, какъ вы изволили замѣтить, недостойны христіанина. Что-жъ? Противъ этого никто не возражаетъ. Но ужъ если вы, служитель Бога, взялись наставлять насъ на путь истинный, то не взыщите коли я спрошу васъ — гдѣ, въ чемъ, когда и какъ проявили вы сами-то эти невѣдомыя намъ достоинства христіанина, непремѣнность выполненія которыхъ вы рѣшили намъ здѣсь внушать. Гдѣ были вы, къ слову сказать, съ вашими достоинствами христіанина, когда десять мѣсяцевъ тому назадъ кровожадныя толпы, съ цвѣтными тряпками перли по улицамъ Москвы, толпы такъ называемыхъ людей, по кровожадности и тупости своей недостойные сравненія со стадомъ дикихъ скотовъ, — гдѣ были вы, служитель Бога, въ этотъ ужасный для насъ день? Почему вы, поборникъ христіанства, не собрали насъ, дѣтей, какъ вы насъ называете, — здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, въ этомъ домѣ, въ которомъ вы взяли на себя смѣлость учить насъ заповѣдямъ Христа, — гдѣ были вы, спрашиваю я васъ, и почему молчали тогда, въ день объявленія войны, въ день обнародованія закона о поощреніи братоубійству, — и вдругъ заговорили теперь, подслушавъ сказанное здѣсь ругательство? Ужъ не потому-ли, что братоубійство не столько противорѣчитъ, не столько идетъ въ разрѣзъ съ пониманіемъ вами христіанскаго достоинства, сколько сказанное здѣсь ругательство? Я признаю: ругаться *такъ*, какъ ругаются здѣсь — непозволительно христіанину, и вы правы, правы, что протестовали противъ услышаннаго ругательства. Но гдѣ же были вы, служитель Христа, гдѣ были вы всѣ эти десять мѣсяцевъ, когда каждодневно и каждоминутно у дѣтей насильно

отрывали и отрываютъ ихъ отцовъ, у матерей ихъ мальчиковъ, — чтобы, отнявъ, насильственно-же посылать въ огонь, на убійства, на смерть, — гдѣ были вы все это время, и почему въ вашихъ проповѣдяхъ не протестовали противъ всѣхъ этихъ преступленій хотя бы такъ, какъ это сдѣлали здѣсь по случаю услышаннаго ругательства? Почему? Почему? Ужъ не потому ли, что всѣ эти ужасы тоже нисколько не противорѣчатъ христіанскому достоинству? Почему вы, достойный стражъ христіанства, нашли въ себѣ наглость улыбаться и поощрительо кивать намъ вашей священной головой, когда однажды, проходя по гимназическому двору, вы увидѣли, какъ насъ, вашихъ дѣтей, учатъ теперь ежедневно ружейнымъ пріемамъ, какъ насъ учатъ искусству братоубійствъ? Чему же вы такъ поощрительно улыбались, глядя на насъ, и почему молчали? Не потому-ли ужъ, что учить дѣтей ружейнымъ пріемамъ тоже не претитъ вашему христіанскому достоинству? И какъ осмѣлились вы, прикрываясь именемъ Христа, нарочито презрѣть заповѣди Того, Чьимъ свѣтлымъ именемъ вы желаете оправдать вашу жалкую жизнь, какъ посмѣли вы молиться, слышите-ли, молиться о томъ, чтобы братъ побѣдилъ бы брата, чтобы братъ покорилъ бы брата, чтобы братъ убилъ бы врага? О какомъ врагѣ вы теперь говорите? Ужъ не о томъ ли, о которомъ еще годъ тому назадъ вы сладкимъ голоскомъ вѣщали, что его должно и прощать и любить? Или быть-можетъ такая молитва о покореніи, о насиліи, объ убійствѣ и уничтоженіи однимъ человѣкомъ другого — тоже не противорѣчитъ вашему пониманію христіанскаго достоинства? Опомнитесь-же вы, жалкій церковный чиновникъ, отупѣвшій и разжирѣвшій на народныхъ харчахъ; опомнитесь и не оправдывайтесь тѣмъ, что ваши единовѣрческіе сослуживцы, рискуя жизнью тамъ, на поляхъ ужаса, причащаютъ умирающихъ и умиротворяютъ истекающихъ кровью. Не оправдывайтесь этимъ, ибо, какъ вамъ, такъ и имъ слишкомъ хорошо вѣдомо, что ваша задача, что вашъ христіанскій долгъ умиротворять не больныхъ, уже истекающихъ кровью, — а здоровыхъ, только

еще идущихъ убивать. Такъ не уподобляйтесь же врачу, который сифилитическія язвы лѣчитъ гольдкремомъ, и не пытайтесь оправдываться еще тѣмъ, что вы потворствуете этому страшному дѣлу — изъ преданности монарху или правительству, изъ любви къ родинѣ или къ такъ называемому русскому оружію. Не оправдывайтесь, ибо знаете вы, что вашъ монархъ — Христосъ, ваша родина — совѣсть, ваше правительство — Евангеліе, ваше оружіе — любовь. Такъ опомнитесь же и дѣйствуйте. Дѣйствуйте, потому что дорога каждая минута, потому что каждую минуту, каждую секунду люди стрѣляютъ, люди убиваютъ, люди падаютъ. Опомнитесь и дѣйствуйте, ибо люди, и матери, и отцы, и дѣти, и братья, и всѣ, и всѣ — ждутъ отъ васъ, именно отъ васъ, чтобы вы — служители Христа, безстрашно жертвуя вашими жизнями, вмѣшались бы въ этотъ позоръ, и ставъ между безумцами, крикнули бы громко, — громко потому, что васъ много, васъ такъ много, что вы можете крикнуть на весь міръ: — люди остановитесь, — люди перестаньте убивать! Вотъ, вотъ, вотъ въ чемъ вашъ долгъ.

Глядя на то, какъ Буркевицъ, странно взмахнувъ рукой, съ завалившейся головой, страшно трясясь и шатаясь, прошелъ мимо насъ и вышелъ за дверь на лѣстницу, — у меня была только одна мысль: — пропалъ, эхъ, пропалъ ты, бѣдный Васька.

Лишь черезъ мгновеніе, оглянувшись въ противоположномъ направленіи, я увидѣлъ, какъ красивымъ изгибомъ огладивъ косякъ, исчезла въ двери лиловая ряса.

И въ ту-же самую секунду, когда всѣ бросились другъ къ другу, взволнованно говоря и махая руками, — гдѣ-то внизу начался глухой гулъ, грозно усиливаясь, словно въ домъ ворвалась морская вода, шелъ онъ кверху, — отъ него дрожали окна и стѣны и полъ, и наконецъ и въ нашемъ корридорѣ гулъ этотъ разорвался оглушающимъ грохотомъ сквозь распахнувшіяся двери шестого и седьмого классовъ. Урокъ кончился.

10.

Что бы не сообщать подробностей этого чрезвычайнаго происшествія двумъ младшимъ классамъ, заполнившимъ на время перемѣны корридоръ, — всѣ мы зашли въ классъ.

— Это же идіотъ, вѣдь это же и форменный идіотъ, — говорилъ Штейнъ, кладя на плечо Яга свою бѣлую руку, которая на черномъ сукнѣ походила на расплескавшееся пятно сливокъ.

— Нѣтъ, Штейнъ, ты братъ, не мѣшайся, — отстранился отъ него Ягъ. — Ты, можно сказать, европеецъ, а тутъ, братъ, азіатское дѣло. Ты пойми: толкованіе талмуда не нарушено, а потому тебѣ волноваться не гоже.

И выждавъ, когда Штейнъ оскорбленно отошелъ къ своей партѣ, Ягъ вполголоса обратился къ возбужденной группѣ скопившейся у окна. — Вѣдь этому дивиться надо, — сказалъ Ягъ, — до чего наши еврейчики духовенство обожаютъ; попа, ни Боже мой, не тронь, — всѣ жиды взбунтуются.

— Таккая сафпадэніе, — закачалъ головой Такаджіевъ, но никто не засмѣялся. Въ группѣ шелъ горячій обмѣнъ мнѣній. Однако никому не давали высказаться, взволнованно перебивая, оспаривая, отвергая. Одни говорили, что Буркевицъ правъ, что война никому не нужна, что она губительна и прибыльна только генераламъ и интендантамъ. Другіе говорили, что война дѣло славное, что не будь войнъ — не было бы и Россіи, что нечего слюньтяйничать, а надо биться. Третьи говорили, что хотя война дѣло ужасное, однако, въ настоящій моментъ вынужденное, и что если хирургъ во время операціи и разочаровался въ медицинѣ, то это не даетъ ему еще права, не докончивъ опраціи, уйти и бросить больного. Четвертые говорили, что все это сплошное безуміе, и что въ берлинскихъ гимназіяхъ духовенство наврядъ ли выслушиваетъ рѣчи подобныя буркевицовской. Пятые говорили, что хотя война намъ и навязана, и что званіе великаго государства не допускаетъ заговорить о мирѣ, однако мысль Буркевица пра-

вильная, и что духовенство всего міра, исходя изъ единыхъ принциповъ христіанства, обязано было бы, даже не считаясь съ опасностью преслѣдованія его военнымъ закономъ, протестовать и бороться противъ дальнѣйшаго веденія войны. Противъ послѣдняго мнѣнія возражалъ Ягъ.

— Эхъ, ребятушки, — говорилъ онъ. — Да о какихъ-такихъ это вы христіанскихъ принципахъ говорите? Да ежели Буркевицу-то эти самые христіанскіе принципы такъ ужъ дороги, такъ съ чего же это онъ, дозвольте васъ спросить, три года съ нами ни единымъ словечкомъ не обмолвился? Три года, подумать только. А что-жъ мы ему худого сдѣлали, что посмѣялись? Да завидя этакую соплю, тутъ бы и лошади засмѣялись. Да я такой сопли, прости Господи, за всю жизнь не видывалъ. Такъ съ чего же это онъ, христіанинъ великій, мать его за ногу, на насъ три года волкомъ смотритъ, все укусить прилаживается. Нѣ-ѣтъ, милые, тутъ дѣло иное. Ему война, можно сказать, какъ воздухъ, необходима. Ему не христіанства надобно, а его нарушенія, — потому онъ паскуда бунтовать задумалъ. Вотъ оно что.

Я стоялъ поодаль и рѣшалъ для себя: какъ могло все это случиться, что Буркевицъ, лучшій ученикъ, гордость гимназіи, несомнѣнный обладатель золотой медали, — какъ могло произойти, что этотъ Буркевицъ погибъ? То, что онъ погибъ было очевидно, потому что внизу, сегодня же, быть можетъ уже теперь сзываютъ педагогическій совѣтъ, который, конечно, единогласно выброситъ его съ волчьимъ паспортомъ. Тогда прощай университетъ. И какъ же ему должно быть обидно, *въ особенности*, когда все это за десять дней до выпускныхъ экзаменовъ. (Я постоянно чувствовалъ, что человѣкъ испытываетъ свое отчаяніе тѣмъ острѣе, чѣмъ *ближе* удалось ему приблизиться ко вдругъ ускользающей отъ него конечной цѣли, — хотя я при этомъ прекрасно понималъ, что *близость* цѣли нисколько не означаетъ большую непремѣнность ея достиженія — чѣмъ съ любой, значительно болѣе отдаленной отъ этой цѣли, точки. Въ этомъ пунктѣ у меня начиналось отдѣле-

ніе чувства отъ разума, практики отъ теоріи, — гдѣ первое сущесвовало наравнѣ со вторымъ, и гдѣ оба — разумъ и чувство — не были въ состояніи ни, помирившись, слиться воедино, — ни, поборовшись, одинъ другого побороть).

Но какъ-же могло съ Буркевицемъ случиться подобное? И что это: предумышленная расчетливость, или мгновенное безуміе? Я вспоминалъ вызывающую улыбку, которой Буркевицъ привлекъ на себя слова батюшки и рѣшалъ: предумышленный расчетъ. Я вспоминалъ трясущуюся голову Буркевица и пьяный его шагъ и перерѣшалъ: мгновенное безуміе.

Меня крѣпко тянуло взглянуть на него и эта тяга къ Буркевицу тонко сплеталась изъ трехъ чувствъ: первое чувство было жестокое любопытство взглянуть на человѣка. съ которымъ произошло большо несчастье; второе — было чувство молодечества по причинѣ единичности моего поступка, ибо никто въ классѣ даже не помышлялъ идти къ тому, кто уже почитался зачумленнымъ; третье — было чувство, сообщавшее мускулатуру первому и второму: увѣренность въ томъ, что мое приближеніе или даже бесѣда съ Буркевицемъ никакими непріятностями мнѣ со стороны начальства не грозитъ. На часахъ оставалось двѣ минуты до окончанія перемѣны. Выйдя изъ класса, протолкавшись вдоль по коридору, полному нестройнаго стука ногъ, звона голосовъ и вскриковъ, — я вышелъ на площадку лѣстницы. Притворивъ за собою дверь, отчего крики и топотъ ногъ, обманувъ ухо, затихли, и только черезъ мгновеніе пришли заглушеннымъ густымъ гуломъ, — я оглянулся.

Лѣстницей ниже, около двери карцера, который послѣдніе десять лѣтъ не былъ въ употрбленіи, и на которомъ висѣлъ рыжый ржавый замокъ, — сидѣлъ Буркевицъ. Онъ сидѣлъ на ступенькахъ, спиной ко мнѣ. Онъ сидѣлъ раскорякой, съ локтями на колѣняхъ, — съ упавшей въ ладони головой. Тихонько наноскахъ и очень мед-

ленно по ступенямъ, я началъ спускаться къ нему, при этомъ все глядя на его спину. Его спина была выгнута горбомъ, — словно два острыхъ предмета подоткнутыхъ подъ шибко натянутое сукно — проступали лопатки, и въ этой скрюченной спинѣ и въ этихъ вылѣзающихъ лопаткахъ были и безсиліе, и покорность, и отчаяніе. Тихонько подойдя къ нему сзади, все такъ, чтобы онъ меня не видѣлъ, я положилъ руку на его плечо. Онъ не вздрогнулъ и не открылъ лица. Только спина его еще больше сгорбатилась. Все глядя на его спину я осторожно перенесъ руку съ его плеча на его волосы. Но только я прикоснулся къ его тепловатымъ волосамъ, какъ почувствовалъ, что во мнѣ тронулось что-то такое, отъ чего, если бы кто увидѣлъ, мнѣ стало бы совѣстно. Оглянувшись такъ, чтобы это даже не было похоже на оглядываніе, убѣдившись, что на лѣстницѣ пусто, я ласково провелъ рукой по жесткимъ шоколаднымъ вихрамъ. Это было пріятно. Мнѣ стало сразу такъ легко и такъ нѣжно, что я еще и еще разъ провелъ по его волосамъ. Не отнимая рукъ отъ уткнутаго въ нихъ лица, и потому не видя того, кто къ нему подошелъ и кто гладитъ его волосы. — Буркевицъ вдругъ глухимъ сквозь ладони звукомъ произнесъ: — Вадимъ? Съ хрустальной грудью я сразу опустился и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Буркевицъ сказалъ Вадимъ, онъ назвалъ меня по имени, и то что онъ сдѣлалъ это не видя того кто пришелъ къ нему, означало для меня впервые быть отмѣченнымъ не за безсердечіе молодечества, а за отзывчивость и нѣжность моего сердца. Мои пальцы сжались, захватили горячіе у корней жесткіе вихры волосъ, — и шибко дернувъ и вырвавъ лицо Буркевица изъ скорлупы закрывавшихъ его ладоней, я повернулъ это лицо къ себѣ, глаза въ глаза. Близко - близко я видѣлъ теперь передъ собою эти маленькіе сѣрые глаза, странно измѣненные отъ оттянутой къ затылку кожи, гдѣ моя рука держала его за волосы. Съ секунду эти глаза въ хмуромъ своемъ страданіи смотрѣли на меня, но наконецъ, не смогши видно одолѣть тугія мужскія слезы, они, заложивъ свирѣпую складку промежъ

бровей, скрылись подъ вѣками. И тотчасъ, лишь только закрылись глаза, раздался незнакомый мнѣ лающій голосъ. — Вадимъ. — Ты. — Милый. — Единъ. — Ственный. — Вѣришь — Такъ тяжело. — Я. — Отъ всей. — Отъ души. — Вѣришь. — И впервые чувствуя какъ сильныя мужскія руки обнимаютъ и тискаютъ мою спину, впервые прижимаясь щекой къ мужской щекѣ, — я грубымъ, ругающимся голосомъ говорилъ. — Вася... я..: твой::: твой... «Другъ» я все хотѣлъ добавить, но «др» можетъ еще сказалъ бы, а вотъ на «у» боялся расплакаться. И жестоко оттолкнувъ Буркевица, качнувъ его лицо, которое и закрытыми глазами, и блѣдностью своею, и короткимъ носомъ, походило на гипсовую бетховенскую маску, — я, съ равнодушнымъ ужасомъ сознавая то страшное, что собираюсь сейчасъ сдѣлать, бросился внизъ по лѣстницамъ. Я мчался по лѣстницамъ такъ, какъ мчатся за врачемъ для умирающаго друга, мчатся не потому что врачъ можетъ спасти, а потому, что въ этомъ движеніи, въ этой погонѣ должна ослабнуть та тяга на себѣ самомъ испытывать тѣ страданія, видъ которыхъ возбудилъ это совершенно непереносимое чувство жалости.

Лѣстница прошла. Въ подвально обѣденной залѣ ноги приспосабливаются къ скольженію по сине-бѣлой кафели. Послѣднее окно кускомъ солнца задѣваетъ глаза, и сразу темная сырость раздѣвальной, — по ея асфальтовому полу подошвы влипаютъ ввинченной увѣренностью. И опять лѣстница наверхъ. Я уже знаю начало, — «какъ истинный христіанинъ довожу до вашего свѣдѣнія», — а дальше не важно, дальше пойдетъ какъ по маслу, по маслу, по маслу, — при этомъ я заносилъ ногу черезъ три ступени и при нажимѣ крякалъ — на маслѣ.

Шагать черезъ три ступени, да еще такія высокія какъ въ нашей гимназіи, понуждало подниматься какъ бы распластываясь по лѣстницѣ и съ низкимъ наклономъ головы. Поэтому-то я и не замѣтилъ, что на верхней площадкѣ уже давно смотрѣлъ и поджидалъ меня змѣиными глазами въ похоронномъ своемъ сюртукѣ директоръ гим-

назіи Рихардъ Себастьяновичъ Кейманъ. Лишь за нѣсколько ступеней я увидѣлъ прямо передъ глазами растущіе столбы его ногъ, которые отбросили меня такъ, словно выстрѣлили, но не попали.

Молча онъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня малиновывъ лицомъ и чернымъ клиномъ бороды. — Тю тякое съ вами, — наконецъ спросилъ онъ. Его презрительно ненавидящее «тю» вмѣсто «что», при которомъ его губы поцѣлуйно вылѣзли изъ подъ усовъ, — было той кнопкой, отъ которой восемь лѣтъ останавливались наши сердца.

Я позорно молчалъ.

— Тю съ вами тякое, — изъ презрительнаго баритона поднимая голосъ въ разволнованный и тревожный теноръ, повторилъ Кейманъ.

Мои руки и ноги тряслись. Въ желудкѣ лежала знакомая льдина. Я молчалъ.

— Я хачу зна, та съ вами такая, пронзительной фистулой и чтобы не сорватся мѣняя всѣ гласныя на «а», крикнулъ Кейманъ. Его взвизгивающіе вопли, отдавшись объ каменные потолки, пошли шатунами вверхъ по мраморной парадной лѣстницѣ.

Но, въ то время какъ въ перерывахъ между директорскими криками, я безплодно пытался возбудить въ себѣ, теперь все менѣе понятное и совсѣмъ высохшее, чувство жалости къ Буркевицу, которое привело меня сюда, — я одновременно чувствовалъ въ себѣ все больше наростающую силу, силу жестокаго озлобленія противъ краснаго Кеймана, который здѣсь на меня оралъ. И уже съ радостью сознавая, что злоба эта дастъ мнѣ нужное опьяненіе, чтобы не осрамиться и чтобы сказать тѣ самыя слова, которыя я и раньше хотѣлъ сказать, — я все же смутно соображалъ, хто хотя слова и останутся тѣ-же, однако, подъ вліяніемъ смѣны чувства, *причина* говоренія мною тѣхъ же самыхъ словъ — перемѣнилась; — ибо раньше я ихъ хотѣлъ сказать изъ желанія причинить боль

самому себѣ, — теперь же единственно, чтобы доставить боль и оскорбить Кеймана. И выраженіемъ лица и звучаніемъ голоса придавая каждому слову значимость озлобленнаго хлопка по красной директорской мордѣ, — я сказалъ: — какъ истинный христіанинъ я вполнѣ и въ совершенной мѣрѣ, — но въ это мгновеніе, когда я уже задыхался отъ злобной ненависти, меня прервала горячая тяжесть легшей мнѣ на затылокъ руки. И тутъ же повернутымъ глазомъ я увидѣлъ лиловую грудь и на ней шибко опускающійся и поднимающійся золотой молотокъ креста.

— Вы, Рихардъ Себастьяновичъ, ужъ простите мнѣ мое вмѣшательство, — сказалъ батюшка, курносое и старое лицо котораго, оттого что я смотрѣлъ на него сильно скошеннымъ глазомъ, двоилось и плыло. — Это онъ шелъ ко мнѣ.

Сказавъ это онъ, обнимая меня одной рукой за плечи, качнувъ глазами въ мою сторону, потомъ взглянулъ на директора и многозначительно зажмурился. — У насъ тутъ маленькое дѣло, совсѣмъ не гимназическое. Онъ шелъ ко мнѣ.

Кейманъ изъ начальника вдругъ сдѣлался жуиромъ. — Но ради Бога, батюшка, я этого совсѣмъ не зналъ. Вы меня, пожалуйста, простите. — И сдѣлавъ въ мою сторону широкій пригласительный жестъ, которымъ на сценѣ хлѣбосолы зовутъ къ заставленному яствами столу, Кейманъ, повернувъ намъ спину разстегнулъ сюртукъ, и заложивъ руки въ карманы и качаясь и шаркая такъ, словно подходилъ къ дамѣ, съ которой будетъ сейчасъ вальсировать, — пошелъ къ мраморной лѣстницѣ и тяжко кланяясь началъ подниматься.

Между тѣмъ батюшка повернулъ меня къ себѣ лицомъ и, положивъ свои руки мнѣ на плечи, этимъ движеніемъ соединилъ меня съ собой, точно параллельными брусьями, на которыхъ свернутыми флагами свисали широкіе рукава его рясы. Теперь я стоялъ спиной къ поднимающемуся Кейману, но наблюдая глаза батюшки, обращенные мимо меня въ сторону лѣстницы, я видѣлъ ясно,

что онъ ждетъ пока Кейманъ взойдетъ и скроется за лѣстничнымъ поворотомъ.

— Скажите мнѣ, — переводя наконецъ свой взглядъ съ лѣстницы на мои глаза, обратился ко мнѣ батюшка, — скажите мнѣ теперь, мой мальчикъ. Почему вы хотѣли это сдѣлать? И его руки на словѣ «это» слегка сдавили мнѣ плечи. Но, уже примиренный и потому растерянный, я молчалъ.

— Вы молчите, мой мальчикъ. Ну что-жъ. Позвольте мнѣ тогда за васъ отвѣтить и сказать, что вы не сочли для себя допустимымъ, въ то время, какъ вашъ другъ, какъ вы думаете, губитъ себя за правду Христову, оставаться невредимымъ, ибо правда эта вамъ дороже благоустройства вашей жизни. Вѣдь такъ, — да?

Хотя я въ это время думалъ о томъ, что это совсѣмъ не такъ, и что отъ такого предположенія мнѣ даже становится совѣстно, — однако какая то сложная смѣсь вѣжливости и уваженія къ этому старику побудила меня кивкомъ головы подтвердить его слова.

— Но разъ вы рѣшились на подобный шагъ, — продолжалъ онъ, — такъ ужъ навѣрно не сомнѣвались, что первое что я сдѣлаю это нажалуюсь, донесу обо всемъ, что произошло наверху. Не такъ-ли, мой мальчикъ?

Хотя это предположеніе гораздо больше соотвѣтствовало истинѣ чѣмъ первое, — однако та-же смѣсь вѣжливости и уваженія удержала меня отъ того самаго, къ чему при первомъ вопросѣ побудила. И ни кивкомъ головы, ни выраженіемъ лица не подтверждая правоты его предположеній, — я выжидательно смотрѣлъ въ его глаза.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ батюшка, глядя на меня какими-то по особенному расширившимися глазами, — въ такомъ случаѣ вы ошиблись, мой мальчикъ. Поэтому ступайте къ вашему другу и скажите ему, что я здѣсь священникъ (онъ сдавилъ мнѣ плечи), но я не доносчикъ, нѣтъ. И батюшка, какъ то сразу одряхлѣвъ и состарившись, словно потерявъ всякую рѣшительность, все больше затихающимъ голосомъ еще сказалъ: — а ему... пусть

будетъ Богъ судья, что старика обидѣлъ; вѣдь у меня сынъ... (совсѣмъ тихо, словно по секрету) — на этой войнѣ... (и уже безъ голоса, вышептывающими губами) ...убитъ...

Еще въ самомъ началѣ, когда батюшка началъ со говорить, — та близость къ его бородатому лицу, къ которой понуждали его положенныя мнѣ на плечи руки — была мнѣ непріятна, и потому мнѣ все казалось, что руки его меня притягиваютъ. Теперь, однако, мнѣ почувствовалось, будто руки эти меня отталкиваютъ, — такъ ужасно захотѣлось мнѣ придвинуться къ нему поближе. Но батюшка вдругъ снялъ руки съ моихъ плечъ, и сердито отвернувъ налившіеся слезами глаза, быстро - быстро пошелъ мимо лѣстницы вдаль по коридору.

Два чувства, два желанія были сейчасъ во мнѣ: первое, — это прижаться къ батюшкиному лицу, поцѣловать его и нѣжно расплакаться; второе, — бѣжать къ Буркевицу, разсказать все и жестоко посмѣяться. Эти два желанія были какъ духи и зловоніе: они другъ друга не уничтожали, — они другъ друга подчеркивали. Ихъ расхожденіе было только въ томъ, что желаніе прижаться къ батюшкиному лицу тѣмъ больше ослаблялось, чѣмъ дальше по коридору онъ отъ меня уходилъ, — а терзающее желаніе выболтнуть радостную вѣсть и погеройствовать, усиливалось по мѣрѣ того, какъ я поднимался по лѣстницѣ къ мѣсту, гдѣ оставилъ Буркевица. И хотя я прекрасно зналъ, что излишняя восторженная торопливость очень повредитъ моему геройскому достоинству, — все же не смогъ сдержаться и едва приблизившись къ Буркевицу сразу тремя словами выхлестнулъ все. Но Буркевицъ видимо не понялъ и глядя поверхъ меня далекимъ и усталымъ отъ страданія взглядомъ — разсѣянно, какъ бы изъ приличія, переспросилъ. Тогда уже болѣе спокойно и даже весьма обстоятельно я началъ разсказывать ему, какъ было дѣло. И вотъ тутъ-то, пока я разсказывалъ, съ Буркевицемъ начало дѣлаться совершенно то-же самое, что я однажды уже видѣлъ, наблюдая игру двухъ шахматистовъ. Пока на

шахматной доскѣ — одинъ намозговалъ и сдѣлалъ ходъ, — другой, не глядя на доску, видно чѣмъ то разстроенный или возмущенный, разговаривалъ съ сидѣвшими рядомъ людьми и размахивалъ рукам. Его прервали — сказавъ, что противникъ сдѣлалъ ходъ, и онъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на доску. Сперва въ его глазахъ еще свѣтился тотъ хвостикъ мыслей, которыхъ онъ не досказалъ. Но чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на доску, тѣмъ напряженнѣе становились его глаза, и вниманіе, какъ вода на промокашкѣ, захватывало его лицо. Не сводя глазъ съ доски, онъ то морщась, чесалъ затылокъ, то хваталъ себя за носъ, то выпячивалъ нижнюю губу — удивленно поднималъ брови, то закусывая губу — хмурился. Его лицо все мѣнялось, мѣнялось, куда-то плыло, плыло, и наконецъ успокоилось, поставило точку своимъ усиліямъ и улыбнулось улыбкой лукаваго поощренія. И хотя я совершенно не разбирался въ шахматахъ, однако, глядя на этого человѣка я зналъ, что онъ своей улыбкой воздаетъ должное противнику, и что въ игрѣ случилось нѣчто неожиданное, а главное — такое, что непреодолимо препятствуетъ его выигрышу.

СОНЯ.

1.

Бульвары были какъ люди: въ молодости, вѣроятно, схожіе, — они постепенно мѣнялись въ зависимости отъ того, что въ нихъ бродило.

Были бульвары, гдѣ сѣтью длинныхъ скрещивающихся красныхъ палокъ отгораживался прудъ, съ такими жирными пятнами у береговъ, словно въ сальную кастрюлю налили воды, на зеленой поверхности которой паровознымъ паромъ проплывали облака, морщинившіяся, когда кто-нибудь катался на лодкѣ, — и гдѣ тутъ-же, неподалеку, въ большомъ, но очень низкомъ ящикѣ, безъ крышки и дна, и наполненномъ рыжимъ пескомъ, ковырялись дѣти, — а на скамьяхъ сидѣли няньки и вязали чулки, и бонны матери читали книжки, и вѣтерокъ — качающимися обоями — двигалъ по ихъ лицамъ, по колѣнямъ и по песку тѣневые узоры листвы.

Были бульвары шумливые, гдѣ играла военная музыка, и въ мѣдныхъ начищенныхъ трубахъ — красной ящерицей заплывалъ въ небеса проходившій трамвай; гдѣ гуляя подъ грозный маршъ становилось немножко совѣстно, когда ноги противъ воли, какъ въ стыдную яму, попадали въ воинственный тактъ; гдѣ не хватало скамеекъ и близь музкыи ставились раздвижные стулья съ зелеными желѣзными ножками и съ сидѣньями изъ ярко желтыхъ пластинокъ, прорѣхи которыхъ оставляли ступенчатыя складки на пальто; и гдѣ подъ - вечеръ, когда

трубы пѣли про Фауста, — въ ближней церкви начинали остро и мелко тилибинить колокола, будто предупреждая о томъ, что сейчасъ бархатнымъ громомъ лопнетъ мѣдный ударъ, отъ котораго вальсъ трубачей вдругъ послышится нестерпимо фальшивымъ.

И были бульвары на первый взглядъ скучные — не будучи ими. Тамъ сѣрый какъ пыль песокъ былъ уже такъ перемѣшанъ съ сѣмячной скорлупой, что вымести ее было невозможно, — тамъ писсуаръ формы приподнятаго надъ землей, недоразвернутаго свертка давалъ далекій и щиплющій глаза запахъ, — тамъ вечеромъ выходили въ лохмотьяхъ раскрашенныя старухи и сиплыми, граммофонными, неживыми голосами за двугривенный разбазаривали любовь, — тамъ днемъ, не обращая вниманія на разорванный обручъ и выпрыгивающую изъ него красавицу въ трико, въ персиковую ляжку которой вбитый гвоздь поддерживалъ этотъ цирковой соблазнъ, — шли мимо люди, шли не гуляя, а быстро, какъ по улицѣ, — и если кто и присаживался на пыльную, пустую скамью, такъ развѣ ужъ для того, чтобы отдохнуть съ тяжелой ношей, или нажраться спичками Лапшина, или, — глотнувъ какой нибудь кислоты изъ аптекарскаго пузырька, — начавшейся болью остановить жизнь, и тутъ-же въ корчахъ свалиться на спину, навзничь, такъ — чтобы еще разъ, въ послѣдній разъ, увидать надъ собой это жидкое, московское небо.

Уже было лѣто, выпускные экзамены давно были кончены, — но кипятить въ себѣ восторгъ по причинѣ того, что я наконецъ студентъ, становилось все тяжелѣе, и замѣтно я начиналъ еще больше тяготиться наступившимъ бездѣльемъ, чѣмъ тѣми волненіями, которымъ оно являлось наградой. И только разъ или два на недѣлѣ, когда у меня случалось нѣсколько рублей, — примѣрно такъ, чтобы хватило заплатить за извозчика и за номеръ, — я выходилъ.

Эти нѣсколько рублей, которые въ мѣсяцъ составляли до сорока, очень тяжело ложились на жизнь моей ма-

тери. Уже безсмѣнно много лѣтъ она ходила въ постоянно доштопывающемся, разваливающемся, дурно пахнувшемъ платьицѣ и въ ботинкахъ съ косо сбитыми, кривыми каблуками, отъ которыхъ, вѣроятно, еще больше болѣли ея опухшія ноги, — но деньги, когда она ихъ имѣла, она мнѣ давала радостно, — я-же бралъ ихъ съ видомъ человѣка, забирающаго въ кассѣ банка какую-то ничтожную мелочь, снисходительная небрежность котораго при этомъ должна свидѣтельствовать о величинѣ его текущаго счета. Совмѣстно на улицу мы не выходили никогда. Особенно я даже не скрывалъ того, что стыжусь ея рваной одежды, (скрывая при этомъ, что стыжусь ея некрасивой старости), она знала это, и встрѣтивъ меня разъ или два на улицѣ, улыбаясь своей доброй, будто извиняющей меня улыбкой, смотрѣла мимо и въ сторону, чтобы не заставить меня ей поклониться, или къ ней подойти.

Въ дни, когда у меня случались деньги, но всегда вечеромъ, когда кое-гдѣ черезъ одинъ горѣли фонари, закрыты были магазины и пустѣли трамваи, — я выходилъ. Въ узкихъ діагоналевыхъ брюкахъ со штрипками, которыхъу же давно не носили, но которые слишкомъ хорошо обтягивали ноги, чтобы отказаться отъ нихъ, въ фуражкѣ съ обвисающими полями ширины дамскихъ шляпъ, въ мундирѣ съ высокимъ, выбивающимъ второй подбородокъ, суконнымъ воротникомъ, напудренный какъ клоунъ и съ навазелиненными глазами, — такъ шелъ я вдоль по бульварамъ, какъ вѣткой цѣпляя взглядомъ глаза всѣхъ идущихъ навстрѣчу мнѣ женщинъ. Никогда и ни одну изъ нихъ я, какъ это принято говорить, не раздѣвалъ взглядомъ, какъ и никогда не испытывалъ чувственности тѣлесно. Шагая въ томъ горячечномъ состояніи, въ которомъ другой быть можетъ писалъ бы стихи, я, напряженно глядя во встрѣчные женскіе глаза, все ждалъ такого же отвѣтнаго, расширеннаго и страшнаго взгляда. Къ женщинамъ, отвѣчающимъ мнѣ улыбкой, я не подходилъ никогда, зная, что на такой взглядъ, какъ мой —

улыбкой можетъ отвѣтить только проститутка или дѣвственница. Въ эти вечерніе часы ни одно воображаемое тѣлесное обнаженіе не смогло бы такъ сразу пересушить горло, такъ заставить его задрожать, какъ этотъ женскій, жуткій и злой, пропускающій въ самое дно, хлещущій взглядъ палача, — взглядъ, какъ прикосновеніе половыхъ органовъ. И когда такой взглядъ случался, а рано или поздно онъ случался непремѣнно, я тутъ же на мѣстѣ поворачивался, догонялъ глянувшую на меня женщину, и подойдя прикладывалъ бѣлую перчатку къ черному козырьку.

Казалось бы, что взглядомъ, которымъ эта женщина и я посмотрѣли другъ другу въ глаза, взглядомъ, словно часъ тому назадъ мы совмѣстно убили ребенка, — казалось бы, что такимъ взглядомъ сказано уже все, все понято и говорить больше рѣшительно не о чемъ. На самомъ-же дѣлѣ все обстояло гораздо сложнѣе, и подойдя къ этой женщинѣ и сказавъ фразу, смыслъ которой состоялъ всегда какъ-бы въ продолженіи только что прерванной бесѣды, — я принужденъ былъ еще говорить и говорить, дабы говоримыми словами вырастить и довести *душевность* нашихъ отношеній до соединенія ея съ чувственностью нашего перваго сигнальнаго взгляда. Такъ, въ бульварныхъ потемкахъ, шли мы рядомъ, враждебно настороженные и все-таки какъ-то нужные другъ другу, и я говорилъ слова, влюбленность которыхъ казалось тѣмъ болѣе правдоподобной, чѣмъ менѣе она была правдива. А когда наконецъ, руководимый той странной увѣренностью, будто осторожность при нажатіи курка — сдѣлаетъ выстрѣлъ менѣе оглушительнымъ, я, — какъ бы невзначай, какъ бы между прочимъ — предлагалъ поѣхать въ гостиницу и провести тамъ часокъ, конечно лишь за тѣмъ, чтобы поболтать, и все это по причинѣ-де того, что нынче погода (смотря по обстоятельствамъ) слишкомъ холодна или слишкомъ удушлива, — то уже по отказу (отказъ слѣдовалъ почти постоянно), вѣрнѣе по его тону, — взволнованому-ли, возмущенному, спокойно-

му, презрительному, боязливому или сомнѣвающемуся, — я уже зналъ, есть ли смыслъ, взявъ эту женщину подъ-руку, упрашивать ее дальше, или же нужно повернуться и не прощаясь уйти.

Случалось иногда и такъ, что въ то время, какъ я догонялъ одну женщину, только что зацѣпившую и позвавшую меня своимъ страшнымъ взглядомъ, — другая женщина, въ идущей мнѣ навстрѣчу толпѣ, тоже кидала мнѣ такой-же откровенно зовущій и жуткій взглядъ. Пораженный нерѣшительностью и непремѣнностью быстраго выбора, я тогда останавливался, — но замѣтивъ, что вторая оглянулась — поворачивался и шелъ вслѣдъ за ней, при этомъ все оглядывался на первую, которая уходила въ противоположномъ направленіи все дальше, и вдругъ, замѣтивъ, что и она оглянулась, сравнивалъ снова обѣихъ, не догнавъ второй, снова бросался въ противоположную сторону за первой, часто не находилъ ее, успѣвшую далеко уйти, толкалъ встрѣчныхъ, задерживающихъ меня людей, метался въ поискахъ, и чѣмъ больше метался, чѣмъ дольше искалъ, тѣмъ искреннѣе вѣрилъ въ то, что она, именно она, которая звала, оглянулась и скрылась въ этой проклятой толпѣ, — есть та мечта и совершенство, которую, какъ всякую мечту, не настигну и не найду никогда.

Вечеръ, начинавшійся неудачей — предвѣщалъ ихъ цѣлый рядъ. Послѣ трехчасовой ходьбы по бульварамъ, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, — гдѣ одна неудача обусловливала другую, ибо съ каждымъ новымъ отказомъ я все больше терялъ огневую терпѣливую хитрость и становился грубъ, — этой грубостью вымещая на каждой новой женщинѣ всю оскорбительность моихъ неудачъ у ея предшественницъ, — я, усталый, измученный ходьбой, съ бѣлыми отъ пыли ботинками, съ пересохшимъ отъ обидъ горломъ, не только не испытывая чувственныхъ потребностей, но ощущая себя такимъ безполымъ, какъ никогда, — все-таки продолжалъ бродить по бульварамъ, словно какое то горькое упорство, закусившее удила, ка-

кая-то горячая боль несправедливо отверженнаго удерживала меня, не пускала меня домой. Тяжелое чувство это мнѣ было знакомо уже съ дѣтства. Однажды, когда я былъ еще совсѣмъ мальчикомъ, въ начальный нашъ классъ поступилъ новичекъ, который мнѣ очень понравился, но съ которымъ я, страдая уже тогда стыдливостью относительно выказыванія своихъ душевнхыъ сторонъ, все не зналъ, какъ къ нему подойти и какъ съ нимъ сдружиться. И вотъ какъ-то, во время завтрака, когда мальчикъ этотъ вытащилъ пакетики и разворачивалъ свою булку, я, — желая шуткой начать наши отношенія, — подошелъ къ нему и сдѣлалъ такое движеніе, будто хочу вырвать у него его завтракъ. Къ моему, однако, удивленію новичекъ испуганно увернулся, зло покраснѣлъ и выругалъ меня. Тогда, заставивъ себя продолжать улыбаться, краснѣя за эту свою улыбку, и какъ бы спасая достоинство этой уже жалкой улыбки, я еще разъ сдѣлалъ движеніе, будто всетаки хочу вырвать у него его завтракъ. Новичекъ развернулся и ударилъ меня. Онъ былъ старше и сильнѣе меня, и онъ побилъ меня, — но потомъ, когда я въ дальнемъ уголкѣ сидѣлъ и сопѣлъ и плакалъ, то слезы мои были особенно горьки не потому вовсе, что гдѣ-то болѣло, а потому что меня побили изъ-за трехкопеечной булки, къ которой я потянулся не для того, чтобы ее отнять, а для того, чтобы подъ предлогомъ ее отнятія — подарить свою дружбу, отдать частицу своей души. Вотъ такимъ то побитымъ я часто бродилъ въ эти долгія московскіе ночи, и когда по мѣрѣ того, какъ все безлюднѣе становились бульвары, и соотвѣтственно понижались требованія, предъявляемыя мною ко внѣшности искомой женщины, я наконецъ находилъ на все согласную жалкую шлюху, то въ этотъ холодный, розовый и утренній часъ, подходя къ воротамъ гостиницы, уже примиренный не желалъ отъ нея ничего, и если все-же оставался и бралъ номеръ, то дѣлалъ это больше изъ чувства своеобразной обязательности по отношенію къ этой женщинѣ, нежели ради удовольствія для самого себя. Впрочемъ, можетъ-быть это

вовсе неправда, потому что какъ разъ въ такія минуты во мнѣ возникало, наконец, то ощущеніе явной чувственности, которое, какъ я предполагалъ, руководило мною весь вечеръ.

2.

Случилось это уже въ августѣ, когда вернувшійся изъ Казани Ягъ прямо съ вокзала заѣхалъ за мной, разбудилъ, растормошилъ, заставилъ одѣться и потащилъ съ собою. Внизу его ждалъ лихачъ, но, видимо взятый съ вокзала, былъ не изъ лучшихъ. Лошадь была понура и мала для такой высокой, на автомобильныхъ шинахъ, пролетки, да и сама пролетка имѣла на мою сторону шибкій кренъ, лакированныя крылья ея были растресканы и швы ихъ разлѣзались рыжей гнильцой. Ягъ былъ въ свѣтло сѣромъ костюмѣ съ морщинистыми складками на рукавахъ — вѣроятно отъ чемодана, въ бѣлой панамѣ съ трехцвѣтной ленточкой, — а лицо его было желтое, — съ красными, какъ крапивные ожоги, пятнами подъ глазами, и въ свѣтлыхъ волоскахъ бровей и въ уголкахъ глазъ — вагонная грязь. Я все присматривался къ чернымъ и влажнымъ крошкамъ гари въ углахъ его глазъ — испытывая болѣзненный соблазнъ вытащить ихъ оттуда пальцемъ, обернутымъ въ платокъ. Но Ягъ понялъ мой взглядъ иначе. И все поднимая руку съ надѣтымъ на рукавъ и съѣзжавшимъ внизъ крюкомъ палки, и пригибая передокъ панамы, который отъ вѣтра волнисто загибался, онъ улыбнулся мнѣ воспаленными губами. — Все такой же красавецъ, — крикнулъ онъ мнѣ сквозь вѣтеръ, — а между тѣмъ вижу, — тутъ его панаму опять загнуло вверхъ, — вижу въ твоихъ глазахъ, — кричалъ онъ, — безсмертную тоску безденежья. И что то бормоча въ вѣтеръ, кажется, — не взыщи, — или что то въ этомъ родѣ, Ягъ, сморщившись и съѣзжая на спинѣ, чтобы легче залѣзть въ карманъ, вытащилъ трубочку сторублевыхъ, и, вырвавъ изъ нихъ одну, скомкалъ и воткнулъ мнѣ въ

руку. — Бери, бери, — злобно крикнулъ онъ, своей сердитостью предотвращая мой отказъ; — чай отъ русскаго берешь, дура твоя голова, не отъ европейца какого-нибудь. И сразу заговорилъ о Казани и объ отцѣ, котораго называлъ папаней, и разсказывать стало вдругъ легко, потому что пролетка, въѣхавъ въ полосу асфальта, шла какъ въ сливочномъ маслѣ — ощущеніе, съ которымъ спорило цоканье копытъ, столь участившееся, точно лошадь вотъ-вотъ поскользнется.

Мнѣ, однако, было нехорошо. Эти сто рублей, которые были для меня неожиданны и радостны, сдѣлали меня, какъ я этому внутренне ни упирался, униженно податливымъ по отношенію къ Ягу. Съ преувеличеннымъ вниманіемъ слушалъ я неинтересный для меня разсказъ о папанѣ, заботливо давалъ Ягу мѣсто, съ котораго онъ изъ-за крена все съѣзжалъ въ мою сторону, и внутренне сопротивляясь и въ то-же время все больше подчиняясь этой подленькой необходимости, не только исходившей отъ моей воли, но просто даже противной ей, съ унизительной ясностью чувствовалъ, какъ все больше теряю ту независимую насмѣшливость надъ Ягомъ, то самое *мое* лицо, которому онъ собственно далъ эти деньги. Еще я чувствовалъ, что это мое настоящее лицо гдѣ-то ужасно близко во мнѣ, и что я верну его себѣ тотчасъ, лишь только избавлюсь — не отъ денегъ, они мнѣ были нужны, — а отъ присутствія Яга. Но уйти было нельзя и, воспользовавшись какой-то плоской Ягиной шуткой, и разсмѣявшись ей столь отвратительно, что съ наслажденіемъ ударилъ бы самъ себя по мордѣ, я, — совершенно такъ, словно только-что своровалъ ихъ, — сунулъ деньги въ карманъ.

Водку пили въ какомъ-то ресторанѣ трактирнаго пошиба, сугубо русское названіе котораго — Орелъ, — красовалось на вывѣскѣ бѣлыми буквами по желтому, переливающему въ зеленый, фону. Водку въ бѣломъ чайникѣ подавалъ половой, и я съ завистью каждый разъ смотрѣлъ, какъ Ягъ ее пилъ изъ чайной чашки. Онъ выливалъ

водку себѣ въ ротъ, горло совсѣмъ не глотало, а лицо его послѣ этого не только не морщилось, но всегда дѣлалось такимъ, будто въ него вошло что-то свѣтлое.

Я такъ не могъ. Мокрый водочный ожогъ, въ особенности послѣ глотка, когда первое дыханіе, холодя пылающіе ротъ и горло, пріобрѣтало отвратительный запахъ спирта, былъ мнѣ чрезвычайно противенъ. Я пилъ водку, потому что пьянство почиталось однимъ изъ элементовъ лихости, и еще потому, чтобы кому то и зачѣмъ то доказывать силу: пить больше другихъ и быть трезвѣе, чѣмъ другіе. И хотя мнѣ уже и самому было ужасно худо, и каждое движеніе нужно было себѣ заказывать, а ужъ потомъ только съ чрезвычайной сосредоточенностью продѣлывать, — но я ощутилъ это какъ пріятную побѣду, когда Ягъ, уже послѣ многихъ чайниковъ, выпивъ изъ чашки, вдругъ закрылъ глаза, началъ бѣлѣть, и подперевъ голову ладонью, такъ дышалъ, что весь раскачивался. Въ помѣщеніи уже горѣло электричество, вокругъ лампы, смыкая кругъ, носились мухи, и машина, трясясь деревянными лирами на синей сѣткѣ, надрывно выпускала сквозь нее свою мертвую музыку.

Уже поздно, къ самому закрытію, мы еще попали въ модное кафе, и тамъ, глядя въ зеркала на свои невыспавшіяся лица, шагали по паркету, какъ по качающейся палубѣ: съ наклономъ впередъ и быстро, когда она подъ нами приподнималась, — и откинуто назадъ и тормозясь, когда она подъ нами падала. И тамъ же у швейцара, который по смѣшенію величественности и подобострастія напоминалъ опальнаго вельможу, Ягъ прикупилъ самогона, и еще сговорился съ двумя кельнершами ѣхать сперва кататься, а потомъ къ нимъ домой.

Внизу, у темнаго и гулкаго пассажа, гдѣ намъ пришлось ихъ ждать, — мы перезнакомились. Ихъ звали Нелли и Китти, но Ягъ, тутъ же переиначивъ ихъ въ Настюху и Катюху и отечески хлопая всѣхъ по задамъ, подгонялъ скорѣе садиться и ѣхать. У Китти я успѣлъ разсмотрѣть только ея маленькую сухопарую фигурку, и, то-

чно мышиные хвостики, приклеенные къ щекамъ колечки волосъ. Ѣхать мнѣ пришлось съ Нелли, и ѣхать было пріятно и вѣтренно. Рѣдкіе прохожіе и ряды фонарей были равно неподвижны, и лишь на извѣстномъ приближеніи трогались изъ общаго ряда и пролетали мимо. Нелли сидѣла рядомъ. Ея шея была замѣтно искривлена, но улыбкой и постоянно скошенными глазами ей временами удавалось преображать это уродство въ кокетливость. И вѣроятно потому, что въ моей головѣ шибко дрожала водка, я, — освобожденый отъ необходимости воображать все то, что обо мнѣ подумаютъ прохожіе, — цѣловалъ ее. У нея была очень противная манера: пока я прижимался къ ея твердо зажатымъ, мокрымъ и холоднымъ губамъ, она мычала сквозь носъ ммм..., причемъ тональность этого ммм все повышалась, и на какой-то, самой высокой и пискливой нотѣ, она начинала вырываться.

Послѣ темныхъ воротъ, надъ которыми, сквозь невидимый фонарь, керосиновой желтизной просвѣчивала восмерка, составленная изъ двухъ кокетливо незамкнутыхъ и несоприкасающихся кружковъ, и гдѣ лихачи, соскочивъ и съ обиженной грозностью просили прибавки, — Нелли и Китти, держа насъ за руки, тянули по темной лѣстницѣ и, долго провозившись съ замкомъ, ввели въ темный корридоръ чужой квартиры. Потомъ отворили еще какую то дверь, и въ темной комнатѣ обозначилось предутренне свѣтлѣющее окно, въ которое упала ночь, когда зажгли лампу. — Только тише, ради Бога тише, господа, — прикладывая къ горлу рабочую руку съ наманикюренными ногтями, умоляюще просила Нелли, въ то время, какъ Китти, осторожно отодвинувъ диванчикъ и зайдя за него, накидывала на стоячую лампу красный шелковый, съ бахромой, платокъ. — Милая, не сумлѣвайтесь, — полнымъ голосомъ кричалъ Ягъ, отчего дѣвочки, какъ по командѣ, такъ втянули головы, словно ихъ сейчасъ ударятъ. — Ежели ваши легкія и диванныя пружины въ исправности — шуму не будетъ. — И Ягъ стоялъ и улыбался, и закинувъ голову, широко раскрывалъ всѣмъ

свои объятія. Только когда, наконецъ, разсѣлись на диванчикѣ у столика, и Ягъ первымъ выпилъ мутнаго, какъ болотная вода, самогону, — съ нимъ стало нехорошо. Его бѣлое лицо сразу шибко смокло, онъ шумно засопѣлъ носомъ, потомъ поднялся, широко раскрывая ротъ, пошелъ къ окну, и легши грудью на подоконникъ и сотрясаясь спиной, началъ блевать. Меня тоже мутило, я все глоталъ, глоталъ, но снова у меня сразу натекалъ полный ротъ. Китти сидѣла, стыдливо закрывъ лицо руками, но сквозь пальчики на меня смотрѣлъ ея смѣющійся черный глазъ. Нелли же смотрѣла на Яга, углы ея губъ были презрительно опущены, при этомъ она такъ покачивала головой, будто предчувствія ея относительно насъ полностью подтверждались.

Отъ окна Ягъ возвратился весьма довольнымъ и, вытирая слезы и ротъ, по новому предпріимчивый, шлепнулся къ намъ на диванъ. — Ну-съ, а теперь пожалуйте бриться, — сказалъ онъ. И обнявъ Нелли, началъ притискивать ее къ себѣ. Каждый разъ, когда она отбрасывала его лицо ладонью, Ягъ, не выпуская ее, оборачивалъ голову и смотрѣлъ на меня, а я, словно подбадривая его въ какомъ то очень смѣшномъ дѣлѣ, поощрительно ему улыбался. Чтобы окончательно притянуть къ себѣ Нелли, Ягъ валился все больше въ ея сторону, и наконецъ, высоко поднявъ ногу, которая гуляла въ воздухѣ въ поискахъ опоры, — уперся ею въ столъ и съ силою толкнулъ его отъ себя.

Нѣсколько секундъ послѣ этого, показавшагося намъ такимъ страшнымъ, грохота, — мы сидѣли, какъ закованные, прислушиваясь и громко дышали. Въ посвѣтлѣвшемъ окнѣ видно было, какъ на проводахъ сидѣли воробьи, и это напоминало колючую проволоку. Съ ужасными предосторожностями, стараясь не производить при этомъ ни единаго звука, я началъ поднимать упавшій столикъ такъ, словно тишина, при которой я его подниму, могла въ какой нибудь мѣрѣ уменьшить грохотъ, произведенный его паденіемъ. — Ну, авось, — началъ было Ягъ, но

съ бѣшеными глазами Нелли сдѣлала шшш, а Китти предостерегающе вытянула руку и все продолжала ее такъ держать. И въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ въ этотъ момнтъ, гдѣ то въ корридорѣ тихо хлопнуло, потомъ зашаркало, потомъ приблизилось и наконецъ затихло у самой нашей двери, ручка которой медленно и грозно начала опускаться внизъ. И сперва въ пріоткрывшуюся дверную щель на меня тревожно посмотрѣлъ испуганный глазъ, а затѣмъ дверь широко и нахально распахнулась и въ комнату со скандальной рѣшительностью шагнула мужская пижама съ поднятымъ вокругъ прелестной женской головки воротникомъ. Ея высокіе каблуки красныхъ и безъ задниковъ туфелекъ, волочились и стучали по паркету. — Нну, — сказала она, глядя на Нелли и Китти, будто ни меня, ни Яга въ комнатѣ не было. — Вы, я вижу, очаровательныя жилицы. И это что же у васъ такъ каждую ночь и будетъ, мм? Нелли и Китти сидѣли рядомъ на диванѣ. Нелли, со своей кривой шеей, широко раскрытыми глазами смотрѣла въ лицо говорившей, мигая и открывъ ротъ. Китти опустила голову, пальцемъ рисовала круги на колѣняхъ, хмурясь, и какъ для свиста вытянула губы. Всѣхъ выручилъ Ягъ, и не потому вовсе, что былъ онъ ужъ очень пьянъ, а потому что, притворяссь шибко пьянымъ, онъ какъ бы выключалъ себя изъ числа виновныхъ. Раскрывая объятія такъ напряженно широко, что въ колѣняхъ сгибались ноги, онъ животомъ впередъ тяжело двинулся навстрѣчу пришедшей и, затянувъ пьянымъ блеяньемъ какую-то пѣсню, тутъ же я оборвалъ и радостоно остановился. И тутъ же между мной и хорошенькой владѣлицей квартиры произошелъ слѣдующій разговоръ

Она. Вашъ товарищъ прекрасно поетъ. Почему только онъ закрываетъ глаза. Ахъ, впрочемъ, да: чтобы не видѣть, какъ я закрываю уши.

Я. Остроуміе придаетъ облику женщины то самое, что мужской костюмъ ея фигурѣ: подчеркиваетъ имѣющіеся у нея прелести и недостатки.

Она. Боюсь, что только благодаря моему костюму вы оцѣнили мое остроуміе.

Я. Это изъ вѣжливости. Было бы жаль по вашему остроумію оцѣнивать вашу фигуру.

Она. Вашей вѣжливости можно было бы предпочесть галантность.

Я. Благодарю васъ.

Она. За что?

Я. Вѣжливость безпола. Галантность сексуальна.

Она. Въ такомъ случаѣ спѣшу васъ завѣрить, что не въ моихъ намѣреніяхъ ждать отъ васъ галантности. Да, впрочемъ, и гдѣ вамъ. Для того, кто галантенъ — женщина пахнетъ розой, а для такихъ, какъ вы, видно даже роза пахнетъ женщиной. А спроси васъ, такъ вы даже и не знаете толкомъ, — что такое женщина.

Я. Что такое женщина? Нѣтъ, почему-же, — знаю. Женщина, это все равно, что шампанское: въ холодномъ состояніи шибче пьянитъ и во французской упаковкѣ — дороже стоитъ.

Развѣвая штаны и хлюпая каблуками, она подошла ко мнѣ. — Если ваше опредѣленіе правильно, — тихо сказала она, выразителньо косясь на Нелли и Китти, — то я имѣла бы право утверждать, что вашъ винный погребъ оставляетъ желать много лучшаго. — Испытывая стыдливый восторгъ побѣдителя, я опустилъ голову и молчалъ. — Впрочемъ, — торопливо и почти шопотомъ добавила она, — можетъ быть мы эту колючую бесѣду когда-нибудь сумѣемъ продолжить. Меня зовутъ Соня Минцъ. — И опуская головку, какъ бы заглядывая мнѣ въ лицо, пока я склонившись, почтителньо цѣловалъ поданную мнѣ руку, она съ удивленнымъ поощреніемъ произнесла о-о, — и состроила лисью мордочку, отчего китайски косыми сдѣлались ея ужасно синіе глаза. И тотчасъ, лишь только она, на этотъ разъ всецѣло обращаясь ко мнѣ и къ Ягу, словно ни Нелли, ни Китти въ комнатѣ и не было, сказала намъ, что ничего не имѣетъ противъ нашего здѣсь пребыванія, и только проситъ вести себя ти-

ніе — лишь только сказавъ все это, она вышла и закрыла за собою дверь, какъ тотчасъ, словно по молчаливому уговору, или въ одинаковости испытываемыхъ нами чувствъ, — Ягъ разыскалъ свою панаму и палку, я взялъ фуражку и мы начали прощаться. И было такъ: пока Нелли и Китти провожали насъ по корридору, какое то отвращеніе, какая-то боязнь, что тамъ, въ квартирѣ, услышатъ интимно сказанное между нами и связывающее меня съ этими дѣвочками слово — толкало меня возможно скорѣе уйти отъ нихъ, не притрагиваясь, не разговаривая съ ними, отдѣлиться отъ нихъ; но когда, спустившись съ лѣстницы, я вышелъ во дворъ, мнѣ вдругъ стало жаль этихъ Нелли и Китти, мнѣ стало какъ то по хорошему жаль этихъ двухъ дѣвочекъ, словно ихъ кто-то, и я въ томъ числѣ, горько и незаслуженно обидѣлъ.

3.

На слѣдующее утро я проснулся, или вѣрнѣе былъ просто разбуженъ чувствомъ рѣжущаго безпокойства, напряженная радостность котораго была для меня очень необычна въ оболочкѣ тяжкой головной боли, жестяной сухости во рту и той, обычной послѣ водки, серіи уколовъ въ сердце, словно туда зашили иглу. Было еще рано. По корридору прошлепала нянька и шептала пщ, пщ, пщ, — и слова, которыя она подразумѣвала подъ этими пщ, пщ, и которыя приписывались ею тому лицу, съ которымъ она вела споръ, — видимо настолько ее возмутили, что, остановившись у самой моей двери, она воскликнула: — ишь, ты, какъ бы не такъ. Я легъ на бокъ, свернулся и вздохнулъ — дескать какъ мнѣ тяжко, — въ то время какъ мнѣ было такъ славно и такъ радостно, — и сдѣлалъ видъ, что хочу заснуть, зная прекрасно, что въ такомъ радостномъ безпокойствѣ не только заснуть, но и лежать-то совершенно невозможно. Изъ кухни стало слышно. какъ изъ открытаго водопровода сухо застрекотала струя, которая отъ подставленной подъ нее кастрюли пе

решла въ звенящій, тонально повышающійся, гулъ. И въ звукахъ этихъ было нѣчто столь волнующее, что въ необходимости выпустить излишекъ моихъ радостей, я приподнялся, и, шевельнувъ зашитую въ сердце иглу и разливая ядовитую тупую боль по темени, изо всѣхъ силъ заоралъ няньку. Водопроводъ сразу затихъ, но туфельнаго шлепанья совсѣмъ не было слышно и потому вдругъ и безшумно, какъ по воздуху, нянька вошла въ дверь. Однако, даже и не глядя, я зналъ совершенно безошибочно, чѣмъ вызвана эта безшумность ея шаговъ. — Что это, Вадичка, — сказала она, — ни свѣтъ, ни заря, ты кричишь такъ. Только барыню разбудишь. — Ея шестидесятилѣтнее, крошечное, цвѣта осенняго листа личико, было пасмурно и озабочено. — Ты что-же, чертова кукла, теперь лѣтомъ въ валенкахъ ходишь, — спросилъ я ее, и не подымая головы, слушалъ, какъ между затылкомъ и подушкой затихающе дрожитъ тупая боль. — Очень ноги болятъ, Вадичка, — сказала она просительно, а потомъ сразу дѣловито: — только за тѣмъ и звалъ? — И нянька, укоризненно раскачивая головой и закрывъ ладонью ротъ, смотрѣла на меня смѣющимися и любящими глазами. — Да, да, — сказалъ я, стараясь обмануть ее соннымъ спокойствіемъ голоса, — только за тѣмъ, — и тутъ-же бѣшено выпрыгнулъ изъ кровати и, согнувшись вдвое, какъ убійца передъ прыжкомъ, закидывая назадъ руки, словно въ нихъ были кинжалы, и топающими босыми ногами изображая преслѣдованіе уже въ страхѣ бѣгущей няньки, дико оралъ: — пшла, эй, догоню улюлю, брысь отсюда.

Этимъ, однако, то представленіе, которое я въ это утро разыгрывалъ передъ воображаемыми мною синими глазами Сони Минцъ, нисколько не закончилось. Все, что я дѣлалъ въ это утро — я дѣлалъ не такъ, какъ обычно, а именно такъ, будто и вправду эта Соня неотрывно смотрѣла и слѣдила за мною съ восхищеніемъ. (Восхищеніе ея я приписывалъ именно тому измѣненію, которое отличало мои сегодняшнія дѣйствія отъ обычныхъ). Такъ,

вынувъ изъ шкапчика чистую и единственную мою шелковую рубашку, я осмотрѣвъ, бросилъ ее на полъ только потому, что въ плечѣ чуть-чуть разошелся шовъ, и потомъ такъ ходилъ по ней ногами, словно у меня ихъ цѣлая дюжина. Бреясь и порѣзавшись, продолжалъ скоблить по рѣзанному мѣсту, будто мнѣ вовсе и не больно. Мѣняя и скинувъ бѣлье, выпячивалъ до послѣдней возможности грудь и втягивалъ животъ, точно и вправду у меня такая замѣчательная фигура. Отвѣдавъ кофе, съ капризной избалованностью отставилъ его въ сторону, хотя оно было вкусно и мнѣ хотѣлось его выпить. Невольно въ это утро и впервые я столкнулся съ этой удивительной и непобѣдимой увѣренностью, что такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ есмь, я никакъ не смогу понравиться, полюбиться любимому мною человѣку.

Когда, заботливо прощупавъ въ карманѣ яговскую сторублевку, я вышелъ на улицу, — было часовъ одиннадцать. Солнца не было, небо было низкимъ и рыхло бѣлымъ, но вверхъ нельзя было смотрѣть — слезило глаза. Было душно и парило. Мое безпокойство все усиливалось. Оно владѣло всѣми моими чувствами и уже даже болѣзненно ощущалось въ верхней части будто портящагося желудка. По дорогѣ въ цвѣточный магазинъ, проходя мимо модной и дорогой гостиницы, я зачѣмъ-то рѣшилъ зайти. Толкнувъ четырехстворчатую карусель двери, въ зеркальное стекло которой дрогнувъ, поѣхалъ сосѣднiй домъ, я зашелъ внутрь и перешелъ черезъ вестибюль. Но въ кафе было такъ пустынно, такимъ безпокойствомъ путешествiя пахли эти запахи сигарнаго дыма, крахмала скатертей, меда, кожи креселъ и кофе, что почувствовавъ, что не высижу здѣсь и одной минуты, сдѣлавъ видъ, будто кого-то разыскиваю, снова вышелъ на улицу.

Точно я не зналъ, когда именно возникло во мнѣ рѣшенiе послать Сонѣ цвѣты. Я только чувствовалъ, что объемъ этого рѣшенiя возрасталъ по мѣрѣ моего приближенiя къ цвѣточному магазину: сперва я представлялъ

себѣ, что пошлю ей корзину за десять рублей, потомъ за двадцать, потомъ за сорокъ, — и такъ какъ, по мѣрѣ возрастанія количества цвѣтовъ, росло радостное изумленіе Сони, — то уже вблизи магазина я укрѣпился въ необходимости истратить на цвѣты всѣ имѣвшіеся у меня сто рублей. Пройдя мимо цвѣточнаго окна, въ которомъ цвѣты морщились заплаканными пятнами, изнутри по стеклу стрила вода, — я переступилъ порогъ. И вдохнувъ сырой и душистый сумракъ, — вдругъ мысленно зажмурился отъ внутренняго и страшнаго удара: въ магазинѣ стояла Соня.

На мнѣ была старая, еще гимназическая фуражка, съ выцвѣтшимъ околышемъ и треснувшимъ козырькомъ, — на мнѣ былъ вчерашній несвѣжій китель, потрепанные и съ выбитыми колѣнями брюки, у меня нехорошо тряслись ноги, и я гадко, какъ на пожарѣ, вспотѣлъ. Но уйти было невозможно: передо мной стояла продавщица и спрашивала — угодно-ли мосье корзину или букетъ — и уже успѣла указать рукой на десятокъ различныхъ цвѣтовъ, знакомыхъ мнѣ по виду, но которымъ я въ большинствѣ не зналъ названій, и потомъ перечислила съ десятокъ названій, большинство которыхъ я не зналъ, какъ они выглядятъ.

Какъ разъ теперь Соня совсѣмъ обернулась и, спокойно улыбаясь, пошла на меня. На ней былъ сѣрый костюмъ, пучекъ суконныхъ фіалокъ былъ скверно приколотъ и морщилъ бортъ, ботинки ея были безъ каблуковъ и шагая она не по женски выворачивала носки. Только, когда она прошла мимо меня къ кассѣ, находившейся позади, я уразумѣлъ наконецъ, что улыбалась-то она вовсе не мнѣ, и вообще не тому, что видѣла, — а тому, о чемъ думала. И тутъ-же за моей спиной ея голосъ, какой-то особенный, съ трещинкой, который я все утро никакъ не могъ вспомнить, сказалъ распахнувшему передъ ней дверь приказчику: пожалуйста, цвѣты пошлите сейчасъ-же, а то господинъ этотъ можетъ уйти и очень будетъ досадно. Спасибо, — и она вышла.

Когда по дорогѣ домой я все высматривалъ мѣстечко, куда-бы мнѣ выбросить эти, приличія ради, купленныя нѣсколько гвоздикъ, — я уже зналъ, что съ Соней покончено навсегда.

Конечно, я прекрасно понималъ, что между мною и Соней рѣшительно ничего еще не было, что все, что было — это было не въ отношеніяхъ съ *нею*, а только *во мнѣ самомъ*, что очевидно Соня объ этихъ моихъ чувствахъ знать не можетъ, и что я видимо принужденъ буду какъ-то передать и возбудить въ Сонѣ мои чувства. Но вотъ именно это-то сознаніе необходимости *добиваться* Сониной любви, эта необходимость излагать, убѣждать, уговаривать въ моихъ чувствахъ какое-то мнѣ недовѣряющее, и значитъ чужое мнѣ существо, — все это съ совершенной искренностью говорило мнѣ, что съ Соней все кончено. Можетъ-быть и вправду въ ухаживаніи есть какая-то противная ложь, какая-то обсахаренная улыбками настороженная враждебность. Но теперь я это чувствовалъ особенно остро, и какая-то оскорбленная горечь отталкивала меня отъ живой Сони, лишь только я начиналъ думать о необходимости *добиваться* ея любви. Хорошенько я не могъ объяснить себѣ это трудное чувство, но мнѣ казалось, что если бы меня, честнаго человѣка, заподозрила бы въ кражѣ любимая мною дѣвушка, то совершенно такое же чувство оскорбленной горечи не допустило бы меня до униженія *убѣждать* ее, эту любимую мною дѣвушку, въ моей невинности, — между тѣмъ какъ съ совершенной легкостью я это сдѣлалъ бы по отношенію къ любой другой женщинѣ, къ которой-бы былъ равнодушенъ. Въ эти короткія минуты я впервые и на самомъ себѣ убѣждался въ томъ, что даже въ самомъ скверненькомъ человѣчкѣ бываютъ такія чувства, такія непримиримо гордыя и требующія безоговорочной взаимности чувства, которымъ страданіе горькаго одиночества милѣе радостей успѣха, достигнутаго унижающимъ посредничествомъ разума.

И что это за господинъ, которому она посылаетъ цвѣты, — думалось мнѣ, и усталость была такой, что тя-

нуло лечь тутъ-же на лѣстницѣ. Господинъ. Господинъ. Что-же это такое за слово. Баринъ — да, это понятно и убѣдительно. А господинъ это что-же, это финтифлюшка какая-то. Я отомкнулъ дверь, прошелъ корридорчикъ нашей бѣдной квартирки и въ чаяніи скорѣе лечь на диванъ прошелъ къ себѣ въ комнату. Въ ней уже прибрали, но было по лѣтнему пыльно, свѣтло и убого. А на письменномъ столикѣ лежалъ пузатый пакетъ изъ бѣлой шелковой бумаги и заколотый по шву булавками. Это были Сонины цвѣты, съ запиской и съ просьбой встрѣтиться сегодня-же вечеромъ.

4.

Къ вечеру дождь пересталъ, но тротуары и асфальтъ были еще мокры, и фонари въ нихъ отсвѣчивались, какъ въ черныхъ озерахъ. Гигантскіе канделябры по бокамъ гранитнаго Гоголя тихо жужжали. Однако ихъ молочные, въ сѣтчатой оправѣ, шары, висѣвшіе на вышкахъ этихъ чугунныхъ мачтъ, плохо свѣтили внизъ и только кое-гдѣ, въ черныхъ кучахъ мокрой листвы мигали ихъ золотыя монеты. А когда мы проходили мимо, — съ остраго, съ каменнаго носа отпала дождевая капля, въ паденіи зацѣпила фонарный свѣтъ, сине зажглась и тутъ-же потухла. — Вы видѣли, — спросила Соня. — Да. Конечно. Я видѣлъ.

Медленно и молча мы прошли дальше и завернули въ переулокъ. Въ сырой тишинѣ было слышно, какъ гдѣ-то играли на роялѣ, но, — какъ это часто бываетъ со стороны улицы, — часть звуковъ была вырвана, до насъ доходили только самые звонкіе и такъ пронзительно шлепались о камни, будто тамъ въ комнатѣ лупили молоткомъ по звонку. Лишь подъ самымъ окномъ вступили выпадавшіе звуки: это было танго. — Вы любите этотъ испанскій жанръ, — спросила Соня. Наугадъ я отвѣтилъ, что нѣтъ, не люблю, что предпочитаю русскій. — Почему? — Я не зналъ, почему. — Соня сказала: — испанцы всегда

поютъ о тоскующей страсти, а русскіе о страстной тоскѣ, — можетъ-быть поэтому, мм? — Да. Конечно. Да, именно такъ.... Соня, — сказалъ я, со сладкимъ трудомъ преодолѣвая ея тихое имя.

Мы зашли за уголъ. Здѣсь было темнѣе. Только одно нижнее окно было очень ярко освѣщено. А подъ нимъ, на мокрыхъ и круглыхъ булыжникахъ, свѣтился квадратъ, словно на землѣ стоялъ подносъ съ абрикосами. Соня сказала — ахъ — и выронила сумочку. Быстро наклонившись, я поднялъ сумочку, досталъ платокъ и началъ ее вытирать. Соня-же, не глядя на то, что я дѣлаю, а напряженно глядя мнѣ въ глаза, протянула руку, сняла съ меня фуражку и осторожно, какъ живую кошечку, держа ее на согнутой рукѣ, гладила кончиками пальцевъ. Можетъ-быть поэтому, а можетъ быть еще потому, что она все неотрывно смотрѣла мнѣ въ глаза, — я, (сумочка въ одной, платокъ въ другой рукѣ), въ жестокой боязни, что вотъ-вотъ упаду въ обморокъ, шагнулъ къ ней и обнялъ ее. — Можно, — сказали ея утомленно закрывшіеся глаза. Я склонился и прикоснулся къ ея губамъ. И можетъ-быть именно такъ, съ такой же нечеловѣческой чистотой, съ такой же, причиняющей драгоцѣнную боль, радостной готовностью все отдать, и сердце и душу и жизнь, — когда-то, очень давно, сухіе и страшные и безполые мученики прикасались къ иконамъ. — Милый, — жалобно говорила Соня, отодвигая свои губы и снова придвигая ихъ, —— дѣтка, —— родной мой, —— любишь, да —— скажи-же. Напряженно я искалъ въ себѣ эти нужныя мнѣ слова, эти чудесныя, эти волшебняы слова любви, — слова, которыя скажу, которыя обязанъ сейчасъ-же сказать ей. Но словъ этихъ во мнѣ не было. Будто на влюбленномъ опытѣ своемъ я убѣждался въ томъ, что красиво говорить о любви можетъ тотъ, въ комъ эта любовь ушла въ воспоминанія, — что убѣдительно говорить о любви можетъ тотъ, въ комъ она всколыхнула чувственность, и что вовсе молчать о любви долженъ тотъ, кому она поразила сердце.

5.

Прошло двѣ недѣли и въ теченіи ихъ мое ощущеніе счастья съ каждымъ днемъ становилось все болѣе безпокойнымъ и лихорадочнымъ, съ примѣсью той надрывной тревоги, присущей вѣроятно всякому счастью, которое слишкомъ толсто сплывается въ нѣсколькихъ дняхъ, вмѣсто того, чтобы спокойно и тоненько разлиться на годы. Во мнѣ все двоилось.

Двоилось ощущеніе времени. Начиналось утро, потомъ встрѣча съ Соней, обѣдъ гдѣ-нибудь внѣ дома, поѣздка за городъ, и вотъ уже ночь, и день былъ, какъ упавшій камень. Но достаточно было только пріоткрыть глаза воспоминаній — и тотчасъ эти нѣсколько дней, столь тяжело нагруженныхъ впечатлѣніями, пріобрѣтали длительность мѣсяцевъ.

Двоилась сила влеченія къ Сонѣ. Находясь въ присутствіи Сони въ безпрерывномъ и напряженномъ стремленіи нравиться ей и въ постоянной жестокой боязни, что ей скучно со мною, — я къ ночи бывалъ всегда такъ истерзанъ, что облегченно вздыхалъ, когда Соня, наконецъ, уходила въ ворота своего дома и я оставался одинъ. Однако, не успѣвалъ я еще дойти до дому, какъ снова начинала зудѣть во мнѣ моя тоска по Сонѣ, я не ѣлъ и не спалъ, дѣлался тѣмъ лихорадочнѣе, чѣмъ ближе подступала минута новой встрѣчи, чтобы уже черезъ полчаса совмѣстнаго пребыванія съ Соней — снова замучиться отъ потуги быть занимательнымъ и почувствовать облегченіе, когда оставался одинъ.

Двоилось ощущеніе цѣльности моего внутренняго облика. Моя близость къ Сонѣ ограничивалась поцѣлуями, но поцѣлуи эти вызывали во мнѣ только ту рыдающую нѣжность, какъ это бываетъ при прощаніи на вокзалѣ, когда разстаются надолго, можетъ-быть навсегда. Такіе поцѣлуи слишкомъ дѣйствуютъ на сердца, чтобы дѣйствовать на тѣло. И поцѣлуи эти, будучи какъ-бы стволомъ, на которомъ расли отношенія съ Соней, по-

нуждали меня превращаться въ мечтательнаго и даже наивнаго мальчика. Соня словно сумѣла призвать къ жизни тѣ мои чувства, которыя давно перестали во мнѣ дышать, которыя были поэтому моложе меня, и которыя своей молодостью, чистотой и наивностью, никакъ не соотвѣтствовали моему грязному опыту. Таковъ я былъ съ Соней и уже черезъ нѣсколько дней увѣровалъ въ то, что я и на самомъ дѣлѣ есть таковъ, что ничего и никого другого во мнѣ быть не можетъ. Однако, черезъ два-три дня, встрѣтивъ на улицѣ Такаджіева, (которому я еще въ гимназіи къ его вящему удовольствію и одобренію проповѣдывалъ мой «сугубый» взглядъ на женщинъ), и который въ теченіе послѣднихъ дней уже нѣсколько разъ видѣлъ меня въ обществѣ Сони, — я, еще издали увидавъ Такаджіева, почувствовалъ внезапно какую-то странную совѣстливость передъ нимъ и непремѣнную необходимость оправдаться. Вѣроятно, совершенно такую же совѣстливость долженъ испытывать воръ, отказавшійся отъ своего ремесла подъ вліяніемъ трудовой семьи, въ которой онъ поселился, и который теперь, встрѣтивъ своего былого товарища по воровству, совѣстится передъ нимъ, что до сихъ поръ не обворовалъ своихъ благодѣтелей. И послѣ привѣтственной матерщины я разсказалъ ему о томъ, что мои частыя свиданія съ этой женщиной (это съ Соней-то) объясняются исключительно эротическими потребностями, которыя она-де умопомрачительно умѣетъ возбуждать и удовлетворять. Моя двойственность, моя раздвоенность при этомъ заключалась не столько въ той лжи, которую говорили мои губы, сколько въ той правдивости, съ которой всколыхнулось во мнѣ естество наглаго молодчины и ухаря.

Двоились чувства къ окружающимъ людямъ. Подъ вліяніемъ моихъ чувствъ къ Сонѣ я сталъ, — по сравненію съ тѣмъ, какъ это было раньше, — чрезвычайно добръ. Я щедро давалъ милостыню, (болѣе щедро, когда бывалъ одинъ, нежели въ присутствіи Сони), я постоянно дурачился съ нянькой, и какъ-то, возвращаясь поздно

ночью, вступился за обиженную прохожимъ проститутку. Но это новое для меня отношеніе къ людямъ, это, какъ говорится, радостное желаніе обнять весь міръ, — тотчасъ обнаруживало желаніе этотъ-же миръ разрушить, лишь только кому нибудь, хотя бы и косвенно, приходилось противоборствовать моей близости и моимъ чувствамъ къ Сонѣ.

Черезъ недѣлю тѣ сто рублей, что далъ мнѣ Ягъ — были истрачены. Оставалось лишь нѣсколько рублей, съ которыми я уже не могъ встрѣтиться съ Соней, ибо въ этотъ день мы уговорились вмѣстѣ обѣдать и потомъ ѣхать и оставаться до ночи въ Сокольникахъ.

Выпивъ утреннее кофе, съ отвращеніемъ глотая его въ той взволнованной сытости, которая доходила до рѣзи въ желудкѣ, — все отъ мысли о томъ, — что-же будетъ, и какъ-же мнѣ при этомъ безденежьи удастся проводить всѣ эти дни съ Соней, — я зашелъ въ комнату къ матери и сказалъ, что мнѣ нужны деньги. Мать сидѣла у окна въ креслѣ и была въ этотъ день какая-то особенно желтенькая. На колѣняхъ у нея спутанно лежали разноцвѣтныя нитки и какое то вышиванье, но руки ея лежали какъ брошенныя, а выцвѣтшіе старые глаза въ тяжелой неподвижности смотрѣли въ уголъ. — Мнѣ нужны деньги, — повторилъ я, по утиному растопыривая пальцы, ибо мать не шелохнулась, — мнѣ нужны деньги и немедленно. Мать съ видимымъ трудомъ чуть приподняла руки и въ покорномъ отчаяніи дала имъ упасть. — Ну, что-же, — сказалъ я, — если денегъ нѣтъ, такъ дай мнѣ твою брошь, я заложу ее. — (Эта брошь была для матери какъ-бы священной и единственной предметной памятью объ отцѣ). Все также не отвѣчая и все также тяжело глядя прямо передъ собою, мать шибко трясущейся рукой пошарила за пазухой старенькой своей кофточки и вытащила оттуда канареечнаго цвѣта ломбардную квитанцію. — Но мнѣ нужны деньги, — кричалъ я въ плаксивомъ отчаяніи при одномъ представленіи о томъ, что Соня уже ждетъ меня и я не смогу къ ней придти, — мнѣ нужны

деньги и я продамъ квартиру, я пойду на преступленіе, чтобы добыть ихъ. Быстро пройдя нашу маленькую столовую и выбѣжавъ самъ не зная зачѣмъ въ корридоръ, я наткнулся на няньку. Она подслушивала. — Тебя еще только, старый чертъ, не хватало, — сказалъ я, жестоко толкнувъ ее и желая пройти. Но нянька, дрожа отъ смѣлости, словно для поцѣлуя захвативъ мою руку, сдерживая меня и глядя на меня снизу вверхъ тѣмъ умоляющимъ - настойчивымъ взглядомъ, которымъ она всегда смотрѣла на икону, — зашептала. — Вадя, не обижай ты барыню. Вадя, не добивай ты ее; она и такъ сидитъ неживая. Нынче день смерти твоего отца. — И глядя мнѣ уже не въ глаза, а въ подбородокъ, утеревъ ладонью пуговичный носикъ и по старушечьи законфузившись, добавила: — а денегъ, коли надо, можетъ у меня возьмешь. А? — Возьми, сдѣлай милость. Возьми ради Христа. Возьмешь, — а. Возьми, не обезсудь. — И нянька быстро зашлепала въ кухню и черезъ минуту принесла мнѣ паччу десятирублевыхъ. Я зналъ, что деньги эти она сберегла долголѣтнимъ трудомъ, что копила она ихъ, чтобы внести въ богадѣльню, чтобы на старости, когда работать не будетъ ужъ силъ, имѣть свой уголъ, — и все-таки взялъ ихъ. А подавая мнѣ эти деньги, нянька все шмыгала носомъ, и моргала глазами, и стыдилась показать свои счастливыя, свѣтлыя, жертвенныя слезы любви.

Дня два спустя случилось такъ, что проѣзжая съ Соней внизъ по бульварамъ, — мы ѣхали за городъ, — Сонѣ понадобилось позвонить по телефону домой. Остановивъ лихача, — это было на площади вблизи нашего дома, — Соня попросила подождать ее на улицѣ. Сойдя съ пролетки, прохаживаясь въ ожиданіи Сони, я дошелъ было до угла, когда вдругъ кто-то дотронулся до моей руки. Я оглянулся. Это была мать. Она была безъ шляпы, сѣденькіе волосики ея распушились, на ней была ватная нянькина кофта и въ рукѣ она держала веревочную сумку для провизіи. Она просительно и пугливо погладила мое плечо. — Я, мальчикъ, раздобыла немножко денегъ, если

хочешь я. — Идите, идите, — прервалъ я ее въ ужасной тревогѣ, что сейчасъ выйдетъ. Соня и увидитъ и догадается, что эта ужасная старуха — моя мать. — Идите-же, говорю я вамъ, чтобъ вашего духу здѣсь не было, — повторялъ я, не имѣя возможности здѣсь на улицѣ прогнать ее силой голоса и потому называя ее на «вы». И когда, вернувшись къ лихачу, я подсаживалъ тутъ же вышедшую Соню, то взглянувъ въ ея синіе глаза, косо жмурившіеся отъ солнца, бившаго въ лакированныя крылья экипажа, — я уже испытывалъ такое счастье, что безъ содроганія посмотрѣлъ на сѣдую голову, на ватную кофту и на опухшія ноги въ стоптанныхъ башмакахъ, которыя трудно шагали по ту сторону мостовой.

На слѣдующее утро, проходя по корридору къ умывальнику, я столкнулся съ матерью Жалѣя ее и не зная, что мнѣ скаазть ей о вчерашнемъ, я остановился и погладилъ рукой ея дряблую щеку. Противъ моего ожиданія мать мнѣ не улыбнулась и не обрадовалась, лицо ея вдругъ жалко сморщилось и по щекамъ ея сразу полилось ужасно много слезъ, которыя (какъ мнѣ почему-то показалось), должны быть горячими, какъ кипятокъ. Кажется, она силилась что-то сказать, и можетъ быть даже сказала бы, но я уже счелъ, что все улажено, я боялся опоздать и быстро пошелъ дальше.

Таковы были мои отношенія къ людямъ, такова была эта раздвоенность, — съ одной стороны влюбленное желаніе обнять весь міръ, осчастливить людей и любить ихъ, — съ другой безсовѣстная трата трудовыхъ грошей стараго человѣка и безмѣрная жестокость къ матери. И особенно страннымъ здѣсь было то, что и безсовѣстность эта и жестокость нисколько не противорѣчили этимъ моимъ влюбленнымъ позывамъ обнимать и любить весь живой міръ — какъ будто усиленіе во мнѣ, столь необычныхъ для меня, *добрыхъ* чувствъ — въ то же время помогало совершать мнѣ жестокости, къ которымъ (отсутствуй во мнѣ эти добрыя чувства) — я не счелъ бы себя способнымъ.

Но изъ всѣхъ этихъ многихъ раздвоенiй — наиболѣе четко очерченнымъ и остро ощутимымъ — было во мнѣ раздвоенiе *духовнаго* и *чувственнаго* началъ.

6.

Какъ то, — уже поздно ночью, проводивъ Соню, возвращаясь домой по бульварамъ и переходя ярко освѣщенную и потому еще болѣе пустынную площадь, — я обогнулъ сидѣвшихъ на внѣшней скамьѣ трамвайнаго вокзальчика проститутокъ. Какъ всегда, — отъ ихъ предложенiй и заигрыванiй, которыми они меня позвали, пока я проходилъ мимо, — я почувствовалъ оскорбленное самолюбiе самца, въ которомъ однимъ этимъ заигрыванiемъ какъ бы отрицалась возможность получить безплатно у другихъ женщинъ то самое, что они мнѣ предлагали прiобрѣсти за деньги.

Несмотря на то, что проститутки съ Тверской были по внѣшности подчасъ много привлекательнѣе тѣхъ женщинъ, за которыми я ходилъ и которыхъ находилъ на бульварахъ, — несмотря на то, что пойти съ проституткой обошлось бы денежно никакъ не дороже, — что опасность заболѣванiя была равно велика, и что, наконецъ, взявъ проститутку, я избавлялся отъ многочасового хожденiя, поисковъ и оскорбительныхъ отказовъ, — несмотря на все это, — я никогда не ходилъ къ проституткамъ.

Я не ходилъ къ проституткамъ по причинѣ того, что мнѣ хотѣлось не столько узаконеннаго словесной сдѣлкой прелюбодѣянiя, сколько тайной и порочной борьбы, съ ея достиженiями, съ ея побѣдой, гдѣ побѣдителемъ, какъ мнѣ казалось, было мое *я*, мое тѣло, глаза, которые были моими и могли быть только у меня одного, — а не тѣ нѣсколько рублей, которые могли быть у многихъ. Я не ходилъ къ проституткамъ еще оттого, что проститутка, взявъ деньги впередъ, — отдавала мнѣ себя, выполняя при этомъ нѣкое обязательство, — она дѣлала это принудительно, — даже можетъ быть, (такъ воображалъ я себѣ), сжавъ при

этомъ зубы отъ нетерпѣнія, желая только одного, чтобы я поскорѣе сдѣлалъ свое дѣло и ушелъ и что въ силу этого враждебнаго ея нетерпѣнія — со мной въ постели лежалъ не распаленный соучастникъ, а скучающій созерцатель. Моя чувственность была какъ бы повтореніемъ тѣхъ чувствъ, которыя по отношенію ко мнѣ испытывала женщина.

Я не успѣлъ пройти и половины короткаго бульвара, когда заслышалъ, какъ кто то поспѣшными мелкими шажками и тяжело дыша настигаетъ меня. — Ухъ, насилу догнала, — сказалъ съ противной профессіональной игривовостью голосъ. Я оглянулся, увидѣлъ желтый свѣтъ, проникавшій съ площади сюда въ пещеру бульвара, и въ немъ бѣгомъ шагающую на меня женщину. Я посторонился, но она круто повернула на меня, столкнулась со мною и обняла меня. И сразу ея тѣсно прилипшее ко мнѣ и шибко грѣющее тѣло затолкало меня въ нижнюю часть живота, ея губы придвинулись, прижались, раскрылись и выпустли мнѣ въ ротъ мокрый, холодный и дергающійся языкъ. Испытывая то приличествующее такому моменту чувство, когда кажется, что вся земля обвалилась и остался только тотъ кусочекъ, на которомъ стоишь, — я, вѣроятно, чтобы не свергиться внизъ, чтобы держаться, тоже ее обнялъ. А дальше все было ужасно просто.

Сперва извозщичья пролетка, которая тряслась и будто не двигалась, потому что невольно мнѣ видѣлся кусочекъ звѣзднаго неба, пока въ блаженной жестокости я рвалъ ея губы. Потомъ ворота, и въ сторонѣ, на кончикѣ воткнутой въ домъ кочерги подвѣшенный золотой сапогъ, — а сами ворота деревянные и сплошные, въ которыхъ дверца открывалась, какъ въ часахъ съ кукушкой. Потомъ корридоръ, отбитая штукатурка съ обнажившимися деревянными сплетеніями, и клеенчатая дверь съ ободками пыли во впадинахъ, туго вбитыхъ въ клеенку гвоздей. Потомъ стоячая духота каморки, керосиновая лампа и надъ нею, на черномъ потолкѣ, яркое свѣтовое пятнышко, какъ отъ солнца сквозь увеличительное стекло. И одѣяло изъ цвѣтныхъ

лоскутковъ, сырое и тяжелое, словно съ пескомъ, и вяло сваливающаяся на бокъ женская грудь, съ расплывшимся каштановымъ соскомъ и бѣлыми вокругъ пупырышками. И, наконецъ, остановка и точка всему, и увѣренность, — (въ который разъ и каждый разъ по новому), — что распаляющія чувственность женскія тѣлесныя прелести — это только кухонные запахи: дразнятъ, когда голоденъ, — отвращаютъ, когда сытъ.

Когда я вышелъ, было уже утро. Труба съ сосѣдняго дома выпускала прозрачный жаръ, въ которомъ, трясся кусочекъ неба. На улицахъ было пусто, свѣтло и безсолнечно. Трамваевъ не было слышно. Только бульварный сторожъ въ гимназическомъ поясѣ при сѣдой бородѣ и въ фуражкѣ съ зеленымъ околышемъ подметалъ бульваръ. Поднимая тяжелое и тутъ же падающее облако песочной пыли, онъ медленно наступалъ на меня, — похожій на циркуль, въ которомъ самъ онъ былъ укрѣпленной стороной, а метла на длиннѣйшей палкѣ — другой, водящей полукруги промежъ газонами. На пескѣ, отъ жесткихъ прутьевъ его метлы, оставался безконечный рядъ царапинъ.

Я шелъ и чувствовалъ себя такъ изумительно хорошо, такъ чисто, точно внутри у меня вымыли. На монастырской розовой башнѣ золотыя спицы на скучномъ черномъ цыферблатѣ показывали безъ одной минуты четверть шестого. Когда, перейдя площадь, я вошелъ въ сырую тѣнь бульвара, то съ другой стороны башни на такомъ же черномъ цыферблатѣ, такія же золотыя спицы показывали ровно четверть. И тотчасъ раздались тоненькіе звуки и такіе разрозненные, словно курица гуляла по арфѣ.

Черезъ семь часовъ я долженъ былъ уже встрѣтиться съ Соней, и радость и нетерпѣніе снова увидѣть ее я вдругъ почувствовалъ съ такой свѣжей, отдохнувшей силой, что зналъ, что заснуть уже не смогу. — Это измѣна, — говорилъ я себѣ, вспоминая ночь, но какъ чистосердечно и настойчиво ни пытался я прицѣпить это коварное слово хотя къ какому-нибудь изъ испытываемыхъ мною чувствъ, —

какъ его самъ себѣ ни навязывалъ, — оно рѣшительно не удерживалось, отклеивалось, соскальзывало, отпадало отъ меня. Но если не измѣна — то что же это. Вѣдь если содѣянное мною не измѣна, то это значитъ, что духовное мое начало нисколько не отвѣтствено за мое чувственное, что чувственность моя, какъ бы грязна она ни была, не можетъ запачкать духовнаго, что чувственность моя открыта всѣмъ женщинамъ, духовность же только одной Сонѣ, и что чувственность во мнѣ какъ-то *отдѣлена* отъ духовности. Я не столько зналъ, сколь чувствовалъ, что во всемъ этомъ есть какая-то правда, — но уже что то тяжелое сдвинулось во мнѣ, и я не смогъ отвернуться отъ возникшаго во мнѣ образа, въ которомъ Соня, поставленная на мое мѣсто, совершаетъ нѣчто подобное, и что съ ней случается то самое, что случилось нынче ночью со мной. Конечно, я и чувствовалъ и зналъ, что это совершенно невозможно, что ничего похожаго съ Соней случиться не могло и не можетъ, но вотъ именно это-то сознаніе *невозможности* подобнаго происшествія съ Соней — съ очевидной ясностью говорило за то, что у ней-то, у женщины, чувственность можетъ и даже *должна* запачкать духовность, и что ея женская духовность отвѣчаетъ въ полной мѣрѣ за проступокъ ея чувственности. Выходило такъ, что въ ней, въ Сонѣ, въ женщинѣ — духовность и чувственность *слиты* воедино, и что признать ихъ отдѣленными другъ отъ друга, раздвоенными, взаимно неотвѣтственными и расколотыми, какъ у меня, — это значило расколоть себѣ жизнь.

И я представилъ себѣ, конечно, не Соню, а другую дѣвушку или женщину примѣрно изъ такой же, какъ и я, семьи, и такъ же, какъ и я, въ кого-нибудь влюбленную съ чрезвычайной, съ исключительной жаркостью. Вотъ она одна возвращается домой, вотъ въ темнотѣ бульварной ее догоняетъ какой-нибудь хлыщъ, она не знаетъ его, она даже не можтъ хорошенько разсмотрѣть его, молодъ-ли, уродливъ или старъ онъ, но вотъ онъ хватаетъ ее, онъ гадко тискаетъ и скверно цѣлуетъ — и она уже готова, она согласна на все, она ѣдетъ къ нему, и главное, уходя поут-

ру, даже не взглянувъ на того, съ кѣмъ проспала эту ночь, — выходитъ, и, возвращаясь домой, не только не чувствуетъ себя загрязненной, а съ чистенькой радостью ждетъ свиданія съ человѣкомъ, въ котораго влюблена. Къ такой женщинѣ какъ-то само собой подкрадывается страшное слово: проститутка. И получалось странное. Получалось, что если мужчина дѣлаетъ то, что онъ дѣлаетъ, — такъ онъ мужчина. А если женщина дѣлаетъ то, что мужчина, — такъ она проститутка. И выходило еще, что *раздвоеніе духовности и чувственности въ мужчинѣ — есть признакъ мужественности, — а раздвоеніе духовности и чувственности въ женщинѣ есть признакъ проституціонности.*

Я началъ сличать этотъ неожиданный для меня выводъ. Вотъ я, Вадимъ Масленниковъ, будущій юристъ, будущій, какъ это утверждаетъ окружающій меня міръ, полезный и уважаемый членъ общества. А между тѣмъ, — гдѣ бы я ни былъ, въ трамваѣ-ли, въ кафэ, въ театрѣ, въ ресторанѣ, на улицѣ — словомъ, всюду, всюду, — достаточно посмотрѣть мнѣ на фигуру женщины, достаточно даже не видя ея лица, прельститься выпуклостью или худобой ея бедръ, — и, свершись все по моему желанію, я бы, не сказавъ этой женщинѣ и двухъ словъ, уже потащилъ бы ее на постель, на скамейку, а то и въ подворотню. И я бы несомнѣнно такъ бы и поступалъ, если бы женщины позволяли мнѣ этакое продѣлывать. Но вѣдь это раздвоеніе во мнѣ духовнаго и чувственнаго начала, въ силу котораго во мнѣ не встрѣчается нравственныхъ препятствій къ осуществленію такихъ позывовъ, — вѣдь это то самое раздвоеніе и было же главной причиной того, почему мои товарищи признавали меня и молодчиной и ухаремъ. Вѣдь если бы во мнѣ было полное сліяніе духовнаго и чувственнаго, то я бы вѣдь смертно влюблялся рѣшительно въ каждую женщину, которая чувственно прельщала бы меня, и тогда мои товарищи, безпрестанно смѣясь надо мною, дразнили бы меня бабой, дѣвченкой или еще какимъ-нибудь другимъ словомъ, но обязательно такимъ, въ которомъ было бы ярко выражено ихъ мальчишеское презрѣніе къ про-

являемому мною *женственному* началу. Значитъ во мнѣ, въ мужчинѣ, это мое *раздвоенiе* духовности и чувственности воспринималось окружающими, какъ признакъ *мужественности, молодечества.*

Ну а вотъ если бы я, съ этимъ моимъ *раздвоенiемъ* духовности и чувственности, былъ бы не гимназистомъ, а *гимназисткой,* дѣвушкой. Если бы я, будучи дѣвушкой, точно такъ же въ кафэ-ли, въ трамваѣ, въ театрѣ, на улицѣ, словомъ, всюду-всюду, увидавъ мужчину, подчасъ не разглядѣвъ даже его лица, просто разволновавшись отъ мускуловъ его бедеръ (а въ силу раздвоенiя во мнѣ духовности и чувственности, не испытывая въ себѣ препятствiй къ осуществленiю этихъ моихъ позывовъ), тутъ же, безсловесно и съ веселостью побуждала и разрѣшала бы тащить себя на постель, на скамейку, а то и въ подворотню, — какое впечатлѣнiе произвело бы такое мое дѣйствiе на моихъ подругъ, на окружающихъ, или даже на мужчинъ, которые имѣли со мной дѣло. Были бы эти мои поступки толкуемы и воспринимаемы, какъ проявленiе мною молодечества, ухарства, мужественности? Даже смѣшно подумать. Вѣдь даже сомнѣнiй не можетъ возникнуть, что я тутъ же и рѣшиельно всѣми была бы общественно заклеймлена, какъ проститутка, да къ тому же еще не какъ проститутка въ смыслѣ жертвы среды или матерiальныхъ страданiй (такую вѣдь можно и оправдать), — а какъ проститутка вслѣдствiе внѣшней проявляемости внутреннихъ моихъ наитiй, иначе говоря такая, которой уже нѣтъ и не можетъ быть оправданiй. Значитъ и вѣрно и справдливо то, что раздвоенiе духовности и чувственности въ мужчинѣ есть признакъ его мужественности, — а раздвоенiе духовности и чувственности въ женщинѣ есть признакъ ея проституцiонности. И значитъ, достаточно всѣмъ женщинамъ дружно пойти по пути омужествленiя — и мiръ, весь мiръ превратится въ публичный домъ.

7.

Для влюбленнаго мужчины всѣ женщины — это толь-

ко женщины, за исключеніемъ той, въ которую онъ влюбленъ: она для него *человѣкъ*. Для влюбленной женщины всѣ мужчины — это только человѣки, за исключеніемъ того, въ котораго она влюблена: онъ для нея *мужчина*. Такова была та невеселая правда, въ которой я все больше и больше увѣрялся, по мѣрѣ длительности моихъ отношеній съ Соней.

Однако, ни въ этотъ день, ни въ послѣдующія затѣмъ встрѣчи съ Соней — я не разсказалъ ей объ этихъ моихъ мысляхъ.

Если людямъ, съ которыми я сталкивался до знакомства съ Соней, я не могъ правдиво передать истинность моихъ переживаній, дабы не разрушить тѣмъ самымъ того налета молодечества, который мнѣ во что бы то ни стало хотѣлось передъ этими людьми изображать, — то съ Соней я не могъ быть искрененъ, не покалѣчивъ облика того мечтательнаго мальчика, котораго она желала во мнѣ видѣть.

Разсказывать съ полной правдой свои чувства товарищамъ, предъ которыми я обязательно желалъ казаться молодчиной — было невозможно. Я понималъ, что молодечество воспринимается, какъ таковое, лишь тогда, когда является результатомъ весело поверхностнаго міроощущенія. Стоило мнѣ поэтому изобразить свои переживанія чуть болѣе вдумчиво-глубокими, и тотчасъ всѣ мои поступки, которыми я хвастался, становились гадостными, жестокими, ничѣмъ уже неоправдываемыми.

Соня была первымъ человѣкомъ, передъ которымъ мнѣ уже не нужно было утруждать себя этой противно-веселой, бодрой наигранностью. Для нея я былъ просто мечтательнымъ и нѣжнымъ мальчикомъ. Но именно это обстоятельство, которое на первый взглядъ столь располагало къ откровенности — заставило меня испуганно спохватиться, при первой же попыткѣ разсказывать Сонѣ про свою жизнь. При первомъ же позывѣ на откровенность съ Соней я почувствовалъ, что не долженъ, не имѣю права, не могу быть откровененъ. Съ одной стороны, я не могъ быть

откровененъ съ Соней потому, что невозможно же было мнѣ, мечтательному мальчику, разсказывать о зараженной мною Зиночкѣ, о моихъ отношеніяхъ съ матерью, о томъ, какъ я прогналъ мать изъ боязни, что Соня ее увидитъ, или, наконецъ, о томъ, что деньги, которыя я плачу за лихачей или за мороженое, которое ѣстъ Соня, — принадлежатъ моей старой нянькѣ. Съ другой стороны, я не могъ быть откровененъ съ Соней, ибо даже попытки разсказывать ей хотя бы только о такихъ моихъ поступкахъ, которые выказывали бы меня единственно съ доброй, съ благородной стороны — тоже никакъ не клеились: прежде всего добрыхъ дѣяній въ моей жизни вовсе не было, — далѣе (на случай, если бы я такія добрыя мои дѣянія просто бы выдумалъ), разсказывать о нихъ не доставило бы мнѣ рѣшительно никакого удовольствія, — и, наконецъ, и это главное, — такіе разсказы о моихъ добрыхъ дѣлахъ (хоть это и очень странно, но я такъ чувствовалъ) нисколько не послужили бы тому духовному сближенію съ Соней, которое вѣдь и было основной причиной, побуждавшей меня къ откровенности. Все это мучило меня не столько потому, что я какъ бы обрекался на духовное одиночество, къ которому я слишкомъ привыкъ, чтобы имъ тяготиться, — сколько той крайней бѣдностью разговорной темы, которая могла бы способствовать нашему сближенію и росту чувствъ. Я понималъ, что влюбленность — это такое чувство, которое должно все время расти, все время двигаться, что для своего движенія оно должно получать толчки подобно дѣтскому обручу, который, какъ только теряетъ силу движенія и пріостанавливается, такъ тотчасъ и падаетъ. Я понималъ, что счастливы тѣ влюбленные, которые, въ силу враждебныхъ имъ людей или неудачливыхъ событій, лишаются возможности часто и подолгу встрѣчаться. Я завидовалъ имъ, ибо понималъ, что влюбленность ихъ растетъ за счетъ тѣхъ препятствій, которыя возникаютъ между ними. Встрѣчаясь съ Соней ежедневно, оставаясь съ нею безпрерывно много часовъ, я, какъ только умѣлъ, старался развлекать ее, но слова, которыя я говорилъ ей, ни-

сколько не способствовали ни росту нашихъ чувствъ, ни духовному межъ нами сближенію: мои слова заполняли время, но не использовывали его. Получались какія-то пустыя, незаполненныя минуты, которыя особенно тяжело нависали надъ нами, когда мы садились на скамейку, оставаясь совершенно одни, и невольно побуждаемый страхомъ, что Соня замѣтитъ или почувствуетъ тоскливыя мои потуги, — я заполнялъ поцѣлуями эти все чаще и чаще случавшіеся пропуски недостающихъ мнѣ словъ. Такъ случилось, что поцѣлуи замѣстили слова, перенявъ на себя ихъ роль нашего сближенія, и совершенно такъ же, какъ слова, по мѣрѣ сближающаго знакомства, становились все откровеннѣе и откровеннѣе. Цѣлуя Соню, я отъ одного сознанія, что она любитъ меня, испытывалъ слишкомъ нѣжное обожаніе, слишкомъ глубокую душевную растроганность, чтобы испытывать чувственность. Я не испытывалъ чувственности, будучи какъ то не въ силахъ прободать ея звѣриной жестокостью всю эту нѣжность, жалостливость, человѣчность моихъ чувствъ, — и невольно во мнѣ возникало сравненіе моихъ прежнихъ отношеній съ женщинами съ бульваровъ и теперь съ Соней, гдѣ раньше я, испытывая только чувственность, въ угоду женщинѣ изображалъ влюбленность, а теперь, испытывая только влюбленность, въ угоду Сонѣ изображалъ чувственность. Но, когда, наконецъ, и поцѣлуи наши, исчерпавъ возможность доступнаго имъ сближенія, вплотную подвели меня къ той запретной и послѣдней чертѣ тѣлеснаго сближенія, преступить которую, — какъ мнѣ тогда казалось, — предвѣщало наивысшую, доступную человѣку на землѣ, духовную близость, — тогда, рѣшившись, я попросилъ Яга педоставить мнѣ на нѣсколько часовъ его комнату, чтобы встрѣтиться и побыть тамъ съ Соней. Въ эту ночь, послѣ того какъ, проводивъ Соню, я уже у самыхъ воротъ разсказалъ ей о томъ, что завтра мы будемъ у Яга и потомъ останемся одни, что въ этомъ ничего «такого» нѣтъ, что Ягъ душевнѣйшій малый и что онъ мнѣ лучшій и преданный другъ, — въ эту ночь, когда Соня въ отвѣтъ на мои завѣ-

ренія только промолвила свое о-о, и сдѣлала лисью мордочку и китайскія глаза, — въ эту ночь, возвращаясь домой, я радовался не тѣмъ тѣлеснымъ радостямъ, которыя меня на слѣдующій день ожидаютъ, а тому окончательному духовному владычеству надъ Соней, которое будетъ слѣдствіемъ этого тѣлеснаго сближенія.

8.

По очень широкой, полукругомъ поднимавшейся лѣстницѣ, бѣлой и свѣтлой, надъ которой вмѣсто крыши было оранжерейное стекло, и по которой мы поднимались съ совѣстившей меня молчаливой дѣловитостью. — Ягъ, черезъ гулкую залу, гдѣ кресла, рояль и люстра были въ бѣлыхъ чехлахъ, провелъ насъ въ свою комнату. На дворѣ еще было свѣтло, но въ Ягиной комнатѣ, расположенной бокомъ къ заходящему солнцу, уже сумеречничало и въ раскрытую балконную дверь видны были пузатые столбики балконной ограды, очерченные абрикосовыми отсвѣтами.

— Нѣтъ, — сказала Соня, когда Ягъ, забѣжавъ за кресло изъ малиноваго, черно потертаго на сгибахъ бархата, съ такой рѣшительностью схватился за спинку, словно готовился изо всей силы вкатить его подъ Соню; — нѣтъ, — сказала Соня, — давайте тамъ, тамъ чудесно. И она кивнула въ сторону балкона. — Вѣдь можно, да, — спросила она, когда Ягъ, тутъ же поднявъ круглый столикъ, подъ кружевной скатертью съ печеньями, съ зеленымъ въ хрустальномъ графинчикѣ ликеромъ и съ красными, похожими на опрокинутыя турецкія фески, стаканчиками, — уже тащилъ его къ балкону. — Помилуйте, Софья Петровна, — поворотился къ ней вмѣстѣ со столикомъ Ягъ и даже поставилъ его, чтобы развести руками.

На балконѣ отъ заходящаго, выпуклаго какъ желтокъ сырого яйца, солнца, хоть и зацѣпившаго за крышу, однако, видимаго цѣликомъ, словно оно прожигало эту крышу насквозь, — лица стали махрово красными.

— Разрѣшите вамъ нацѣдить, Софья Петровна, ликерчикъ на ять-съ, — говорилъ Ягъ, усадивъ меня и Соню, наполняя красные стаканчики, поддерживая себя другой рукой подъ локоть и здорово громыхая выпуклой жестью. которой былъ крытъ балконый полъ. — Я вѣдь, можно сказать, и не зналъ, что вы съ Вадимомъ встрѣчаетесь и видно даже друзья. Прошу покорно откушать. — И получивъ въ отвѣтъ Сонинъ благодарный кивокъ, онъ сѣлъ на кончикъ стула, поставивъ графинъ себѣ на колѣно и держа его за горлышко — совсѣмъ какъ отдыхающій скрипачъ.

Соня съ краснымъ стаканчикомъ у краснаго лица — опущенными глазами улыбалась такъ, словно подбадривала: — ну-ка, ну-ка, еще скажи что нибудь.

— Вѣдь вы, Софья Петровна, — глядя на ея улыбку, продолжалъ Ягъ, — насъ въ ту ночку, деликатно-то выра жаясь, въ три шеи выставили, да кстати сказать подѣломъ. Но... я бы и кланяться-то вамъ не посмѣлъ бы. А тутъ вдругъ такое дѣло.

— Какое дѣло, — спросила Соня и улыбнулась въ стаканчикъ.

— Ну, это самое, — и Ягъ сдѣлалъ рукой такое движеніе, словно что-то подбрасывалъ на ладони и пытался опредѣлить вѣсъ. — Словомъ, не знаю какъ Вадимъ это сладилъ. Протелефонилъ-ли вамъ, письмо ли написалъ, но я бы послѣ этакой ночки не рѣшился.

Соня со стаканчикомъ у губъ, еще глотая, сдѣлала протестующее ммм, словно поперхнувшись, взмахнула рукой и, не отрываясь отъ стаканчика, наклонилась вмѣстѣ съ нимъ къ столу, чтобы, не капнувъ, отставить.

— Но ничего похожаго, — сказала она еще съ мокрыми губами и смѣясь. — Съ чего вы это взяли? Просто я сама на слѣдующее же утро послала ему записку и цвѣты. Вотъ и все.

— Цвѣты? — спросилъ Ягъ.

— Ага, — кивнула Соня.

— Ему-съ? — спросилъ Ягъ, выпроставъ изъ кулака большой палецъ и туго выгибая его въ мою сторону.

— Ему-съ? — передразнила Соня и уже смотрѣла мимо Яга и прямо мнѣ въ глаза. Ея пронзительный взглядъ на улыбающемся лицѣ (такъ смотрятъ, когда въ шутку пугаютъ дѣтей), будто говорилъ мнѣ: — это любовь заставила меня *тогда* сдѣлать то, о чемъ я теперь разсказала; это любовь заставляетъ меня *теперь* разсказывать о томъ, что я тогда сдѣлала.

Нѣкоторое время Ягъ молчалъ, поперемѣнно взглядывая то на меня (я отвѣчалъ ему счастливой и глупой улыбкой), то на Соню. Но постепенно водянистые глаза его — сперва расширенные отъ Сонинаго признанія, затѣмъ отсутствующіе отъ внутренней работы, стали хитренькими.

— Позвольте, однако, Софья Петровна, — сказалъ онъ и, взявъ стаканчикъ и глотнувъ ликеру, сдѣлалъ челюстями полоскательное движеніе, словно это зубной элексиръ, который онъ вотъ-вотъ выплюнетъ. — Позвольте. Вы изволили сказать, цвѣты тамъ, записку, ну и прочее. Ну, а адресокъ то, а адресокъ то какъ же. Или можетъ онъ вамъ и раньше былъ извѣстенъ. Нѣтъ? — преспросилъ онъ, съ вопрошающей неувѣренностью переводя на слова Сонину улыбку. — Но въ такомъ случаѣ какъ же, какъ же?

— Но очень же просто, — сказала Соня, — вотъ слушайте. Я не знала ни о васъ, ни о Вадимѣ рѣшительно ничего, ну ни полсловечка. И вотъ какъ я все это вывѣдала. На слѣдующее же утро, раненько, я вызвала къ себѣ Нелли и сдѣлала ей выговоръ съ предупрежденімъ, что если подобное безобразіе еще разъ, еще только единственный разъ повторится, то я ихъ тутъ же выгоню. Какъ же это можно, ну какъ это мыслимо, приводить съ собой — и когда — ночью, и куда — въ мою квартиру, и кого — чужихъ мужчинъ. А? Какъ вамъ это нравится. Нѣтъ, вы скажите, — какъ вамъ это нравится? А кто мнѣ поручится, что это не грабители. Да что я такое говорю; даже навѣрно это были грабители. Но почему вы такъ думаете? Развѣ вы ихъ знаете? И что же вы о нихъ такое знаете?

— Однако, позвольте, Софья Петровна, — перебилъ

Ягъ, — вѣдь эта самая Настюх.... э Нелли... не знала ни фамилій, ни адресовъ:

· Правда, — подтвердила Соня, — этого она не знала. Но зато она знала, что одного изъ васъ, того, который былъ въ студенческомъ кителѣ, зовутъ Вадимомъ, а того, который былъ въ штатскомъ, — Ягъ. Мало того, — прошлой зимой, когда она служила у Мюра, она частенько видѣла васъ обоихъ, при чемъ оба вы тогда ходили въ какой-то, какъ она выразилась, странной формѣ: совсѣмъ похоже на студенческую, только пуговицы были не золотыя, а серебряныя и безъ орловъ. Больше о васъ Нелли не знала ничего, но для меня и этого было достаточно. Во-первыхъ, я уже знала, что того, кто меня интересуетъ, — зовутъ Вадимомъ. Во вторыхъ, форма гимназіи, столь похожая на студенческую съ указанными отличіями пуговицъ, — мнѣ извѣстна: въ этой гимназіи учится сынишка моей кузины. Въ третьихъ мнѣ было ясно, что если прошлой зимой человѣкъ ходилъ еще въ гимназической формѣ, а теперь, лѣтомъ носитъ студенческій китель, то очевидно, что этой весной онъ окончилъ гимназію. По телефонной книжкѣ я разыскала адресъ гимназіи и поѣхала туда. Кромѣ швейцара, никого не было и онъ, послѣ краткаго выясненія нашихъ съ нимъ отношеній, досталъ мнѣ списокъ учениковъ, окончившихъ гимназію этой весной. Мнѣ повезло: среди окончившихъ восемнадцати человѣкъ былъ только одинъ по имени Вадимъ. Такъ я узнала фамилію, а швейцаръ тутъ же раздобылъ мнѣ и адресъ.

— Зздорово, — восхищенно воскликнулъ Ягъ и отчаянно закрутилъ головой. Но уже какъ бы освобождая его отъ необходимости какихъ бы то ни было похвалъ, Соня, приложивъ кисть руки къ уху, послушала и потомъ взглянула на свои браслетные часики. И воспользовавшись тѣмъ, что она была отвлечена, Ягъ тревожно просигнализировалъ мнѣ глазами: — сейчасъ, молъ, ухожу.

Уже совсѣмъ свечерѣло и стало вѣтренно, когда ушелъ Ягъ. Изъ-за угла дугой взвилась пыль и когда, налетѣвъ короткимъ ураганчикомъ, завернула скатерть, гримасой

сомкнула глаза и прошла мимо и сгинула, то на зубахъ хрустѣло какъ сахаръ, и сверху, будто съ крыши, порхая бабочкой банановаго цвѣта, — осеннiй листъ въ затихшемъ воздухѣ все падалъ, падалъ и подъ конецъ, уже надъ самымъ столомъ, медленно кувыркаясь, залетѣлъ въ красный стаканчикъ, изобразивъ гусиное перо въ песочницѣ. И мнѣ вдругъ стало жаль, что ушелъ Ягъ, будто отсюда, съ балкона, вынесли столь прiятное мнѣ чужое удивленiе моему счастью, словно счастье мое — это новый костюмъ, который теряетъ часть своихъ радостей, когда его нельзя носить на людяхъ. Соня поднялась, прошла балконъ и сѣла рядомъ. — У-у, какой бука, — сказала она и сдѣлала мордочку шаловливо-нахмуренной: нахмуренность изображала меня, а шаловливость — ея отношенiе къ моей нахмуренности. И боязливо, совсѣмъ какъ ребенокъ дразнитъ собаку, она, напряженно вытянувъ указательный пальчикъ, начала сверху внизъ бороздить по моимъ губамъ, которыя стали издавать такiе звонкiе веселые щелчки, что тотчасъ я и расхохотался. — Вотъ по этому самому, — сказала Соня, — по тому, разсмѣешься ли ты, или озлобленно оттолкнешь мою руку, я въ будущемъ всегда узнаю твои чувства. — Впрочемъ, — добавила она, помолчавъ, — ты видишь, какiя мы женщины глупыя: тотъ эффектъ, который мы производимъ, высказавъ вслухъ нашу наблюдательность, дороже намъ той пользы, которую мы могли бы изъ этой наблюдательности извлечь, если бы о ней умолчали.

Между тѣмъ быстро темнѣло и отъ крѣпчавшаго вѣтра становилось безпокойно. Только еще тамъ, надъ черной крышей дома, куда упало солнце, виднѣлась узкая мандариновая полоса. Но уже чуть выше было мрачно, — точно вливаемыя въ воду струи чернилъ, катились облака вѣтренно и такъ быстро, что, когда я задиралъ голову вверхъ — балконъ вмѣстѣ съ домомъ начинали безшумно ѣхать впередъ, грозя передавить весь городъ. За угломъ листья деревьевъ шумѣли моремъ, потомъ въ высшемъ напряженiи этого мокраго шума что-то, видимо въ сучьяхъ, остро надломило, и тутъ же, гдѣ-то совсѣмъ рядомъ, съ

ломкимъ стукомъ захлопнуло окно, а въ возникшей на мгновеніе падающей тишинѣ — выброшенное оконное стекло со звономъ разорвало о мостовую.

— Фу, — сказала Соня, — здѣсь гадко. Пойдемъ.

Послѣ балкона въ Ягиной комнатѣ было тихо и душно, будто натоплено. Сквозь закрытыя двери балкона изъ темноты — бѣлая скатерть металась, какъ на вокзалѣ прощальный платокъ. Держа Соню подъ-руку и производя сухой свистящій шорохъ, я началъ было обглаживать ладонью обои, чтобы разыскать штепсель, — но Сонина рука мягко сдержала меня. Тогда, обхвативъ Соню, прижимая ее къ себѣ и подвигаясь въ направленіи слабо бѣлѣвшей въ темнотѣ, словно расплющенной, колонны, за которой, мнѣ помнилось, стояла кушетка, — я, неуклюже наступая на кончики Сониныхъ туфель, медленно повелъ ее спиной впередъ.

Но подвигаясь въ темнотѣ и прижимая къ себѣ Соню, я, какъ ни старался возбудиться мужскимъ и животнымъ ожесточеніемъ, столь необходмымъ мнѣ вотъ сейчасъ, вотъ сію минуту, — уже въ отчаяніи и съ ужасающей ясностью предчувствовалъ свой позоръ, потому что даже теперь, здѣсь, въ Ягиной комнатѣ, въ эти рѣшительныя минуты, Сонины поцѣлуи и Сонина близость дѣлали меня слишкомъ растроганнымъ, слишкомъ чувствительнымъ, чтобы стать чувственнымъ. Что жъ дѣлать, что же мнѣ дѣлать, что же мнѣ дѣлать, — въ отчаяніи думалъ я, — сознавая, что Соня это женщина, которую надо брать стихійно и сразу, и что дѣлать это нужно именно такъ не потому что Соня окажетъ сопротивленіе, — потому что осмѣлься я возбуждать мою одряхлѣвшую въ эти минуты чувственность при помощи длительнаго процесса грязныхъ прикосновеній — я тѣмъ самымъ, спасая самолюбіе моей мужественности, — уже навсегда и непоправимо разрушу красоту нашихъ отношеній. Между тѣмъ мы уже были у самой колонны. Такъ что же дѣлать, что же мнѣ дѣлать, — повторялъ я, въ отчаяніи думая о томъ, что сейчасъ будетъ такой срамъ, такой срамъ, послѣ котораго нельзя уже

жить, — въ отчаяніи еще сознавая, что именно это-то *предчувствіе* срама — лишетъ меня уже послѣдней возможности возбудить въ себѣ то звѣриное, которое смогло бы этотъ срамъ предотвратить. И только въ послѣднюю секунду, когда какъ въ черную пропасть, мы рухнули на вульгарно грохнувшую всѣми пружинами кушетку, — мнѣ придумался выходъ, и я, какъ это видѣлъ въ театрѣ, вдругъ отчетливо захрипѣлъ, и, стараясь разорвать на себѣ тугой и суконный воротникъ, простоналъ. — Соня. Мнѣ худо. Воды.

10.

Москва, 1916 года, сентября.

Мой милый и дорогой мой Вадимъ!

Мнѣ тяжело, мнѣ горько подумать, и все же я знаю, что это мое послѣднее письмо къ тебѣ. Ты вѣдь знаешь, что съ того самаго вечера (ты знаешь, какой я думаю) между нами установились очень тяжелыя отношенія. Такія отношенія, разъ начавшись, уже никогда не могутъ вернуться и стать прежними, и даже больше того: чѣмъ дольше длятся такія отношенія, чѣмъ настойчивѣе и та и другая сторона пытаются ложью изображать прежнюю близость, тѣмъ сильнѣе чувствуется та ужасная враждебность, которая никогда не случается между чужими, а возникаетъ только между очень близкими другъ другу людьми. При такихъ отношеніяхъ достаточно, чтобы одинъ сказалъ бы другому правду, всю правду, понимаешь-ли полную правду, — и сейчасъ же эта правда обращается въ обвиненіе.

Сказать такую правду, высказать съ совершенной искренностью все свое отвращеніе къ этой любовной лжи, — не значитъ ли это заставить того, кому сказана эта правда, — то-ли эту правду молчаливо признать, и тогда всему конецъ, — то-ли, изъ за боязни передъ этимъ концомъ, лгать вдвойнѣ, и за себя и за того, кто сказалъ эту правду. И вотъ я пишу тебѣ, чтобы сказать эту правду, и прошу умоляю тебя, мой дорогой, не лги, оставь это письмо безъ

отвѣта, будь правдивъ со мною хотя бы твоимъ молчаніемъ.

Прежде всего о твоемъ, такъ называемомъ, обморокѣ, который ты тогда разыгралъ у Яга. (Тутъ мнѣ приходитъ въ голову, что обморокъ имѣетъ что-то общее съ обморочить). Вѣдь съ этого, собственно, началось, или, если хочешь еще точнѣе, — началось съ того, что я въ этотъ обморокъ не повѣрила. Съ первой же минуты я поняла, что обморокъ этотъ есть только выходъ изъ положенія, неблагопріятнаго для твоего самолюбія и оскорбительнаго для моей любви. Мимоходомъ замѣчу, что въ такое опредѣленіе вполнѣ вмѣщается мое первое подозрѣніе о томъ, что можетъ быть ты боленъ, — предположеніе, которое я тутъ же, какъ совершенно негодное (не невозможное, а неправильное) отбросила.

Ты знаешь, — я ухаживала за тобою въ тотъ вечеръ, какъ умѣла, я приносила тебѣ то воду, то мокрое полотенце, я была нѣжна съ тобою, но все это была уже ложь. Я уже думала о тебѣ въ третьемъ лицѣ, въ моихъ мысляхъ ты сталъ для меня «онъ», думая о тебѣ, я уже не обращалась къ тебѣ непосредственно, а будто говорила о тебѣ съ кѣмъ-то другимъ, съ кѣмъ-то, который сталъ мнѣ ближе, чѣмъ ты, и этотъ «кто-то — былъ мой разумъ. Такъ я стала тебѣ чужой. Но тогда, ночью, я лгала, я не сказала, не могла сказать тебѣ правды, которую пишу теперь: я была оскорблена. Когда одинъ человѣкъ оскорбляетъ другого, то оскорбленіе всегда бываетъ двухъ родовъ: умышленное или невольное. Первое не страшно: на него отвѣчаютъ ссорой, ругательствомъ, ударомъ, выстрѣломъ, и, какъ бы это ни было грубо, это всегда помогаетъ, и умышленно нанесенное тебѣ оскорбленіе смывается легко, словно грязь въ банѣ. Но зато ужасно оскорблніе, которое тебѣ нанесли не намѣренно, а невольно, совсѣмъ не желая этого; ужасно именно потому, что, отвѣчая на него ругательствомъ, ссорой, или даже просто выказывая его внѣшней обиженностью, ты не только не ослабляешь, а напротивъ уже сама себя оскорбляешь до невыносимости. Невольно нанесенное оскорбленіе тѣмъ-то особенно и отличается, что не только

нельзя на него отвѣчать, а какъ разъ напротивъ, нужно изо всѣхъ силъ показывать (а это охъ какъ тяжко), будто ничего не замѣчаешь. И вотъ поэтому-то я тебѣ въ тотъ вечеръ ничего не сказала и лгала.

Тысячи разъ я себя спрашивала и не могла, нѣтъ, не хотѣла найти отвѣта. Тысячи разъ я задавала себѣ вопросъ — что же произошло, — и тысячи разъ получала одинъ и тотъ же отвѣтъ: — онъ не захотѣлъ тебя. И я склонялась передъ правдивостью этого отвѣта, передъ его единственностью, — и все же не понимала. Хорошо, — говорила я себѣ, — онъ не захотѣлъ меня, — но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ все это дѣлалъ. Зачѣмъ онъ устроилъ нашу встрѣчу у Яга, почему онъ и поступалъ и велъ себя такъ, что и поведеніемъ и поступками уже обязывалъ взять меня и все же не сдѣлалъ этого. Почему. Отвѣтъ былъ одинъ: очевидно, потому, что сознательная его воля желала меня, между тѣмъ, какъ его тѣло противно и наперекоръ волѣ, брезгливо отъ меня отвернулось. Думая объ этомъ, испытывала то самое, что долженъ испытывать прокаженный, котораго христіанскій братъ цѣлуетъ въ уста, и который видитъ, какъ христіанскаго брата послѣ этого поцѣлуя тутъ же вытошнило. Въ твоихъ поступкахъ, Вадимъ, я чувствовала совершенно то же: съ одной стороны, было стремленіе твоей сознательной воли, которое тебя вполнѣ оправдывало, — съ другой — брезгливое непослушаніе твоего тѣла, которое меня особенно оскорбляло. Не осуждай меня, Вадимъ, и пойми, что всякія *разсудочныя* соображенія, которыя побуждаютъ тѣлесно овладѣть женщиной, глубоко оскорбительны для нея, независимо отъ того, диктуются ли они христіански жалостливыми, и значитъ высоко душевными, или же грязно денежными соображеніями. Да. Безразсудство, совершаемое разсудочно, — это низость.

Ты знаешь, что на слѣдующій день долженъ былъ пріѣхать мой мужъ. Ты знаешь также, вѣдь я говорила тебѣ объ этомъ, что какіе бы ужасы меня ни ожидали, но честно и по хорошему я разскажу ему обо всемъ, что за это время

произошло. Но я не сдѣлала этого. Послѣ той ночи я не считала себя вправѣ это сдѣлать. Даже больше того: я почувствовала къ пріѣхавшему мужу какую-то новую, сближавшую меня съ нимъ, благодарную нѣжность. Да, Вадимъ, это такъ, и ты это долженъ и можешь понять. Ибо сердцу прокаженной женщины милѣе чувственный поцѣлуй негра, чѣмъ христіанскій поцѣлуй миссіонера, преодолѣвающаго отвращеніе.

Ты знаешь, что было дальше. Ты пришелъ къ намъ, какъ гость, какъ чужой. Конечно, я понимала, что на саммъ дѣлѣ ты себя чужимъ вовсе не чувствуешь, а только чужимъ притворяешься, и что ты увѣренъ, что мнѣ-то ты не только не чужой, а самый что ни на есть близкій. Я знала, что ты такъ думаешь, я знала такъ же, какъ ты глубоко ошибаешься, — и знаешь, Вадимушка, такъ мнѣ вдругъ стало жаль тебя, такъ жаль мнѣ тебя стало за эту твою увѣренность, и такъ больно мнѣ за тебя было.

Мой мужъ, котораго я познакомила съ тобой, и которому ты, это было замѣтно, понравился, съ присущей ему безтактностью, взявъ меня подъ руку, повелъ тебя показывать нашу квартиру.

Ты долженъ знать, что мой мужъ не ревнивъ. Это отсутствіе въ немъ чувства ревности объясняется избыткомъ самоувѣренности и недостаткомъ воображенія. Однако, эти самыя чувства, которыя воздерживаютъ его отъ ревности, побудили бы его къ чрезвычайной жестокости, узнай онъ о моей измѣнѣ. Мой мужъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что онъ и только онъ представляетъ собою ту точку, вокругъ которой происходитъ вращеніе всѣхъ другихъ людей. Онъ нисколько не способенъ почувствовать, что точно такъ же думаетъ рѣшительно всякое живое существо, и что съ точки зрѣнія этого всякаго — онъ, мой мужъ, переставъ быть точкой, вокругъ которой происходитъ вращеніе, въ свою очередь начинаетъ вращаться. Мой мужъ никакъ не можетъ понять, что въ мірѣ такихъ центральныхъ точекъ, вокругъ которыхъ вращается воспринимаемый и вмѣщаемый этими точками міръ, имѣется ровно

столько, сколько живыхъ существъ населяютъ міръ. Мой мужъ признаетъ и понимаетъ человѣческое *я* какъ центръ, какъ пупокъ міра, но возможность присутствія такого *я* онъ полагаетъ только въ самомъ себѣ. Всѣ остальные такого *я* для него не имѣютъ и имѣть не могутъ. Всѣ остальные для него это «ты» — «онъ» — вообще «они». Такимъ образомъ, называя это свое *я* высоко человѣческимъ, мужъ мой нисколько не понимаетъ, что на самомъ дѣлѣ это его *я* чисто звѣриное, что такое *я* допустимо развѣ что у удава, пожирающаго кролика, или у кролика, пожираемаго удавомъ. Мой мужъ не понимаетъ, что разница между звѣринымъ и человѣческимъ *я* заключается въ томъ, что для звѣря *признать* чужое *я* это значитъ признать свое пораженіе, каъ результатъ слабости своего тѣла и значитъ ничтожества, — для человѣка же признать чужое *я* это значитъ праздновать побѣду, какъ слѣдствіе силы своего духа и значитъ величія. Таковъ мой мужъ, и право же жаль, что такъ повернулось, что я остаюсь у него. Этотъ ударъ по его тупости, который нанесло бы ему извѣстіе о моей измѣнѣ, о предпочтеніи ему кого-то другого — пошло бы ему на пользу.

Ты помнишь, конечно, этотъ моментъ, когда, показывая тебѣ квартиру, мы подошли, наконецъ, къ дверямъ нашей спальни. Ты помнишь такъ же, какъ я противилась и ни за что не хотѣла открыть дверь, и какъ мужъ, разсерженный и непонимающій, все-таки открылъ дверь, втолкнулъ меня и, пропуская тебя впередъ, сказалъ: — входите, входите, это наша спальня; — вы видите, здѣсь все изъ краснаго дерева. Ты взглянулъ, ты посмотрѣлъ на неприбранную, на эту страшно разбросанную теперь, въ девять часовъ вечера постель, и ты понялъ. Я знаю: въ эти минуты, стоя въ нашей спальнѣ, ты испытывалъ и ревность, и боль, и горечь оскорбленной, поруганной любви. Я и тогда уже знала, что ты испытываешь всѣ эти чувства. И только потомъ я узнала, что это оскорбленіе твоей любви — было часомъ рожденія твоей чувственности. Какъ жаль, что я поняла это слишкомъ поздно.

Ты знаешь, что было дальше. Я продолжала встрѣчаться съ тобою тайкомъ отъ мужа, но эти наши новыя встрѣчи были уже не тѣ, что раньше. Каждый разъ ты приводилъ меня въ какую то трущобу, срывалъ съ меня и съ себя платье и бралъ меня съ каждымъ разомъ грубѣе, безжалостнѣе, циничнѣй. Не упрекай меня за то, что я позволяла это дѣлать. Не говори, что это доставляло мнѣ хотя минуту радости. Я переносила этотъ развратъ, какъ больной переноситъ лекарство: онъ думаетъ этимъ спасти свою жизнь, — я думала спасти свою любовь. Въ первые дни, хотя я и замѣтила, хотя и поняла, что твоя чувственность разогрѣвается въ соотвѣтствіи съ остываніемъ твоей любви, — я еще на что-то надѣялась, я еще чего-то ждала. Но вчера, — вчера я почувствовала, я поняла, что даже и чувственности нѣтъ въ тебѣ больше, что ты сытъ, что я лишняя, что такъ продолжаться не должно. Ты помнишь, какъ вчера, взойдя со мной въ грязнущую каморку гостинницы, ты даже не поцѣловалъ меня, не обнялъ, не сказалъ даже слова привѣта, и молча, со спокойствіемъ чиновника, пришедшаго на службу, началъ раздѣваться. Я смотрѣла на тебя, на то, какъ ты, стоя передо мною въ нижнемъ и, прости, не очень свѣжемъ бѣльѣ, заботливо складывалъ брюки, какъ потомъ подошелъ къ умывальнику, снялъ полотенце, предусмотрительно положилъ его подъ подушку, и какъ потомъ, — потомъ, послѣ всего, ты, не стѣсняясь, даже не отворачиваясь отъ меня, вытерся, и предложивъ мнѣ сдѣлать то же — повернулся спиной и закурилъ папиросу.
— Что же, — спрашивала я себя, — это и есть та самая любовь, ради которой я готова бросить все, сломать и исковеркать жизнь. Нѣтъ, Вадимъ, нѣтъ милый, это не любовь, а это грязь, мутная, мерзкая. Такая грязь имѣется въ моемъ домѣ въ такомъ достаткѣ, что я не вижу нужды переносить ее изъ моей супружеской спальни, гдѣ «все изъ краснаго дерева»», въ затхлый номеръ притона. И пусть это тебѣ покажется жестокимъ, но я еще хочу сказать, что въ выборѣ между тобой и мужемъ, — я *теперь* отдаю предпочтеніе не только обстановкамъ, но и лицамъ. Да, Ва

димъ, въ выборѣ между тобой и мужемъ, я, помимо всякихъ обстановокъ, предпочту моего мужа. Пойми. Эротика моего мужа — это результатъ его духовнаго нищенства: оно у него профессіонально и потому не оскорбительно. Твое же отношеніе ко мнѣ — это какое то безпрерывное паденіе, какое-то стремительное обнищаніе чувствъ, которое, какъ всякое обнищаніе, унижаетъ меня тѣмъ больнѣе, чѣмъ большему богатству въ прошломъ оно идетъ на смѣну.

Прощай, Вадимъ. Прощай, милый, дорогой мой мальчикъ. Прощай, моя мечта, моя сказка, мой сонъ. Вѣрь мнѣ: ты молодъ, вся жизнь твоя впереди, и ты-то еще будешь счастливъ. Прощай же.

Соня.

КОКАИНЪ

1.

Уже нельзя было лечь на подоконникъ, темно сѣрый и каменный, съ фальшивыми нитями мраморныхъ жилъ. и съ обструганнымъ, обнажавшимъ бѣлый камень краемъ, о который точились перочинные ножи. Уже нельзя было, легши на этотъ подоконникъ и вытянувъ голову, увидѣть длинный и узкій, съ асфальтированной дорожкой, дворъ, — съ деревянными, всегда запертыми воротами, съ боку которыхъ, точно утомленно отяжелѣвъ, отвисала на ржавой петлѣ калитка, гдѣ объ нижнюю перекладину всегда спотыкались жильцы, а споткнувшись, непремѣнно на нее ругающими глазами оглядывались. Была зима, окна были законопачены вкусно-сливочнаго цвѣта замазкой, межъ рамами стекла округло лежала вата, въ ватѣ были вставлены два узкихъ и высокихъ стаканчика съ желтой жидкостью, — и подходя еще по лѣтней привычкѣ къ окну, гдѣ изъ-подъ подоконника дышало сухимъ жаромъ, по особенному чувствовалась та отрѣзанность улицы, которая (въ зависимости отъ настроенія) возбуждала чувство уюта или тоски. Теперь изъ окна моей комнатенки видна была только сосѣдняя стѣна съ застывшими на кирпичахъ сѣрыми потокамъ известки, — да еще внизу, то самое отгороженное частокольчикомъ мѣсто, которое швейцаръ нашъ Матвѣй внушительно называлъ садомъ для господъ, причемъ достаточно было взглянуть на этотъ садъ или на этихъ господъ, чтобы понять, что та особенная почтительность Матвѣя, съ которой онъ отзывался о своихъ господахъ,

была не болѣе, какъ разсчетливое взвинчиваніе своего собственнаго достоинства, за счетъ возвеличенія людей, которымъ онъ былъ подчиненъ.

За послѣдніе мѣсяцы особенно часто случалась тоска. Тогда, подолгу простаивая у окна, держа въ рогаткѣ пальцевъ папиросу, изъ которой со стороны мандариноваго ея огонька шелъ синій-синій, а со стороны мундштука грязно сѣрый дымокъ, я пытался счесть на сосѣдней стѣнѣ кирпичи, или вечеромъ, потушивъ лампу и вмѣстѣ съ ней черное двоеніе комнаты въ сразу свѣтлѣвшемъ стеклѣ, подходилъ къ окну, и, задравъ голову, такъ долго смотрѣлъ на густо падающій снѣгъ, пока не начиналъ лифтомъ ѣхать вверхъ, навстрѣчу неподвижнымъ канатамъ снѣга. Иногда еще, безцѣльно побродивъ по корридору, я открывалъ дверь, выходилъ на холодную лѣстницу, и, думая, кому бы мнѣ позвонить, хотя и зналъ хорошо, что звонить рѣшительно некому, спускался внизъ къ телефону. Тамъ, у такъ называемой парадной двери, въ суконной синей и назади гармонью стянутой поддевкѣ, въ фуражкѣ съ золотымъ околышемъ, поставивъ сапоги на перекладину табурета, — сидѣлъ рыжій Матвѣй. Поглаживая ручищами колѣни, словно онъ ихъ жестоко зашибъ, онъ время отъ времени запрокидывалъ голову, страшно раскрывалъ ротъ, обнажая приподнявшійся и трепетавшій тамъ языкъ, и такъ зѣвая, испускалъ тоскующій рыкъ, сперва тонально наверхъ а-о-и, — и потомъ обратно и-о-а. А зѣвнувъ, сейчасъ же, еще съ глазами, полными сонныхъ слезъ, укоризненно самому себѣ качалъ головой, и потомъ умывающимися движеніями такъ крѣпко теръ ладонями лицо, словно помышлялъ сорванной кожей придать себѣ бодрости.

Вѣроятно, этой-то зѣвотной склонности Матвѣя должно было приписать то обстоятельство, что жильцы дома, гдѣ только и какъ только возможно, избѣгали и даже какъ бы пренебрегали его услугами, и вотъ уже много лѣтъ въ домѣ были приспособлены звонки, шедшіе изъ телефонной будки рѣшительно во всѣ квартиры, чтобы

въ случаѣ телефоннаго вызова, Матвѣю было достаточно только надавить соотвѣтствующую кнопку.

Моимъ условнымъ вызовомъ внизъ къ телефону -- былъ длинный, тревожный звонокъ, который, въ особенности теперь, за послѣдніе мѣсяцы, пріобрѣлъ для меня характеръ радостной, волнующей значимости. Однако, звонки такіе случались все рѣже. Ягъ былъ влюбленъ. Онъ сошелся съ немолодой уже женщиной испанскаго типа, которая, почему-то, возненавидѣла меня съ первой же встрѣчи, и мы видѣлись рѣдко. Нѣсколько разъ я пробовалъ встрѣчаться съ Буркевицемъ, но потомъ рѣшительно бросилъ, никакъ не находя съ нимъ общаго тона. Съ нимъ, съ Буркевицемъ, который теперь сталъ революціонеромъ, нужно было говорить или гражданственно возмущаясь чужими, или исповѣдуясь въ собственныхъ грѣхахъ противъ народнаго благосостоянія. И то и другое было мнѣ, привыкшему свои чувства закрывать цинизмомъ, или ужъ если выражать ихъ, то въ видѣ юмора, — до стыдности противно. Буркевицъ же какъ разъ принадлежалъ къ числу людей, которые, въ силу возвышенности исповѣдуемыхъ ими идеаловъ, осуждаютъ и юморъ и цинизмъ: — юморъ, потому что они видятъ въ немъ присутствіе цинизма, — цинизмъ, потому что они находятъ въ немъ отсутсвіе юмора. Оставался только Штейнъ, и изрѣдка онъ звонилъ мнѣ, звалъ къ себѣ посидѣть и я всегда слѣдовалъ этимъ приглашеніямъ.

Штейнъ жилъ въ роскошномъ домѣ, съ мраморными лѣстницами, съ малиновыми дорожками, изысканно внимательнымъ швейцаромъ и лифтомъ, купэ котораго, пахнущее духами, взлетало вверхъ съ тѣмъ неожиданнымъ и всегда непріятнымъ толкомъ остановки, когда сердце еще мигъ продолжало летѣть вверхъ и потомъ падало обратно. Лишь только горничная открывала мнѣ громадную, бѣлую и лаковую дверь, лишь только охватывали меня тишина и запахи этой очень большой и очень дорогой квартиры, — какъ навстрѣчу мнѣ уже выбѣгалъ, словно въ

ужасно дѣловой торопливости, Штейнъ и, взявъ меня за руку, быстро велъ къ себѣ въ комнату.

Усадивъ меня, но самъ никогда не садясь, Штейнъ тотчасъ начиналъ рыться у себя въ шкапу, шарилъ въ карманахъ костюмовъ, и нерѣдко даже выбѣгалъ въ переднюю, видимо и тамъ роясь по карманамъ въ своихъ шубахъ и пальто. Когда все было перерыто, Штейнъ, успокоенный, что ничего не потеряно, клалъ предметы своихъ поисковъ передо мной на столъ. Все это были старые, уже использованные билеты, пригласительныя карточки, афишки спектаклей, концертовъ и баловъ, — словомъ, вещественныя доказательства того, гдѣ онъ бывалъ, въ какомъ театрѣ, на какой премьерѣ, въ какомъ ряду сидѣлъ, и, главное, сколько имъ было за это заплачено. Разложивъ все это въ такомъ порядкѣ, чтобы сила производимаго на меня впечатлѣнія равномѣрно возростала, и руководствуясь при этой сортировкѣ лишь величиной цѣны, которая была за этотъ билетъ заплачена, Штейнъ, утомленно щурясь, какъ бы преодолѣвая усталость, дабы честно выполнить чрезвычайно скучную обязанность, начиналъ свое повѣствованіе.

Никогда ни единымъ словомъ не упоминая о томъ, хорошо или плохо играли актеры, хороша-ли или дурна была пьеса, хорошъ-ли былъ оркестръ или концеартантъ и вообще какое впечатлѣніе, какія чувства вынесены имъ изъ всего видѣннаго и слышаннаго со сцены, — Штейнъ лишь разсказывалъ (и это съ мельчайшими подробностями) о томъ, какова была публика, кого изъ знакомыхъ онъ повидалъ, въ какомъ ряду креселъ они сидѣли, съ кѣмъ была въ ложѣ содержанка биржевика А., или гдѣ и съ кѣмъ сидѣлъ бандиръ Б., какимъ людямъ онъ, Штейнъ, былъ въ этотъ вечеръ представленъ, сколько эти его новые знакомые въ годъ (Штейнъ никогда не говорилъ зарабатываютъ) наживаютъ, и было очевидно, что совершенно такъ же, какъ и нашъ швейцаръ Матвѣй, онъ съ совершенной искренностью вѣритъ въ то, что чрезвычайно возвеличивается въ моихъ глазахъ, за счетъ доходовъ и высокаго

положенія своихъ знакомыхъ. Съ лѣнивой гордостью пробаранивъ все это и упомянувъ еще о томъ, какъ трудно было получить билетъ и сколько было при этомъ переплачено барышнику, Штейнъ, наконецъ, склонялся надо мной и подтачивалъ холенымъ ногтемъ своего большого, бѣлаго и шибко расплющеннаго пальца высокую кассовую стоимость билета. Тутъ онъ замолкалъ и, привлекши этимъ молчаніемъ мой взглядъ съ билета на себя — разводилъ руками, клалъ голову на плечо и улыбался мнѣ той плачущей улыбкой, которая обозначала, что эта безмѣрно высокая стоимость билета его, — Штейна, настолько забавляетъ, что онъ уже не въ силахъ возмущаться.

Иногда, когда я приходилъ къ Штейну, онъ на своихъ длинныхъ ножищахъ находился въ лихорадочной спѣшкѣ. Страшно торопясь, онъ брился, поминутно бѣгалъ въ ванную и прибѣгалъ обратно, собираясь куда-то — то ли на балъ, на вечеръ, въ гости или на концертъ, и было странно, зачѣмъ понадобился ему я, котораго онъ вызвалъ только что по телефону. Разбрасывая вещи, нужныя и ненужныя ему для этого вечера, онъ въ торопливости мнѣ ихъ показывалъ, — тутъ были помочи, носки, платки, духи, галстухи, — мимоходомъ называя цѣны и мѣсто покупки.

Когда же, уже совсѣмъ готовый, въ шелковистаго сукна шубѣ, въ остроконечной бобровой шапкѣ, рыже морщась отъ закуренной сигары, которая ѣла ему глазъ, задравъ передъ зеркаломъ голову и шаря рукой по бритому напудренному горлу (смотрясь въ зеркало, Штейнъ всегда по рыбьи опускалъ углы губъ) — онъ вдругъ отрывисто говорилъ — ну, ѣдемъ, — то, съ явнымъ трудомъ отводя глаза отъ зеркала, быстро шелъ къ двери и такъ поспѣшно сбѣгалъ по тихо звякающимъ дорожкамъ лѣстницы, что я еле его догонялъ. Не знаю почему, но въ этомъ моемъ бѣгѣ за нимъ по лѣстницамъ было что-то ужасно обидное, унизительное, стыдное. Внизу у подъѣзда, гдѣ Штейна ждалъ лихачъ, онъ уже безъ всякаго интереса прощался со мной, подавалъ мнѣ нежмущую руку и, тотчасъ отнявъ ее и отвернувшись, садился и уѣзжалъ.

Помню, какъ-то я попросилъ у него взаймы денегъ, какую-то малость, нѣсколько рублей. Ни слова не говоря, Штейнъ, округлымъ движенiемъ, и будто отъ дыма сморщивъ глазъ (хоть онъ въ этотъ моментъ и не курилъ), вытащилъ изъ бокового кармана шелковый съ прожилинами портфель, и вынулъ оттуда новенькую хрустящую сторублевку. — Неужели дастъ? — подумалось мнѣ, — и странно, несмотря на то, что деньги были мнѣ очень нужны, я почувствовалъ непрiятнѣйшее разочарованiе. Будто въ этотъ короткiй моментъ я увѣрился въ томъ, что доброта, выказанная подлецомъ, — разочаровываетъ совершенно такъ же, какъ и подлость, свершаемая человѣкомъ высокаго идеала. Но Штейнъ не далъ. — Это все, что у меня есть, — сказалъ онъ, кивая подбородкомъ на сторублевку. — Будь эти сто рублей въ мелкихъ купюрахъ, я, конечно, далъ бы тебѣ даже десять рублей. Но они у меня въ одной бумажкѣ, и потому мѣнять ее я не согласенъ, даже если бы тебѣ нужны были всего десять копѣекъ. При этомъ, однако, его рыже холодные глаза, глядѣвшiе, какъ всегда, не въ мои глаза, а только въ лицо, не увидали, видимо, того, что собирались увидѣть. — Размѣнянная сторублевка это уже не сто рублей, — откровенно теряя терпѣнiе, пояснилъ онъ, зачѣмъ-то при этомъ показывая мнѣ вывернутую ладонь. — Размѣнянныя деньги — это уже затронутыя и значитъ истраченныя деньги. — Конечно, конечно, — говорилъ я, и радостно кивалъ головой, и радостно ему улыбался, и изо всѣхъ силъ стараясь скрыть свою обиду, чувтвуя, что, обнаруживъ ее (правду, правду писала Соня), я обижу себя еще больнѣе. А Штейнъ съ лицомъ, выражающимъ одновременно укоризну, потому что въ немъ усумнились, — и удовлетворенiе, потому что все же признали его правоту, — широко развелъ руками. — Господа, — съ самодовольной укоризной говорилъ онъ, — пора. Пора стать, наконецъ, европейцами. Пора понимать такiя вещи.

Несмотря на то, что я довольно часто бывалъ у Штейна, онъ не потрудился познакомить меня со своими роди-

телями. Правда, бывай Штейнъ у меня, такъ и я не познакомилъ бы его со своей матерью. Однако, эта одинаковость нашихъ дѣйствій, имѣла совершенно разныя причины: Штейнъ не знакомилъ меня со своими родными, ибо ему передъ ними было совѣстно за меня, — я же не познакомилъ бы Штейна со своей матерью, ибо совѣстился бы передъ Штейномъ за свою мать. И каждый разъ, приходя отъ Штейна домой, я мучился горькой оскорбленностью бѣдняка, духовное превосходство котораго слишкомъ сильно, чтобы допустить его до откровенной зависти, и слишкомъ слабо, чтобы оставить его равнодушнымъ.

Есть много странности въ томъ, что противнѣйшія явленія имѣютъ почти непреодолимую власть притягательности. Вотъ сидитъ человѣкъ и обѣдаетъ и вдругъ, гдѣ-то, за его спиной, вытошнило собаку. Человѣкъ можетъ дальше ѣсть и не смотрѣть на эту гадость. Человѣкъ, наконецъ, можетъ перестать ѣсть и выйти и не смотрѣть. Онъ можетъ, Но какая-то нудная тяга, словно соблазнъ (а ужъ какой же тутъ, помилуйте, соблазнъ) тащитъ и тащитъ его голову обернуться и взглянуть, взглянуть на то, что подернетъ его дрожью отвращенія, и на что онъ смотрѣть рѣшительно не желаетъ.

Вотъ такую-то тягу я чувствовалъ въ отношеніи къ Штейну. Каждый разъ, возвращаясь отъ Штейна, я увѣрялъ себя, что больше ноги моей тамъ не будетъ. Но черезъ нѣсколько дней звонилъ Штейнъ, и снова я шелъ къ нему, шелъ какъ бы за тѣмъ, чтобы сладостно бередить свое отвращеніе. Часто, лежа у себя въ комнатенкѣ при погашенной лампѣ я воображалъ, что вотъ занимаюсь какой то торговлей, дѣла идутъ замѣчательно, и вотъ я уже открываю собственный банкъ, между тѣмъ какъ Штейнъ, совершенно оборванный, обнищавшій, бѣгаетъ за мной, добивается моей дружбы, завидуетъ мнѣ. Такія мечты, такія видѣнія были мнѣ чрезвычайно пріятны, при чемъ (хоть это и можетъ показаться весьма страннымъ и противорѣчивымъ), но именно это-то чувство пріятности, возбуждаемое во мнѣ подобными картинами, было мнѣ до крайности

непріятно. Во всякомъ случаѣ, какъ бы тамъ ни было, я и въ этотъ вечеръ радостно вскочилъ съ дивана, когда раздался этотъ бѣшеный, долгій звонокъ, звавшій меня къ телефону. Въ этотъ памятный, въ этотъ ужасный для меня вечеръ, я снова, какъ и раньше, готовъ былъ идти къ зовущему меня Штейну. Но это былъ не Штейнъ. И когда сбѣжавъ по холодной лѣстницѣ и забѣжавъ въ телефонную, пропахшую пудрой и потомъ, будку, я поднялъ висѣвшую на зеленомъ скрюченномъ шнурѣ у самаго пола трубку, то шопотъ, который захаркалъ оттуда, принадлежалъ не Штейну, а Зандеру, — студенту, съ которымъ я весьма недавно познакомился въ канцеляріи университета И этотъ Зандеръ хрипло лаялъ мнѣ въ ухо, что онъ съ пріятелемъ нынче ночью рѣшили устроить понюхонъ (я не понялъ, переспросилъ и онъ пояснилъ, что это значитъ нюхать кокаинъ), что у нихъ мало денегъ, что было бы хорошо, если бы я смогъ ихъ выручить, и что они меня ждутъ въ кафэ. О кокаинѣ у меня было весьма смутное представленіе, мнѣ почему-то казалось, что это что то вродѣ алкоголя (по крайней мѣрѣ, по степени опасности воздѣйствія на организмъ), и такъ какъ въ этотъ вечеръ, какъ, впрочемъ, и во всѣ послѣдніе вечера, я совершенно не зналъ, что мнѣ съ собою дѣлать и куда бы пойти, и такъ какъ у меня имѣлось пятнадцать рублей, то я съ радостью принялъ приглашеніе.

2.

Стоялъ сухой и шибкій морозъ, которымъ все, точно до треска, было сжато. Когда сани подползли къ пассажу, то со всѣхъ сторонъ падалъ металлическій визгъ шаговъ, и отовсюду съ крышъ шелъ дымъ такими бѣлыми столбами вверхъ, словно городъ гигантской лампадой свисалъ съ неба. Въ пассажѣ было тоже очень холодно и гулко, зеркала были заснѣжены, — но только я отворилъ дверь въ кафэ, какъ оттуда вырвалось прачешное облако тепла, запаховъ и звуковъ.

Маленькая раздѣвальня, только перегородкой отдѣленная отъ залы, была такъ тѣсно набита висѣвшими одна на другой шубами, что швейцаръ пыхтѣлъ и подпрыгивалъ, словно лѣзъ на гору, когда, держа снятую съ меня шинель за талію, слѣпо водилъ ее падавшимъ внизъ и никакъ не цѣплявшимъ крючка шиворотомъ. На полкѣ и на зеркалѣ фуражки и шапки тѣсно стояли колонками одна на другой, внизу калоши и ботики, вставленные другъ въ друга, были на подошвахъ испачканы мѣломъ съ обозначеніемъ номеровъ.

Какъ разъ, когда я протиснулся въ залъ, скрипачъ, уже со скрипкой, вставленной подъ подбородокъ, торжественно поднялъ смычокъ и, привставъ на цыпчкахъ и поднявъ плечи, — вдругъ опустился, и (движеніемъ этимъ рванувъ за собою піанино и віолончель) заигралъ.

Стоя рядомъ съ музыкантами и глядя въ переполненный залъ, который, какъ только заиграли, сразу наддалъ шумомъ голосовъ, я пытался выловить Зандера. Рядомъ піанистъ здорово работалъ локтями, лопатками и всей спиной, гнулся стулъ съ подложенной подъ нимъ драной книгой нотъ и гулялъ отлипающей спинкой, — віолончелистъ, поднятыми бровями разнѣживъ лицо, припадалъ ухомъ къ шатающемуся на струнѣ пальцу, — а скрипачъ, крѣпко разставивъ ноги, въ нетерпѣливой страстности вилялъ торсомъ, и ужасно совѣстно становилось за его похотливо радующееся собственнымъ звукамъ лицо, которое съ такой веселой настойчивостью приглашало на себя посмотрѣть, и на которое рѣшительно никто не смотрѣлъ.

Приподнимаясь наноскахъ, втягивая животъ и бокомъ пролѣзая межъ тѣсно поставленными столиками, — я невольно (по какой-то, часто случавшейся за послѣдніе мѣсяцы, необходимости обнажать передъ собою умственное свое ничтожество), — искалъ и, конечно, не находилъ точнаго опредѣленія — что такое музыка. Здѣсь, на другой сторонѣ зала, было чуть просторнѣе, звуки, какъ вѣтеръ перемѣнивъ направленіе, временами уходили отъ музыкантовъ, и тогда смычки ихъ ходили беззвучно. А у ог-

ромнаго окна, возвышаясь надъ головами, уже стоялъ Зандеръ и, привлекая мое вниманіе, махалъ платкомъ.

» Ну, наконецъ-то, вотъ, — ну, наконецъ-то, вотъ и ты, — говорилъ онъ, продираясь мнѣ навстрѣчу и схватывая мою руку двумя руками. — Ну, какъ живемъ, — (онъ задрожалъ головой), — ну, какъ живемъ, Вадя. У него была болѣзнь дрожать головой, послѣ чего всѣ сказанныя уже слова будто забывались имъ, вытряхивались изъ него, и съ назойливымъ упорствомъ онъ повторялъ ихъ сначала. Его колючіе глазки и хищный носъ радостно морщились. Не выпуская моей руки и пятясь по тѣсному проходу, онъ проволокъ меня къ столику, за которымъ сидѣло еще двое. По тому, какъ они выжидательно смотрѣли мнѣ въ глаза, было очевидно, что они въ компаніи съ Зандеромъ, и что онъ сейчасъ насъ будетъ знакомить. Одного изъ поднявшихся намъ навстрѣчу Зандеръ назвалъ Хирге, другого Микомъ, при этомъ три раза дрожалъ головой и три раза начиналъ о томъ, что этотъ Микъ — каррикатурстъ и танцоръ. Про другого, про Хирге Зандеръ не сказалъ ничего, но Хирге этого легко было опредѣлить (по крайней мѣрѣ внѣшне) двумя словами: лѣнивое отвращеніе. Когда мы подошли къ столику, Хирге съ лѣнивымъ отвращеніемъ поднялся, съ лѣнивымъ отвращеніемъ подалъ мнѣ руку, и снова усѣвшись, съ лѣнивымъ отвращеніемъ началъ смотрѣть поверхъ головъ. Второй, Микъ, былъ явно очень нервенъ. Не вынимая изо рта папиросы (она качалась, когда онъ говорилъ) онъ, не глядя на меня обратился къ Зандеру. — Ну, ты не засиживайся и выясняй, выясняй положеніе. И услышавъ отъ Зандера, что положеніе выяснено, что имѣется пятнадцать рублей, онъ сдѣлалъ кислое лицо Зандеру, потомъ улыбку, потомъ все снялъ и громко застучалъ кольцомъ о стекло стола. Хирге съ лѣнивымъ отвращеніемъ смотрѣлъ въ сторону. Кельнерша, съ ужасно истощеннымъ лицомъ, которое мнѣ сразу показалось знакомымъ, круто повернула на стукъ, и крѣпко налегая крахмальнымъ фартучкомъ на острый уголъ стола, воткнувъ его въ животъ, стала собирать пустые стаканы. Только, когда, со-

бирая окурки (они лежали не въ пепельницѣ, а были разбросаны прямо на столѣ), она, брезгливо опустивъ губы, такъ покачала головой, будто ничего, кромѣ подобнаго свинства отъ насъ и не ожидала, — я призналъ въ ней Нелли. Не взглянувъ на меня, хоть я и поздоровался съ нею и спросилъ ее, какъ она поживаетъ, она продолжала поспѣшно вытирать стекло стола тряпочкой, тихо сказала — ничего, мерси, — покраснѣла кирпичными, больными пятнами, а когда собрала все со стола, то пугливо оглянулась въ сторону буфета, и вдругъ, наклонившись къ Хирге, быстро сказала, что она сейчасъ смѣняется, и что будетъ ждать внизу. На что Хирге (онъ какъ разъ опирался руками о столъ и отъ усилія подняться такъ перекосилъ лицо, словно смертельно раненъ въ спину) съ лѣнивымъ отвращеніемъ мотнулъ головой.

3.

Не прошло и четверти часа, какъ всѣ мы, Нелли, Зандеръ, Микъ и я, расположились въ ожиданіи на минуту отлучившагося за кокаиномъ Хирге (мнѣ по дорогѣ сообщили, что Хирге не нюхаетъ, а только торгуетъ кокаиномъ), въ хорошо натопленной комнатѣ, заставленной чрезвычайно старой мебелью. Сейчасъ же за дверью, такъ что послѣднюю можно было открыть только наполовину, стояло старенькое піанино; его клавиши были цвѣта нечищенныхъ зубовъ, а во ввинченныхъ въ піанинную грудь и отвисавшихъ внизъ подсвѣчникахъ, торчали, склоняясь въ разныя стороны (отверстія подсвѣчниковъ были слишкомъ велики), витыя красныя свѣчи, испещренныя какими-то золотыми точечками и сверху торчали бѣлые хвостики фитилей. Дальше по стѣнѣ шелъ выступъ камина, на бѣлой и мраморной доскѣ котораго, подъ стеклянымъ колпакомъ, два бронзовыхъ французскихъ джентльмена, въ камзолахъ, чулкахъ и ботиночкахъ съ пряжками, склонивъ головки и сдѣлавъ ножками менуэтное па, собирались элегантно подбросить часы, съ бѣлымъ безъ стекла цифер-

блатомъ, съ черной дыркой для завода, и съ одной только стрѣлкой, да и то изогнутой. Въ серединѣ комнаты стояли низкія кресла, бархатъ которыхъ, когда его гладили по ворсу, давалъ желтый, а противъ ворса черный оттѣнки съ такой отчетливостью, что по немъ можно было писать. А посреди креселъ стоялъ черный, овальной формы, лакированный столъ, и подъ нимъ его замысловато изогнутыя ножки соединялись на изгибѣ пластинкой, на которой лежалъ фамильный альбомъ, въ чемъ я тотчасъ и убѣдился, лишь только его вытащилъ. Альбомъ этотъ запирался пряжкой съ шишечкой, нажавъ на которую онъ, скакнувъ, раскрывался Переплетъ альбома былъ изъ лиловаго бархата (въ нижнемъ переплетѣ по угламъ имѣлись мѣдныя, выпуклыя головки гвоздей, немного сточенныя, — альбомъ на нихъ покоился, какъ на колесикахъ), между тѣмъ какъ на верхнемъ переплетѣ изображена была потрескавшимися красками лихо несущаяся тройка съ замахнувшимся кнутомъ ямщикомъ и съ облаками подъ полозьями. Я раскрылъ было и только началъ листать внутреннія страницы, которыя были позолочены на ободкахъ и изъ такого массивнаго картона, что при переворачиваніи щелкали другъ о друга, словно деревянныя, — какъ въ это время Микъ оживленно позвалъ меня въ другой конецъ комнаты. — Вотъ, полюбуйтесь-ка, — сказалъ онъ, не оглядываясь на меня и подзывая ближе вытянутой назадъ рукой. — Вы только посмотрите на этого байструка, вы поглядите только на этотъ ужасъ. И онъ указалъ мнѣ на бронзоваго и голаго младенца, пухленькой ручкой державшаго на вѣсу громаднѣйшій канделябръ. — Вѣдь страшно подумать, — вскричалъ Микъ, прижимая кулакъ ко лбу, — въ какой идіотической тьмѣ пребывали люди, которые это работали, и еще тѣ, которые такую штуку покупали. Нѣтъ, милый, вы посмотрите (онъ схватилъ меня за плечи), вы посмотрите только на его физію. Подумайте, (онъ прижалъ кулакъ ко лбу), вѣдь этотъ младенецъ поднимаетъ вытянутой ручонкой такую тяжесть, которая превышаетъ въ пять разъ его собственнйы вѣсъ, вѣдь это чудовищно, вѣдь это какъ

для насъ съ вами двадцать пудовъ. Ну? А между тѣмъ что выражаетъ его личико. Видите-ли вы въ немъ хотя бы малѣйшій отголосокъ борьбы, усилія или напряженія? Да отпилите вы отъ его рученки этотъ канделябръ, и, увѣряю васъ, что даже самая чувствительная кормилица, глядя на его мордашку, не сумѣетъ угадать, хочетъ-ли этотъ младенецъ спать, или онъ будетъ сейчасъ.... Ужасъ, ужасъ.

— Ну, какого тебѣ рожна опять надо, — весело закричалъ Зандеръ съ другого конца комнаты и пошелъ было, обходя кресла, въ нашу сторону, но въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Хирге. Онъ былъ въ халатѣ, прижимая руки къ груди что-то съ осторожностью несъ, и какъ только онъ вошелъ, нѣтъ, какъ только онъ отворилъ колѣнкою дверь, всѣ — Микъ, Зандеръ и Нелли, пошли ему навстрѣчу и такъ какъ онъ не остановился, то опять обратно за нимъ къ лакированному столику, гдѣ подъ висячей лампой было свѣтлѣе. Подошелъ и я.

На столикѣ уже стояла небольшая жестяная коробка, похожая на тѣ, въ которыхъ у Абрикосова продавали соломку, только меньше и короче. На ея блестящей, словно начищенной жести, кое-гдѣ виднѣлись приклеившіяся лохматки сорванной бумаги. Рядомъ лежало еще что-то вродѣ циркуля съ ниточкой, и еще тутъ же деревянная коробочка. — Ну, валяй, валяй, ждагь-то нечего, — сказалъ Микъ, — посмотри-ка на нашу красавицу, ей уже совсѣмъ невтерпежъ. И онъ кивнулъ на Нелли, которая, съ лицомъ внезапно заболѣвшаго человѣка, въ нетерпѣніи то опускалась локтями на столъ, то снова выпрямлялась, при этомъ не спуская глазъ съ Хирге, словно прицѣливалась, откуда лучше откусить: сверху или снизу. Хирге устало потеръ лобъ и, съ отвращеніемъ ворочая языкомъ и губами, сказалъ: — сегодня граммъ стоитъ семь пятьдесятъ, вамъ значитъ сколько. Послѣднія слова относились ко мнѣ и, видя, каъ Зандеръ возмущенно моргалъ мнѣ глазами, будто еще раньше разучилъ со мною роль, которую теперь, когда нужно ее произнести, я запамятовалъ, — я сказалъ,

что у меня имѣется безъ какой-то малости пятнадцать рублей. — А мнѣ одинъ граммъ, — вдругъ и совсѣмъ неожиданно сказала Нелли, и прикусила нижнюю губу до бѣлаго пятнышка. Хирге, прикрывъ глаза, въ видѣ согласія далъ чуть-чуть упасть головѣ, положилъ на бортъ стола зажженную папиросу и, нисколько не обращая вниманія на Мика, который, съ шумнымъ нетерпнѣіемъ выпыхнувъ воздухъ, зашагалъ по комнатѣ, неся (какъ кувшинъ) запрокинутыми руками свою голову, — раскрылъ жестяную коробку. — Вамъ, значитъ, два грамма, — сказалъ мнѣ Хирге, пытаясь осторожно вытащить то синее, что лежало въ жестянкѣ. — Нѣтъ, какъ же, — вмѣшался Зандеръ, останавливая его, — это вѣдь надо раздѣлить. И подрожавъ головой еще разъ: — это вѣдь надо раздѣлить. Но къ столу уже подбѣжалъ Микъ и, поднимая указательный палецъ (будто ему пришла замѣчательная мысль), радостнымъ голосомъ предложилъ раздѣлить всѣ три грамма поровну на четыре части, чтобы на каждаго пришлось бы по три четверти. Со зло опущенными глазами Нелли сказала: — нѣтъ, ужъ мнѣ цѣльный граммъ; цѣльный день за эти деньги работаешь, работаешь. Она опять прикусила губу, а глазъ не поднимала. — Хорошо, хорошо, — примирительно и злобно махнулъ на нее Микъ, — тогда сдѣлаемъ иначе. И онъ предложилъ раздѣлить мои два грамма, давъ ему и Зандеру по три четверти, мнѣ же, какъ начинающему, половину. — Вѣдь можно, да, — спросилъ онъ, ласково глядя мнѣ въ глаза. И только Зандеръ еще вмѣшался, высказавъ сомнѣніе, составляютъ-ли двѣ три четверти и одна половина — два цѣлыхъ.

Видя, что общее согласіе наконецъ достигнуто, Хирге, стоявшій до того съ опущенной головой и руками, принялъ отъ меня и отъ Нелли деньги, пересчиталъ ихъ, положилъ въ карманъ, и еще разъ отодвинувъ папиросу, чтобы она не ожгла стола, взялся за жестяную коробочку, въ которой виднѣлось что-то синее. Только теперь, когда Хирге вытащилъ это синее изъ коробки, я понялъ, что это кулекъ изъ синей бумаги, и что рядомъ съ

пустой теперь жестянкой лежать аптекарскіе вѣсы, принятые ранѣе за циркуль. Изъ жилетнаго кармана Хирге вытащилъ костяную лопатку и нѣсколько бумажекъ, сложенныхъ какъ въ аптекѣ для порошковъ. Развернувъ одну изъ нихъ, — она была пуста, — Хирге вложилъ ее въ чашечку вѣсовъ, и бросивъ на другую крошечный металическій обрѣзокъ, взятый изъ ящичка (въ немъ лежали гирьки), — приподнялъ коромысло вѣсовъ настолько, чтобы ниточки натянулись, чашечки-же вѣсовъ оставались-бы въ соприкосновеніи со столомъ. Продолжая такъ одной рукой держать вѣсы, Хирге другой рукой, въ которой была костяная лопатка, раскрылъ отверстіе пакета и опустилъ въ него лопатку. Бумага застрекотала, и я замѣтилъ, что въ синемъ кулькѣ находится вдѣтый въ него вплотную еще другой кулекъ, изъ бѣлой (она-то и застрекотала) словно-бы вощеной бумаги. На осторожно вытащенной затѣмъ костяной лопаткѣ горбикомъ лежалъ бѣлый порошокъ. Онъ былъ очень бѣлъ и сверкалъ кристаллически, напоминая нафталинъ. Хирге съ очень большой осторожностью сбросилъ порошокъ въ пакетикъ на вѣсахъ и другой рукой приподнялъ выше коромысло. Чашечка съ гирькой оказалась тяжелѣе. Тогда, не опуская приподнятыхъ надъ столомъ вѣсовъ, Хирге снова воткнулъ костяную лопатку въ синій пакетъ, но видимо это было очень неудобно и тяжело рукѣ. — Подержи-ка пакетъ, — сказалъ онъ Мику, стоявшему къ нему ближе другихъ, — и только теперь, когда онъ сказалъ эти слова, я понялъ, какая ужасная тишина была въ комнатѣ. — Э, да тутъ почти ничего нѣтъ, — сказалъ Микъ, въ то время Хирге, не отвѣчая и доставъ лопаткой еще кокаина, сбрасывалъ его съ лопатки на вѣсы тѣмъ движеніемъ ударяющаго пальца, которымъ сбрасываютъ пепелъ съ папиросы. Когда коромысло вѣсовъ выровнялось, Хирге, осторожнымъ и точнымъ движеніемъ сбросивъ обратно въ пакетъ остатокъ съ лопатки. опустилъ вѣсы, снялъ порошокъ и, закрывъ его и примявъ кокаинъ, который

тотчасъ пріобрѣлъ уплотненно сверкающую гладкость, протянулъ порошокъ Нелли.

Пока Хирге взвѣшивалъ и готовилъ слѣдующій порошокъ, (обычно онъ продавалъ готовые порошки, но Микъ еще по дорогѣ, боясь, какъ я потомъ узналъ, что Хирге подмѣшаетъ хинину, поставилъ непремѣннымъ условіемъ свое присутствіе при развѣсѣ), итакъ пока готовился слѣдующій порошокъ, я смотрѣлъ на Нелли. Она тутъ-же на столѣ раскрыла свой порошокъ, достала изъ сумочки короткую и узенькую стеклянную трубочку и концомъ ея отдѣлила крошечную кучку сразу разрыхлившагося кокаина. Затѣмъ приставила къ этой кучкѣ кокаина конецъ трубочки, склонила голову, вставила верхній конецъ трубки въ ноздрю и потянула въ себя. Отдѣленная ею кучка кокаина, несмотря на то, что стекло не соприкасалось съ кокаиномъ, а было только надставлено надъ нимъ, — исчезла. Продѣлавъ то-же съ другой ноздрей, она сложила порошокъ, вложила въ сумочку, отошла вглубь комнаты и разсѣлась въ креслѣ.

Между тѣмъ Хирге успѣлъ уже свѣшать слѣдующій порошокъ, къ которому теперь тянулся Зандеръ. — Ахъ, не закрывай ты его пожалуйста, — говорилъ онъ въ то время какъ Хирге, склоняя голову на бокъ, словно любуясь своей работой, заканчивалъ порошокъ, — ахъ, да не придавливай, не дави ты его, не надо. И трясущейся рукой принявъ изъ спокойной руки Хирге раскрытый порошокъ, Зандеръ высыпалъ на тыловую сторону ладони горку кокаина, однако-же много большую, чѣмъ это дѣлала Нелли. Затѣмъ, вытягивая свою волосатую шею такъ, чтобы оставаться надъ столомъ, Зандеръ приблизилъ къ горкѣ кокаина носъ и не соприкасая его съ порошкомъ, перекосивъ ротъ, чтобы замкнуть другую ноздрю, шумно потянулъ воздухъ. Горка съ руки исчезла. То-же самое онъ продѣлалъ и съ другой ноздрей, съ той однако разницей, что порція кокаина, предназначавшаяся для нея, была такъ ничтожно мала, что была еле замѣтна. — Только въ лѣвую ноздрю могу нюхать, — пояснилъ онъ мнѣ

съ лицомъ человѣка, который, разсказывая объ исключительности своей натуры, смягчаетъ хвастовство — видомъ недоумѣнія. При этомъ съ отвращеніемъ морщась онъ, шибко высунувъ языкъ, нѣсколько разъ облизалъ то мѣсто руки, на которое ссыпалъ кокаинъ, и, наконецъ, замѣтивъ, что изъ носа выпала на столъ пушинка, онъ склонился и лизнулъ столъ, оставивъ на лакированной поверхности мокрое, быстро сбѣгающее, матовое пятно.

Теперь и мой порошокъ былъ уже взвѣшенъ и лежалъ аккуратненько передо мною, между тѣмъ какъ Микъ, затворивъ за вышедшимъ Хирге дверь, съ большой осторожностью высыпалъ свой порошокъ въ вынутый изъ кармана крошечный стеклянный пузырекъ. Понюхавъ кокаина, (Микъ тоже нюхалъ какъ-то по своему, на иной ладъ, чѣмъ другіе, — опускалъ въ пузырекъ, въ которомъ кокаинъ игольчато облѣпилъ стѣнки, тупую сторону зубочистки и, вытащивъ на ея выгнутомъ кончикѣ пирамидку порошка, подносилъ къ ноздрѣ, ничего не просыпая), понюхавъ онъ увидалъ мой еще нетронутый пакетикъ. — А вы-то что-же не нюхаете, — спросилъ онъ меня тономъ укора и недоумѣнія, будто я читалъ газету въ фойе театра, въ то время какъ спектакль уже начался. Я объяснилъ, что собственно не знаю какъ, да и у меня и нечѣмъ. — Пойдемте, я вамъ все сдѣлаю, — сказалъ онъ совершенно такъ, словно у меня не было билета, и онъ выражалъ готовность мнѣ его дать. — Господа, — крикнулъ онъ Зандеру и Нелли, которые въ углу раскрывали ломберный столикъ и уже достали мѣлки и карты, — вы что-же тамъ, идите-же смотрѣть, тутъ вѣдь человѣка ноздревой невинности лишаютъ. Микъ раскрылъ мой порошокъ, (кокаинъ былъ въ немъ приплюснутъ, въ серединѣ лежалъ болѣе толстымъ слоемъ, по краямъ кончался волнистой линіей, и раскрытый Микомъ далъ въ толщѣ трещину и будто весь подпрыгнулъ), концомъ зубочистки набралъ въ ея выемку немного порошку и, обнявъ меня за плечи, слегка притянулъ къ себѣ. Близко передъ собой я видѣлъ теперь его лицо. Гла-

за его были горячи, влажны и блестящи, губы не раскрываясь безостановочно ходили, будто онъ сосалъ леденецъ. — Я поднесу эту понюшку къ вашей ноздрѣ и вы дернете въ себя носомъ, это все, — сказалъ Микъ, осторожно приподнимая зубочистку. И только я, почувствовалъ приблизившуюся зубочистку, хотѣлъ потянуть въ сбя воздухъ, какъ Микъ, сказавъ — эхъ, чертъ, — опустилъ ее. Она была пуста.

— Что-же ты сдѣлалъ, — разволновался Зандеръ, (онъ съ Нелли уже стояли у стола), — ты-же сдулъ. Мнѣ и на самомъ дѣлѣ было странно, что мое дыханіе, которое я даже сдерживалъ, могло снести этотъ бѣлый порошокъ, и замѣтивъ, что тужурка моя подъ подбородкомъ обсыпана, невольно, какъ это дѣлалъ съ пудрой, началъ счищать рукавомъ. — Да что-же ты дѣлаешь, сволочь, — закричалъ Зандеръ и, вскинувшись и глухо грохнувъ колѣнями о полъ, вытащилъ тамъ свой порошокъ и сталъ въ него собрать пушинки. Чувствуя, что я сдѣлалъ какую-то ужасную неловкость, я просительно посмотрѣлъ на Нелли. — Нѣтъ, нѣтъ, вы не умѣете, — тотчасъ успокоительно отвѣтила она, переняла черезъ столъ отъ Мика зубочистку, (обходя ползавшаго по полу Зандера, шепнула совсѣмъ по бабьему, всасывая въ себя воздухъ — оссподи) — и подошла ко мнѣ. — Видите-ли, миленькій мой, понимаете-ли меня, — махая зубочисткой, заговорила она немного невнятно, словно ей что сжимало зубы, — кокаинъ, или какъ мы его называемъ, кокшъ, понимаете, просто кокшъ, ну, такъ вотъ значитъ кокшъ... — Или, какъ мы его называемъ, кокаинъ, — вставилъ Микъ, но Нелли махнула на него зубочисткой. — Ну, такъ вотъ кокшъ, — продолжала она, — онъ необычайно, онъ до волшебства, легкій. Понимаете. Малѣйшаго дуновенія достаточно, чтобы его разсыпать. Поэтому, чтобы его не сдуть, вы не должны *отъ* себя дышать, или — должны заранѣе выпустить воздухъ. — Изъ легкихъ, разумѣется, — мрачно замѣтилъ Микъ. — Изъ легкихъ, — ворковала Нелли, и сразу на Мика, — ахъ, да убирайтесь вы, мѣ-

шаете только, — и снова ко мнѣ, — ну, такъ понимаете, какъ только я поднесу понюшечку, такъ вы *отъ* себя не должны дышать, а сразу въ себя тянуть. Теперь поняли, да, — сказала она, набирая на зубочистку кокаинъ.

Послушно, такъ, какъ она приказала, я не дышалъ и потомъ въ себя, какъ только почувствовалъ щекотаніе зубочистки у ноздри. — Прекрасно, — сказала Нелли, — теперь еще разъ, — и ковырнула снова зубочисткой въ порошкѣ. Отъ первой понюшки я не почувствовалъ въ носу ничего, развѣ только, да и то лишь въ мгновеніе, когда потянулъ носомъ, своеобразный, но не непріятный запахъ аптеки, тотчасъ-же улетучившійся, лишь только я вдохнулъ его въ себя. Снова почувствовавъ зубочистку у другой ноздри, я опять потянулъ въ себя носомъ, на этотъ разъ, осмѣлѣвъ, много сильнѣе. Однако, видимо, перестарался, почувствовавъ, какъ втянутый порошокъ щекочуще достигъ носоглотки и, невольно глотнувъ, я тутъ-же почувствовалъ, какъ отъ гортани отвратительная и острая горечь разливается слюной у меня во рту.

Видя на себѣ испытующій Неллинъ взглядъ, я старался не поморщиться. Ея обычно грязно голубые глаза были теперь совсѣмъ черны, и только узенькая голубая полоска огибала этотъ черный, страшно расширенный и огневой зрачекъ. Губы-же, какъ и у Мика, ходили въ безпрерывномъ, облизывающемся движеніи, и я хотѣлъ было уже спросить, что-же они такое сосутъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ Нелли, отдавъ зубочистку Мику и приведя уже въ порядокъ мой порошокъ, быстро пошла къ двери, обернувшись, сказала — я на минутку, сейчасъ вернусь, — и вышла.

Горечь во рту у меня почти совсѣмъ прошла и осталась только та промерзлость гортани и десенъ, когда на морозѣ долго дышешь широко раскрытымъ ртомъ, и когда потомъ, закрывъ его, онъ кажется еще холоднѣе отъ теплой слюны. Зубы-же были заморожены совершенно, такъ что надавливая на одинъ зубъ, чувствовалось,

какъ за нимъ безболѣзненно тянутся, словно другъ съ дружкой спаянные, всѣ остальные.

— Вы должны теперь дышать только черезъ носъ, — сказалъ мнѣ Микъ и дѣйствительно дышать стало такъ легко, будто отверстія носа расширились до чрезвычайности, а воздухъ сталъ особенно пышенъ и свѣжъ. — Э-те-те-те-те, — остановилъ меня Микъ испуганнымъ движеніемъ руки, завидя, что я досталъ платокъ. — Это вы бросьте, это нельзя, — строго сказалъ онъ. — Но если мнѣ необходимо высморкаться, — упорствомъ я. — Ну что вы такое говорите, — сказалъ онъ, выдвигая голову и прижимая ко лбу кулакъ. — Ну, какой-же дуракъ сморкается послѣ понюшки. Гдѣ-же это слыхано. Глотайте. На то вѣдь это кокаинъ, а не средство противъ насморка.

Зандеръ, между тѣмъ, держа въ рукѣ свой порошокъ, сѣлъ на кончикъ стула, посидѣлъ такъ молча, подрожалъ головой, и словно что надумалъ, пошелъ къ двери. — Послушайка, Зандеръ, — остановилъ его Микъ, — ты тамъ постучи Нелькѣ, скажи чтобъ поскорѣе. Да и самъ поторапливайся, я вѣдь тоже еще не умеръ.

Когда Зандеръ, съ какими-то странными движеніями пугливой предосторожности, притворилъ за собою дверь, я спросилъ Мика, въ чемъ дѣло и куда это они всѣ выходятъ. — Э, пустое, — отвѣтилъ онъ, (онъ говорилъ уже тоже какъ-то странно, сквозь зубы), — просто послѣ первыхъ понюшекъ портится желудокъ, но сейчасъ же проходитъ и ужъ больше до конца понюхона не дѣйствуетъ. У васъ этого еще не можетъ быть, — какъ бы успокаивая, добавилъ онъ, прислушиваясь у двери. — Я думаю, что и кокаинъ-то на меня не подѣйствуетъ, — вдругъ сказалъ я, совсѣмъ неожиданно для себя, и испытывая при этомъ отъ очищеннаго звука своего голоса такое удовольствіе и такой подъемъ, будто сказалъ что-то ужасно умное. Микъ нарочно перешелъ черезъ всю комнату, чтобы снисходительно похлопать меня по плечу. — Это вы можете разсказать вашей бабушкѣ, — сказалъ онъ. И улыбнувшись

мнѣ нехорошей улыбкой, снова пошелъ къ двери, отворилъ и вышелъ.

4.

Теперь въ комнатѣ никого нѣтъ, и я подхожу и сажусь у камина. Я сажусь у черной и рѣшетчатой дыры камина и совершаю внутри себя работу, которую дѣлалъ бы всякій на моемъ мѣстѣ и въ моемъ положеніи: я напрягаю свое сознаніе, заставляя его наблюдать за измѣненіями въ моихъ ощущеніяхъ. Это самозащита: она необходима для возстановленія плотины между внутренней ощущаемостью и ея наружнымъ проявленіемъ.

Микъ, Нелли и Зандеръ возвращаются въ комнату. Я развертываю на ручкѣ кресла свой порошокъ, прошу у Мика зубочистку, внюхиваю еще двѣ понюшки. Дѣлаю я это, конечно, не для себя, а для *нихъ*. Бумажка хруститъ, кокаинъ на каждомъ хрустѣ подпрыгиваетъ, но я продѣлываю все и ничего не просыпаю. Легкій, радостный налетъ, который я при этомъ чувствую, я воспринимаю, какъ слѣдствіе моей ловкости.

Я разваливаюсь въ креслѣ. Мнѣ хорошо. Внутри меня наблюдающій лучъ внимательно свѣтитъ въ мои ощущенія. Я жду въ нихъ взрыва, жду молній, какъ слѣдствіе принятаго наркоза, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше убѣждаюсь, что никакого взрыва, никакихъ молній нѣтъ и не будетъ. Кокаинъ значитъ и вправду на меня не дѣйствуетъ. И отъ сознанія безсилія передо мною такого шибкаго яда, радость моя, а вмѣстѣ съ ней сознаніе исключительности моей личности, все больше крѣпнетъ и растетъ.

Въ глубинѣ комнаты Зандеръ и Нелли сидятъ за ломбернымъ столомъ, бросаютъ другъ другу карты. Вотъ Микъ хлопаетъ по карманамъ, находитъ спички, зажигаетъ въ высокомъ подсвѣчникѣ свѣчу. Любовно я смотрю, съ какой бережнстью онъ закругленной ладонью закрываетъ свѣчу, несетъ ея пламя на своемъ лицѣ.

А мнѣ становится все лучше, все радостнѣе. Я уже

чувствую, какъ радость моя своей нѣжной головкой вползаетъ въ мое горло, щекочетъ его. Отъ радости (я слегка задыхаюсь) мнѣ становится невмоготу, я уже долженъ отплеснуть отъ нея хотя немножко, и мнѣ ужасно хочется что-нибудь поразсказать этимъ маленькимъ бѣднымъ людишкамъ.

Это ничего, что всѣ шикаютъ, машутъ руками, требуютъ, чтобы я (какъ было еще раньше строжайше между всѣми обусловлено) молчалъ. Это ничего, потому что я на нихъ не въ обидѣ. На мигъ, только на коротенькій мигъ я испытываю какъ бы *ожиданіе* чувства обиды. Но и это ожиданіе обиды, какъ и удивленіе тому, что никакой обиды не чувствую, — все это уже не переживанія, а какъ бы теоретичскіе выводы о томъ, *какъ* мои чувства должны были бы на такія событія отвѣчать. Радость во мнѣ уже настолько сильна, что проходитъ неповрежденной сквозь всякое оскорбленіе: какъ облако, ее нельзя поцарапать даже самымъ острымъ ножемъ.

Микъ беретъ аккордъ. Я дергаюсь. Только теперь я ловлю себя на томъ, какъ напряжено мое тѣло. Въ креслѣ я сижу, не откинувшись, и желудочные мускулы непріятно напряжены. Я опускаюсь на спинку кресла, но это не помогаетъ. Мышцы распускаются. Помимо воли я сижу въ этомъ удобномъ мягкомъ креслѣ въ такой натянутой напряженности, будто вотъ-вотъ оно должно подо мной подломиться и рухнуть.

На піанино свѣча горитъ надъ Микомъ. Языкъ пламени колышется, — и въ обратномъ направленіи у Мика подъ носомъ качается усатая тѣнь. Микъ еще разъ беретъ аккордъ, потомъ повторяетъ его совсѣмъ тихо: мнѣ кажется, онъ уплываетъ вмѣстѣ съ комнатой.

А ну, *теперь* скажи, что такое музыка, — шепчутъ мои губы. Подъ горломъ вся радость собирается въ истерическій, прыгающій комокъ. — Музыка — это есть одновременное звуковое изображеніе чувства движенія и движенія чувства. — Мои губы безчисленное количество разъ по-

вторяютъ, вышептываютъ эти слова. Я все больше, все глубже вступаю въ ихъ смыслъ и изнываю отъ восторга.

Я пытаюсь вздохнуть, но настолько шибко весь я натянутъ, весь напряженъ, что, потянувъ въ себя воздухъ глубже — вдыхаю и выдыхаю его коротенькими рывками. Я хочу снять съ ручки кресла порошокъ и понюхать, но хотя я натуживаю всю силу воли и приказываю рукамъ двигаться быстро, руки не слушаются, движутся туго, медленно, въ какой-то пугливой окаменѣлости сдерживаемые боязнью разбить, разсыпать, опрокинуть.

Уже долго я сижу, съ ногой на ногу, слегка на одномъ боку. И нога и бокъ, на которыхъ я сижу всей тяжестью, устали, мурашечно затекли, желаютъ смѣны. Я натуживаю свою волю, хочу сдвинуться, повернуться, сѣсть иначе, сѣсть на другой бокъ, но тѣло пугливо, мерзло, сковано, словно и ему достаточно только сдвинуться и все загрохочетъ, упадетъ. Желанiе разорвать, нарушить эту пугливую окаменѣлость, и одновременная неспособность это сдѣлать рождаютъ во мнѣ раздраженiе. Но и раздраженiе это безмолвное, глубоко нутряное, ничѣмъ неразрядимое и потому все растущее.

— А Вадимъ-то нашъ уже совсѣмъ занюханъ. — Это говоритъ Микъ. Потомъ проходитъ какой-то промежутокъ времени, въ теченiе котораго, я знаю, всѣ на меня смотрятъ. Я сижу окаменѣло ,не поворачивая головы. Въ шеѣ у меня все то же чувство: если поверну голову, такъ опрокину комнату. — И вовсе онъ не занюханъ. Просто у него реакцiя и ему надо дать скорѣй понюшку. — Это говоритъ Нелли.

Микъ приближается. Я слышу, какъ надъ моимъ ухомъ онъ разворачиваетъ порошокъ, но я не смотрю туда. Я отворачиваю, опускаю глаза, дѣлаю все — только бы онъ ихъ не видѣлъ. Я боюсь показать свои глаза. Это новое чувство. Въ этой боязни показать глаза не стыдливость, не застѣнчивость, нѣтъ, —это боязнь униженiя, позора и еще чего-то совсѣмъ ужаснаго, что въ нихъ сейчасъ от-

крыто. Я чувствую зубочистку у ноздри и тяну. Потомъ еще разъ.

Я хочу сказать спасибо, но голосъ застрялъ. — Благодарю васъ, — говорю я, наконецъ, но до того, какъ сказать эти слова, крѣпко кашляю, кашлемъ достаю голосъ. Но это не мой голосъ. Это что-то глухое, радостно трудное, сквозь сжатые зубы.

Микъ все еще стоитъ подлѣ. — Быть можетъ, вамъ что-нибудь нужно, — спрашиваетъ онъ. Я киваю головой, чувствую, что движенія уже легче, развязаннѣе. Глухого раздраженія уже нѣтъ, есть свѣжій налетъ радости.

Микъ беретъ меня за руку, я встаю, иду. Сперва это немного трудно. Въ ногахъ у меня боязнь поскользнуться, опрокинуться, какъ у очень иззябшаго человѣка, ступившаго на скользкій ледъ. Въ корридорѣ меня сразу шибко зазнобило.

По дорогѣ въ уборную въ корридорѣ сильный запахъ капусты и еще чего-то съѣдобнаго. При воспоминаніи о ѣдѣ я испытываю отвращеніе, но отвращеніе это особое. Меня воротитъ отъ ѣды, не отъ сытости, а отъ душевной потрясенности. Мое горло кажется мнѣ такимъ стянуымъ и нѣжнымъ, что даже маленькій кусокъ пищи долженъ застрять въ немъ или порвать его.

На піанино у Мика стоитъ стаканъ воды. — Выпейте, — говоритъ онъ тоже сквозь зубы и тоже прячетъ глаза, — будетъ еще лучше. Я натуживаюсь, я хочу быстроты, но рука моя медленно - медленно и какъ-то пугливо округло тянется къ стакану. Языкъ и небо такъ черствы и сухи, что вода совсѣмъ ихъ не мочитъ, только холодитъ. Въ моментъ глотка я и къ водѣ чувствую отвращеніе, пью, какъ лѣкарство. — Само лучшее это черное кофе, говоритъ Микъ, — но его нѣтъ. Курите, это тоже хорошо. — Я закуриваю.

Каждый разъ, когда я подношу папиросу къ губамъ, я ловлю свои губы въ безпрестанномъ, сосущемъ движеніи. Имъ, этимъ сосущимъ движеніемъ, выбрасывается непереносимый излишекъ моего наслажденія. Я знаю, что при

необходимости могъ бы сдержаться, но это было бы такъ же неестественно, какъ во время быстраго бѣга держать руки по швамъ.

Отъ воды-ли, отъ папиросы, или отъ новыхъ понюшекъ уже кончающагося кокаина, но я чувствую, что мое боязливое, оледенѣлое и расшатанно двигающееся, какъ бы чего не опрокинуть и не повалить, тѣло, — что иззябшія ноги, нащупывающія полъ словно по льду, — что все мое странное, похожее на болѣзнь, состояніе, — что все это только жалкая оболочка, въ которую влито тихо буйствующее ликованіе.

Я иду къ столу. Пока я дѣлаю шагъ, пока сгибаю въ колѣнѣ и снова въ тугой боязни ставлю ногу, мнѣ мое движеніе кажется столь мучающе длительнымъ, будто оно никогда не закончится. Но когда шагъ уже сдѣланъ, когда движеніе уже закончено, то оно, — это свершившееся движеніе, кажется мнѣ въ моемъ воспоминаніи столь призрачно мгновеннымъ, словно ни его, ни сопровождавшихъ его усилій, совсѣмъ и не было. И я уже знаю: въ этой мучающей длинности свершаемаго, и въ этомъ призрачномъ пропаданіи уже свершившагося, — въ этой больной двойственности проходитъ вся эта ночь.

Долгимъ и некончающимся кажется мнѣ это одѣваніе, это дрожащее влѣзаніе въ рукава моей шинели, послѣ того какъ я, срывающимся отъ ликованія голосомъ, предлагаю Мику поѣхать вмѣстѣ ко мнѣ домой, взять тамъ цѣнную вещь и вымѣнять на новые порошки. Но вотъ уже шубы одѣты, и мы въ коридорѣ и будто и не было этихъ трудныхъ усилій, затраченныхъ на одѣваніе. Долгимъ и мучающе некончающимся кажется это гибельное схожденіе съ лѣстницы, словно покрытой скользкимъ льдомъ, на которой ноги мои едва сдерживаются, чтобы не поскользнуться, и въ то же время дергающе торопятся, будто позади ихъ грозится укусить собака. Но вотъ мы уже внизу, и будто и не было ни этихъ усилій, мучающихъ и дрожащихъ, ни этой лѣстницы, — словно мы изъ комнаты

прямикомъ вышли на улицу. Долгими и некончающимися кажутся и эта ѣзда по пустому, визжащему отъ мороза городу, и этотъ ломающій спину ознобъ, и эти лохмотья пара, и эта золотая проволока фонарей, мокро вьющаяся въ слезящихся глазахъ и отпрыгивающая, когда моргаю. Но вотъ мы уже у воротъ и будто ничего этого и не было, словно изъ комнаты Хирге я прямикомъ вошелъ въ эти ворота. Долгимъ и некончающимся кажется мнѣ это дрожаніе въ морозѣ передъ сверкающей зеленой луной дверью, пока вспыхиваетъ за нею желтый свѣтъ съ сонно чухающимся Матвѣемъ, это восхожденіе по лѣстницѣ, это отмыканіе квартиры, это прокрадываніе по черной передней и столовой въ тихую спальню матери, и это сладостное дрожаніе при этомъ любви къ матери, такой любви, такой любви, какой никогда и не зналъ и не чувствовалъ, и въ такой радости, въ такомъ обожаніи, будто и крадусь-то я только за тѣмъ, чтобы сдѣлать ей, — мамѣ, что-то доброе, хорошее, спасительное. Безконечнымъ кажется это подкрадываніе къ зеркальному бѣльевому шкапу, который, чтобы онъ не скрипѣлъ, я раскрываю не медленно, не осторожно (отъ этого онъ скрипитъ еще больше), — а рывкомъ, сразу, такъ что въ распахнутую зеркальную дверцу влетаетъ спящая голова матери подъ лампадой и потомъ качается. Безконечнымъ, мучающимъ, некончающимся, а подъ конецъ призрачнымъ и словно небывшимъ кажется все: и поиски въ бѣльѣ съ запахомъ дешевой карамели, и нахожденіе броши, и возвращеніе обратно по лѣстницѣ, которая опять изъ скользкаго льда, и сзади угроза собаки, и прохожденіе мимо Матвѣя, который будто нарочно старается заглянуть въ мои страшные глаза, и странно трудное шаганіе по длинному заснѣженному двору (я только у саней замѣчаю, что все еще иду на цыпочкахъ), и влѣзаніе въ сани въ дрожащей пугливости, что они дернутъ, и я сяду мимо, и возвращеніе обратно сюда, въ эту нагрѣтую тишину комнаты.

Въ затылкѣ у меня чувство закованной сжатости. Глаза моргающе напряжены, какъ при быстрой ходьбѣ въ

темнотѣ, когда мучаетъ ожиданіе наткнуться на что-то острое. Ни частое морганіе, ни ясная видимость предметовъ, не облегчаютъ. Я закрываю глаза, но ихъ напряженность перенимаютъ вѣки: они ноютъ, словно ждутъ удара.

Я стою у стола. Чѣмъ дольше я стою, тѣмъ шибче каменѣю, тѣмъ труднѣе мнѣ сдернуть себя съ мѣста. Въ эту кокаинную ночь все мое тѣло то каменѣетъ въ неподвижности, и мнѣ трудно сдернуться, то устремляется къ дергающемуся движенію, и тогда мнѣ трудно остановиться: по улицѣ съ Микомъ трудны были только первые шаги, но потомъ все во мнѣ дергающе заходило, ноги зашагали электрически, и безумно, безумно росло глухое раздраженіе, когда впреди случался прохожій; обойти боюсь, то-ли опрокину прохожаго, то-ли задѣну за домъ и опрокинусь самъ, — а пріутишить шаги не въ моей власти.

Вотъ въ комнату входитъ Микъ. Въ рукахъ у него новые порошки кокаина, и онъ странными движеніями прикрываетъ дверь, точно она можетъ на него свалиться. Верхняя лампа потушена. Въ комнатѣ почти мракъ. Въ осеннемъ качающемъ свѣтѣ свѣчи, между портьерой и шкапомъ втиснулись Нелли и Зандеръ. Ихъ головы на вытянутыхъ, вслушивающихся шеяхъ. У Нелли кривая шея, ея голова вытянута вбокъ, и кажется какъ разъ съ этой стороны движутся на насъ грозные шорохи ночной квартиры. Глаза безумно стоятъ. Въ комнатѣ все останавливается, у всѣхъ движутся только губы. — Тиштиштиштиш, — быстрымъ, сливающимся шопотомъ высвистываетъ Нелли. — Кто-то идетъ, — шепчетъ Зандеръ, — кто то идетъ сюда, — шопотомъ выкрикиваетъ онъ и голова его безостановочно трясется. И я уже зараженъ. Я уже тоже боюсь. Я уже тоже не могу вообразить ничего болѣе страшнаго, какъ именно то, что сюда, въ эту тихую, темную комнату придетъ шумный, бодрый и дневной человѣкъ и увидитъ наши глаза и всѣхъ насъ въ этакомъ состояніи. И я чувствую: достаточно сейчасъ выстрѣлить, пронзительно закричать или дико залаять — и нѣжная ниточка, на которой держится мой тихо бушующій мозгъ, — порвется.

Сейчасъ, въ этой ночной тишинѣ, я особенно боюсь за эту ниточку.

Я сижу въ креслѣ. Голова моя такъ напряжена, что мнѣ кажется, будто она колышется. Мое тѣло захолодало, застыло, словно отпало отъ головы: чтобы почувствовать ногу или руку, я долженъ двинуть ими.

Вокругъ меня люди. Много, очень много людей. Но это не галлюцинація: я вижу этихъ людей не внѣ, а внутри себя. Здѣсь студенты, учащіяся женщины и другіе, но все какіе-то странные: кривые, косые, безносые, волосатые, бородатые. — Ахъ, профессоръ, — восторженно кричитъ курсистка (профессоръ это я) — ахъ, профессоръ, пожалуйста, сегодня о спортѣ. Она объ одномъ глазу и протягиваетъ мнѣ издали руки. Кривые, косые, бородатые, волосатые, все такіе, которымъ нельзя и страшно раздѣться, — вопятъ: — да, профессоръ, да, о спортѣ — да, про спортъ — дайте опредѣленіе, что такое спортъ. Я небрежно улыбаюсь и кривые, косые, бородатые, волосатые круто стихаютъ. — Спортъ, господа, это есть затрата физической энергіи въ непремѣнныхъ условіяхъ взаимнаго соревнованія и совершенной непроизводительности. Безрукіе, кривые, косые дико орутъ — «дальше» — «еще-еще» — «дальше». Ученая женщина объ одномъ глазу локтями бьетъ по мордамъ, приговариваетъ — простите, коллега, — и продирается къ моей кафедрѣ. Я поднимаю руку. Тишина. — Для насъ, господа, — шепчу я, — важенъ не спортъ, не его сущность, а степень его воздѣйствія, его вліяніе на общество, и даже, если угодно, на государство. Вотъ почему, въ ознаменованіе намѣченной темы, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ, относящихся не къ спорту, а къ спортсменамъ. Не думайте, что я имѣю въ виду только спортсменовъ профессіоналовъ, такихъ, которые берутъ деньги за свои выступленія и отъ этого живутъ. Нѣтъ. Вѣдь важно не только *отъ* чего, но *во имя чего* живетъ человѣкъ. Поэтому подъ спортсменами, о которыхъ я говорю, я разумѣю рѣшительно всѣхъ намъ извѣстныхъ, независимо отъ того, является-ли для нихъ спортъ профес-

сіей или призваніемъ, средствомъ къ существованію или цѣлью ихъ жизни. Достаточно только обратить вниманіе на все растущую популярность такихъ спортсменовъ, чтобы признать, что уже не просто успѣхъ, а уже истинное обожаніе этихъ людей захватываетъ все большіе круги общества. Объ этихъ людяхъ пишутъ газеты, ихъ лица фотографируются, — (при чемъ здѣсь лицо), — появляются въ журналахъ, и, кажется, уже очень немногаго недостаетъ чтобы люди эти стали національною гордостью. Можно еще понять, если нація гордится своими Бетховенами, Вольтерами, Толстыми — (хоть и то, причемъ здѣсь нація), — но чтобы нація гордилась тѣмъ, что ляжки у Ивана Цыбулькина здоровѣе, чѣмъ у Ганса Мюллера, — не кажется-ли вамъ, господа, что подобная гордость свидѣтельствуетъ не столько о силѣ и здоровьи Цыбулькина, сколько о немощи и болѣзни націи. Вѣдь если Иванъ Цыбулькнъ имѣетъ успѣхъ, — то ясно, что каждый, кто этому Ивану съ такимъ подозрительнымъ обожаніемъ апплодируетъ, уже одними своими хлопками всенародно заявляетъ свою восторженную готовность помѣняться своей жизненной ролью съ тѣмъ, къ кому относятся его апплодисменты, и что чѣмъ больше такихъ апплодирующихъ людей, тѣмъ ближе ведетъ все это къ повороту въ общественномъ мнѣніи, и тѣмъ самымъ во всей націи, которая выберетъ своимъ идеаломъ и захочетъ стать Иваномъ Цыбулькинымъ, единственной и общепризнанной заслугой котораго будутъ его ужасно здоровыя ляжки.

Безчисленное множество разъ шепчу я эти слова. И мнѣ хочется сдержать эту ночь, мнѣ такъ хорошо и такъ ясно во мнѣ, я такъ непомѣрно влюбленъ въ эту жизнь, мнѣ хочется все замедлить, долго откусывать обожаніе аждой секунды, но ужъ ничто не останавливается, и вся эта ночь неудержимо и быстро уходитъ.

Сквозь щели портьеръ я вижу разсвѣтъ. Подъ глазами и въ скулахъ пустота и тяжесть. Все какъ-то грузно останавливается вокругъ меня и во мнѣ. Въ носу все жадно раскрыто, тоскующе пусто до самаго горла, и дыханіе боль-

но царапаетъ — не то воздухъ слишкомъ жестокъ, не то внутренность носа стала слишкомъ нѣжна. Я пытаюсь отогнать эту все тяжче наваливающуюся на меня *тоску*, я пытаюсь вернуть мои мысли, мои восторги и восторги бородатыхъ слушателей, но въ памяти моей возникаетъ вся эта ночь, и мнѣ дѣлается такъ стыдно, такъ срамно, что впервые правдиво и искренно я чувствую, что не хочу больше жить.

На столѣ, гдѣ разбросаны игральныя карты, я начинаю искать пакетъ съ кокаиномъ. Всѣ карты лежатъ рубашками вверхъ. Осторожно я раздвигаю ихъ, опрокидываю одну, начинаю разбрасывать, наконецъ, безсмысленно рвать, отъ отсутствія кокаина испытывая все большій ужасъ отъ этой страшной тоски. Но кокаина, конечно, нѣтъ. Его унесли Микъ и Зандеръ. Въ комнатѣ никого нѣтъ. Я не сажусь, я падаю на диванъ. Пригнутый я страшно дышу, — вдыхая, поднимаюсь, выдыхая опадаю, словно этимъ вонзающимся столбомъ воздуха могу остудить огонь отчаянія. И только хитрый бѣсенокъ въ дальнемъ и глубокомъ тайничкѣ моего сознанія тотъ самый, который продолжаетъ свѣтить и не тухнетъ даже при самомъ страшномъ ураганѣ чувствъ — только этотъ хитрый бѣсенокъ говоритъ мнѣ о томъ, что надо смириться, что не надо думать о кокаинѣ, что думая о немъ и въ особенности о возможности его наличія здѣсь въ комнатѣ, я еще только больше раздразниваю, только еще ужаснѣе мучаю себя.

Въ страшной, въ никогда еще небывалой тоскѣ, я закрываю глаза. И медленно и плавно комната начинаетъ поворачиваться и падать однимъ угломъ. Уголъ опускется глубже, проползаетъ подо мной, лѣзетъ позади меня вверхъ, появляется надо мной и снова, но уже стремительно падаетъ. Я раскрываю глаза, комната вонзается на мѣсто, сохранивъ свое круженіе въ моей головѣ. Шея не держитъ, голова моя обваливается на грудь, повертываетъ комнату вверхъ ногами. — Что они сдѣлали, что они сдѣлали со мной, — шепчу я и потомъ, безсмысленно помолчавъ, еще говорю: — что жъ, я пропалъ. Но уже хитрый бѣсе-

нокъ, тотъ самый, который — (если только къ нему прислушаться) — даже самыя радостныя чувства отравляетъ сомнѣніемъ, — а самое ужасное отчаяніе облегчаетъ надеждой, —этотъ хитрый, ни во что не вѣрящій бѣсенокъ мнѣ говорилъ: — всѣ твои слова это театръ, все это только театръ; пропасть ты не пропалъ, а ежели тебѣ худо, такъ одѣвайся и иди на воздухъ; здѣсь тебѣ сидѣть нечего.

5.

На улицѣ было еще сумеречно. Небо, грязно малиновое, висѣло низко. Меня обогналъ трамвай, — сквозь его заснѣженныя стекла расплющенными апельсинами просвѣчивало горѣвшее въ вагонѣ электричство. Позади трамвая опавшая сѣтка бороздила и бѣлой струей снѣга била верхъ. Мнѣ представилось, какъ въ вагонѣ, звонко потрескивающемъ отъ мороза, гдѣ кисло пахнетъ мокрымъ сукномъ, тѣсно сидятъ и стоятъ люди и опыхиваютъ другъ друга густыми парами своего утренняго, гнилью пахнущаго дыханія. Впереди меня шелъ старикъ съ палкой. Онъ часто останавливался, подпирался палкой въ животъ и подолгу и хрипло харкалъ. Глаза его, когда онъ останавливался и кашлялъ, смотрѣли на снѣгъ такъ, словно видѣли тамъ нѣчто ужасное. И каждый разъ, когда онъ выхаркивалъ зеленое, — мое горло дѣлало глотокъ, и мнѣ представлялось, что глотаю я то самое, что онъ сплевываетъ. Никогда не думалось мнѣ, что человѣкъ, что всѣ люди могли бы внушать такое непомѣрное отвращеніе, какъ я это чувствовалъ въ это утро.

На углу вѣтеръ трепыхалъ афишей на театральномъ столбѣ. Когда я вошелъ въ его полосу, то мимо гремѣвшаго цѣпями грузовика — черезъ улицу перебѣжала дѣвочка. На другой сторонѣ тротуара мать видимо закаменѣла въ страхѣ, но когда ребенокъ невредимо добѣжалъ до нея, то она больно схватила его за руку и тутъ же побила. Сдѣлавъ глаза щелками и ротъ четыреугольникомъ — ребенокъ ревѣлъ. Все было ясно: мать скверно мститъ своему

ребенку за тотъ страхъ, который она по его винѣ перечувствовала. Но если таково то лучшее, чѣмъ хвастается человѣкъ, — мать, то каковы же остальные люди.

На улицѣ посвѣтлѣло и уже стало утро, когда я вошелъ къ себѣ во дворъ. На доржкѣ былъ свѣже посыпанъ яркій желтый песочекъ, на которомъ чьи-то новыя калоши вдавили оспенные слѣды. Садикъ для господъ былъ запущенъ и грязенъ. Отъ сброшеннаго туда со всего двора снѣга онъ приподнялся надъ дворомъ и въ немъ укоротились деревья. Въ снѣгу этомъ безпорядочно лежали мокрыя черныя доски и только съ трудомъ можно было признать въ нихъ, затонувшія въ сугробахъ, сидѣнья скамеекъ.

Матвѣй чистилъ мѣломъ дверную ручку, свободной рукой дергая совершенно такъ же, какъ и той, что совершалъ работу, но когда я приблизился, — зазвонилъ телефонъ, и онъ сбѣжалъ въ будку. Я поднялся по лѣстницѣ и отперъ дверь. Бросивъ фуражку на подставку висячаго зеркала, которое закачало обѣденный столъ съ неубраннымъ съ вечера самоваромъ, — стараясь ступать тише, я прошелъ по корридору и вошелъ къ себѣ въ комнату.

Въ первое мгновеніе меня удивило, что у окна еще горитъ лампа, и я даже попытался припомнить — когда же я ее забылъ потушить. Но уже изъ кресла, руками тяжко опираясь на ручки, мнѣ навстрѣчу поднялась моя мать. Глядя мнѣ пристально въ глаза, она медленно приближалась. Я посмотрѣлъ въ ея глаза и сразу вокругъ меня стало ужасно тихо. Въ кухнѣ, лопающимися струнами, капалъ водопроводъ. — Воръ, — едва шевельнувъ губами на желтомъ личикѣ, сказала мать. Она сказала это страшное слово отчетливымъ шопотомъ и даже не зажмурилась, когда, — подчиняясь какой-то внѣшней необходимости дѣйствій, одновременно выполняя и ужасаясь ею, — я размахнулся и ударилъ ее по лицу. — Мой сынъ воръ, — спокойно и горестно, словно разсуждала сама съ собой, прошептала мать, и страшно тряся сѣдой своей головой и помедливъ,

точно ожидая, не ударю-ли я еще разъ, медленно съ жалко висящими плечами и руками, пошла къ двери.

Подъ каменнымъ подоконникомъ въ трубахъ отопленія что-то щелкало, шипѣло, лилось. Оттуда шла душная теплота. На столѣ, не давая свѣта, въ лампѣ желто тлѣла проволока. Носъ мой запухъ, не пропускалъ дыханія. А за окномъ сосѣдній домъ началъ морщиться; его труба оторвалась и мокро расползалась въ металлическихъ небесахъ. Но я не старался сморгнуть заливавшія глаза слезы.

6.

Черезъ полчаса я подходилъ къ дому, гдѣ жилъ Ягъ. У подъѣзда стоялъ извозчикъ, нагруженный чемоданами. Рядомъ, одѣтый по дорожному, суетился Ягъ со своей «испанкой». Завидя меня и путаясь въ огромной своей дохѣ, онъ подбѣжалъ мнѣ навстрѣчу и обнялъ меня. Въ двухъ словахъ я разсказалъ, что дома у меня случилась непріятность, что я, можно сказать, остался безъ крова, и Ягъ съ бодрой возбужденностью человѣка, торопящагося въ отъѣздъ, даже не давъ мнѣ досказать до конца, и восклицая, что это прекрасно, и даже, вотъ истинный Господь, очень даже кстати предложилъ мнѣ немедленно же поселиться въ его комнатѣ.

Крѣпко схвативъ мою руку, онъ потащилъ меня въ домъ, на ходу буркнулъ выносившей баулъ горничной, что всѣ три мѣсяца, которые онъ пробудетъ въ Казани, въ его комнатѣ буду жить я, — все также бѣгомъ протащилъ меня по лѣстницѣ и потомъ сквозь залу до своихъ дверей, вставилъ ключъ, съ сердитымъ видомъ сунулъ мнѣ въ руку пачку денегъ, повторяя при этомъ ни-ни-ни, и еще разъ поспѣшно обнявъ меня и извинившись, что боится опоздать на поѣздъ, махнувъ рукой убѣжалъ.

Оставшись одинъ и отперевъ дверь, я со страннымъ чувствомъ вошелъ въ свое новое жилище. Все произошло слишкомъ быстро и отъ безсонной ночи меня гадко мутило. Въ комнатѣ былъ безпорядокъ, какая-то покинутость

и тоска отъѣзда. На столѣ стояли грязныя тарелки, остатки ужина и куски хлѣба. Я отломилъ кусочекъ, но лишь только почувствовалъ его во рту, какъ тутъ же, не разжевавъ, проглотилъ, ощутивъ небывалую пустоту и дергающую воздушность въ скулахъ. Впервые узнавая, что значитъ голодъ послѣ кокаина, я сталъ жадно ѣсть, руками обрывая сальное мясо, — обморочно дрожа рукой и шеей, напихивая ротъ, проглатывая снова, набивалъ, испытывая желанiе рычать и въ то же время чувствуя нервный хохотокъ надъ этимъ желанiемъ. А когда съѣвъ все и сразу сонно отяжелѣвъ, хотя могъ еще съѣсть много, доплелся до дивана и легъ, то тотчасъ въ протянутыхъ ногахъ что-то мягко, недвижно задергало. И приснилось мнѣ, какъ моя бѣдная старая мать, въ рваной шубенкѣ шагаетъ по городу и мутными и страшными глазами ищетъ меня.

МЫСЛИ

1.

Выспавшись, я уже на слѣдующее утро снова поѣхалъ къ Хиргe, купилъ у него полтора грамма кокаина, и такъ это пошло дальше, — изо дня въ день. Но невольно, лишь только записалъ я сейчасъ всѣ эти слова, какъ тотчасъ, съ чрезвычаной явственностью, мнѣ представилась презрительная улыбка на лицѣ того, въ чьи руки попадутъ эти мои печальныя записки.

Въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что эти самыя слова, или, вѣрнѣе, мои поступки, которые должны характеризовать силу кокаина, — для каждаго нормальнаго человѣка, съ гораздо большей вѣроятностью, будутъ характеризовать только мою собственную слабость, и, такимъ образомъ, ужъ непремѣнно возбудятъ отчужденіе; обидное, презрительное отчужденіе, возникающее даже въ самомъ чуткомъ слушателѣ, лишь только онъ начинаетъ сознавать, что то самое стеченіе обстоятельствъ, которое погубило жизнь разсказчика, ни въ какой мѣрѣ (случись съ нимъ, со слушателемъ, нѣчто подобное) не могло бы испортить или измѣнить его собственную жизнь.

Все это я говорю, исходя изъ того, что точно такое же презрительное отчужденіе почувствовалъ бы я самъ, не случись со мной этой первой кокаинной пробы, и что только теперь, вступивъ на дорогу моей гибели, я знаю, что подобное презрѣніе возникло бы во мнѣ не столько вслѣдствіе возвеличенія мною моей личности, сколько по

причинѣ недооцѣнки силы кокаина. Итакъ — сила кокаина. Но въ чемъ, въ чемъ же выражается эта сила?

2.

За долгія ночи и долгіе дни подъ кокаиномъ въ ягиной комнатѣ, мнѣ пришла мысль о томъ, что *для человѣка важны не событія въ окружающей его жизни, а лишь отражаемость этихъ событій въ его сознаніи*. Пусть событія *измѣнились*, но, поскольку ихъ измѣненіе *не отразилось въ сознаніи*, такая ихъ перемѣна есть *нуль*, — совершеннѣшее *ничто*. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, отражая въ себѣ событіе своего обогащенія, продолжаетъ чувствовать себя богачемъ, если онъ еще не знаетъ, что банкъ, хранящій его капиталы, уже лопнулъ. Такъ, человѣкъ, отражая въ себѣ жизнь своего ребенка, продолжаетъ быть отцемъ, разъ до него не дошла еще вѣсть, что ребенокъ задавленъ и уже умеръ. Человѣкъ живетъ, такимъ образомъ, не событіями внѣшняго міра, а лишь *отражаемостью* этихъ событій въ своемъ сознаніи.

Вся жизнь человѣка, вся его работа, его поступки, воля, физическая и мозговая силы, все это напрягается и тратится безъ счета и безъ мѣры только на то, чтобы свершить во внѣшнемъ мірѣ нѣкое событіе, но не ради этого событія какъ таковаго, а единственно для того, *чтобы ощутить отраженіе этого событія въ своемъ сознаніи*. И если ко всему этому добавить еще, что въ этихъ стремленіяхъ человѣкъ добивается свершенія лишь такихъ событій, которыя, *будучи отражены въ его сознаніи, вызовутъ въ немъ ощущеніе радости и счастья*, — то непосредственно обнажается весь механизмъ, двигающій въ жизни рѣшительно каждымъ человѣкомъ, совершенно независимо отъ того — дуренъ и жестокъ, или хорошъ и добръ этотъ человѣкъ.

Иначе говоря, если одинъ человѣкъ стремится свергнуть царское, а другой революціонное правительство, если одинъ желаетъ обогащаться, а другой раздать свои

богатства бѣднымъ, то всѣ эти противорѣчивыя устремленія свидѣтельствуютъ лишь о разнообразіи *рода* человѣческой дѣятельности, который въ лучшемъ случаѣ (да и то не всегда) могъ бы служить въ видѣ характеристики каждой личности въ отдѣльности; *причина*-же человѣческой дѣятельности, какъ бы эта дѣятельность ни была разнообразна, *всегда одинакова:* потребность свершенія во внѣшнемъ мірѣ *такихъ событій*, которыя, *будучи отражены въ сознаніи, вызовутъ ощущеніе счастья.*

Такъ было и въ моей маленькой жизни. Дорога ко внѣшнему событію была намѣчена: я желалъ стать знаменитымъ адвокатомъ и богачемъ. Казалось, мнѣ бы оставалось только идти и идти по этой дорогѣ, тѣмъ болѣе, что многое (какъ я себя въ этомъ уговаривалъ) весьма благопріятствовало мнѣ. Но странно. Чѣмъ дольше я пробивался по пути къ завѣтной цѣли, тѣмъ чаще случалось такъ, что въ темной комнатѣ я ложился на диванъ, и *сразу* воображалъ себя всѣмъ тѣмъ, чѣмъ желалъ стать, инстинктомъ лѣни и мечтательности познавая, что осуществленіе всѣхъ этихъ внѣшнихъ событій не стоитъ такого громаднаго количества времени и труда, не стоитъ хотя-бы уже потому, что *ощущеніе счастья было бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе и неожиданнѣе свершились бы вызывающія его событія.*

Но такова была уже сила привычки, что даже въ мечтахъ о счастьи, я прежде всего думалъ не объ *ощущеніи* счастья, а о такомъ *событіи*, которое (свершись оно), вызоветъ во мнѣ это ощущеніе, не будучи въ силахъ отдѣлить эти два элемента другъ отъ друга. Даже въ мечтахъ я принужденъ былъ прежде всего вообразить себѣ какое-нибудь замѣчательное *событіе* въ моей будущей жизни, и лишь затѣмъ, картиной этого *событія*, получалъ возможность радостно будоражить въ себѣ *ощущеніе* счастья.

Все дѣло заключалось въ томъ, что до моего знакомства съ кокаиномъ я ошибочно полагалъ, будто *счастье* — это есть нѣчто *цѣлое*, между тѣмъ, какъ на самомъ-то дѣлѣ всякое человѣческое счастье состоитъ изъ хитрѣй-

шаго слиянія *двухъ* элементовъ: изъ 1) физическаго ощущенія счастья и 2) того внѣшняго событія, которое является психическимъ возбудителемъ этого ощущенія.

И только тогда, когда я впервые испробовалъ кокаинъ, мнѣ стало ясно. Мнѣ стало ясно, что то внѣшнее *событіе*, о достиженіи котораго я мечтаю, ради свершенія котораго тружусь, трачу всю мою жизнь, и, въ концѣ концовъ, быть-можетъ, его не достигну, — это *событіе* необходимо мнѣ лишь постольку,поскольку оно, отражаясь въ моемъ сознаніи, возбудитъ во мнѣ *ощущеніе* счастья. И если, какъ я въ этомъ убѣдился, крохотная щепотка кокаина могуче и въ единый мигъ возбуждаетъ въ моемъ организмѣ это *ощущеніе* счастья въ никогда неиспытанной раньше огромности, то тѣмъ самымъ совершенно отпадаетъ необходимость въ какомъ бы то ни было *событіи*, и слѣдовательно безсмысленными становятся трудъ, усилія и время, которые, для осуществленія этого событія, нужно было бы затратить.

Вотъ эта-то способность кокаина возбуждать физическое ощущеніе счастья внѣ всякой психической зависимости отъ окружающихъ меня внѣшнихъ событій даже тогда, когда отражаемость этихъ событій въ моемъ сознаніи должна была бы вызывать тоску, отчаяніе и горе, — вотъ это-то свойство кокаина и было той страшной притягательной силой, бороться и противостоять которой я не только не могъ, но и не хотѣлъ.

Бороться и противостоять кокаину я могъ бы только въ одномъ случаѣ: если бы ощущеніе счастья возбуждалось бы во мнѣ не столько свершеніемъ внѣшняго событія, сколько той работой, тѣми усиліями, тѣмъ трудомъ, которые, для достиженія этого событія, слѣдовало затратить. Но этого въ моей жизни не было.

3.

Само собою разумѣется, что все вышесказанное о кокаинѣ нужно понимать отнюдь не какъ мнѣніе о немъ *во-*

обще, а лишь какъ мнѣніе объ этомъ ядѣ такого человѣка, который только-только началъ нюхать. Такому человѣку и въ самомъ дѣлѣ кажется, что основное свойство кокаина — это есть способность возбуждать ощущеніе счастья; — такъ непойманная мышь увѣрена, что основное свойство мышеловки это тотъ кусокъ сала, который ей хочется съѣсть.

Самымъ ужаснымъ и неизмѣнно слѣдующимъ послѣ многочасового дѣйствія кокаина явленіемъ — была та мучительная, неотвратимая и страшная *реакція* (или, какъ медики ее называютъ, *депрессія)*, которая овладѣвала мною тотчасъ, лишь только кончался послѣдній порошокъ кокаина. Реакція эта продолжалась долго, на часахъ длилась примѣрно въ теченіе трехъ, иногда четырехъ часовъ, и выражалась въ такой мрачной, въ такой смертной тоскѣ, что хот ьразумъ и зналъ, что черезъ нѣсколько часовъ все это пройдетъ и вывѣтрится, но чувство въ это не вѣрило.

Извѣстно, что чѣмъ сильнѣе чувство, овладѣвающее человѣкомъ, тѣмъ слабѣе способность самонаблюденія. Пока я находился подъ дѣйствіемъ кокаина, чувства, возбуждаемыя имъ, были настолько могущественны и сильны, что моя способность наблюденія за собой ослабѣвала до степени, какъ это возможно наблюдать только у нѣкоторыхъ душевнобольныхъ. Такимъ образомъ чувства, владѣвшія мною, пока я находился подъ кокаиномъ, уже не сдерживались ничѣмъ и полностью, вплоть до идеальной искренности, вылѣзали наружу, проявляясь и въ моихъ жестахъ, и въ моемъ лицѣ, и въ моихъ поступкахъ. Подъ кокаиномъ до такихъ громадныхъ размѣровъ вырастало мое чувствующее Я, что самонаблюдающее Я прекращало работу. Но лишь только кончался кокаинъ, какъ возникалъ ужасъ. Ужасъ этотъ заключался въ томъ, что я начиналъ *видѣть* себя, видѣть такимъ, каковъ я былъ подъ кокаиномъ. И вотъ наступали страшные часы. Тяжело опадало тѣло, въ злобномъ отчаяніи отъ невыразимой, неизвѣстно откуда взявшейся, тоски ногти врѣзались въ ладони, а память, какъ въ тошнотѣ, возвращала обратно все, и я

смотрѣлъ, не могъ не смотрѣть на эти видѣнія зловѣщаго срама.

Вспоминалось до мельчайшихъ подробностей все. И мое замерзшее стояніе у двери этой тихой комнаты подъ кокаиномъ въ ночи, въ идіотической, но непобѣдимой тревогѣ, что вотъ-вотъ кто-то идетъ, и войдетъ сюда, и увидитъ мои ужасные глаза. И, кажется, часами длящееся подкрадываніе мое къ темному, съ неопущенной шторой, ночному окну, сквозь которое, лишь только я отвернусь, кто-то страшно заглядываетъ, хоть я и знаю, что окно это во второмъ этажѣ. И тушеніе лампы, которая своимъ чрезмѣрно яркимъ свѣтомъ, словно звучаніемъ безпокоитъ, зоветъ сюда людей, и вотъ уже чудится мнѣ, что кто-то крадется по корридору къ моей тоненькой, хрупкой двери. И лежаніе на диванѣ съ напрягшейся шеей и неопускающейся головой, словно отъ прикосновенія ея съ подушкой произойдетъ грохотъ, который подниметъ весь домъ, между тѣмъ, какъ измученные, ноющіе въ ожиданіи наткнуться на острое глаза пронзительно смотрятъ въ красную, въ трясущуюся тьму. И чирканье во тьмѣ спички, которую иззябшая въ ознобѣ и тугая рука такъ боязливо третъ о коробку, что та никакъ не зажигается, а когда наконецъ протяжно шипя вспыхиваетъ, то дико отпрыгиваетъ тѣло, и спичка выпадаетъ на диванъ. И каждыя десять минутъ потребность новой понюшки, когда съ лежащей гдѣ-то тутъ на диванѣ, но невидимой во тьмѣ бумажки похудѣвшія за ночь руки трясясь соскабливаютъ кокаинъ на тупую сторону стального пера, съ котораго, послѣ того, какъ это перо (приподнимаемое во тьмѣ дрожащей рукой), уже трясется у самой ноздри — ничего не втягивается и въ носъ не попадаетъ, потому что перо отъ послѣдняго раза намокло, кокаинъ его облѣпилъ, затвердѣлъ, пустилъ кислую ржавчину. И потомъ разсвѣтъ и все болѣе отчетливая видимость предметовъ, нисколько не распускающая мышцъ, а напротивъ, еще большая скованность движеній и всего тѣла, тоскующаго по скрывавшей, точно одѣяломъ прикрывающей его тьмѣ — теперь, когда

и лицо и глаза подвергаютстя необходимости быть видимыми на этомъ бѣломъ свѣту. И безчисленные позывы мочи, когда становилось необходимымъ, преодолѣвая пугливую скованность тѣла, тутъ же въ комнатѣ ходить на горшокъ, отъ производимаго будто на весь домъ чудовищнаго шума оскаливать сжимающіеся, замороженные зубы, въ липкомъ, въ непривычно остро пахнущемъ, въ зловонномъ поту, какъ на ледяную гору, дико трясясь отъ озноба, лѣзть въ темнотѣ на диванъ, подчасъ на грохнувшей пружинѣ испуганно застывая воткнутымъ колѣномъ до слѣдующаго позыва. А дальше утро, вылизываніе ржаваго пера, сухой взлетъ свѣжей понюшки изъ новаго порошка, легкое головокруженіе и тошнота въ наслажденіи, и ужасъ отъ перваго чужого шума проснувшихся въ домѣ людей. И, наконецъ, стукъ въ дверь, рѣдкій, размѣренный, настойчивый, — и мой кашель, сотрясающій влѣзшее въ диванъ потное тѣло, необходимый, чтобъ выдернуть застрявшій голосъ, и дальше мой трепещущій отъ счаст:я (несмотря на ужасъ) голосъ сквозь зубы — кто тамъ, что нужно, кто тамъ — и снова стукъ, настойчивый, безотвѣтный, неумолимый, и вдругъ, и вдругъ мгновенное перемѣщеніе этого стука, потому что за окномъ колятъ дрова.

Каждый разъ, лишь только кончался кокаинъ, возникали эти видѣнія, эти картинныя воспоминанія о томъ, какимъ я былъ, какъ выглядѣлъ и какъ себя странно велъ, — и вмѣстѣ съ этими воспоминаніями все больше и больше росла увѣренность, что очень и очень скоро, если не завтра, то черезъ мѣсяцъ, если не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ годъ — я кончу въ сумасшедшемъ домѣ. Съ каждымъ разомъ я все увеличивалъ дозу, нерѣдко доводя ее уже до трехъ съ половиной граммъ, тянувшихъ дѣйствіе наркоза въ теченіе, примѣрно, двадцати семи часовъ, но вся эта моя ненасытность съ одной, и желаніе отдалить ужасные часы реакціи съ другой стороны, дѣлали эти, возникавшія *послѣ* кокаина, воспоминанія все болѣе и болѣе зловѣщими. Увеличеніе ли дозы, расшатанный ли ядомъ

организмъ, или и то, и другое вмѣстѣ было тому причиной, — но та внѣшняя оболочка, которую выдѣляло наружу мое кокаинное счастье, становилась все страшнѣе и страшнѣе. Какія-то странныя маніи овладѣвали мною уже черезъ часъ послѣ того, какъ я начиналъ нюхать, — иногда это была манія поисковъ, когда кончался коробокъ со спичками и я начиналъ искать ихъ, отодвигая мебель, опоражнивая ящики стола, при этомъ завѣдомо зная, что никакихъ спичекъ въ комнатѣ нѣтъ, и все же съ наслажденіемъ продолжая поиски въ теченіе многихъ часовъ безпрерывно, — иногда это была манія какой то мрачной боязни, ужасъ которой усугублялся тѣмъ, что я самъ не зналъ, чего или кого я боюсь, и тогда долгими часами, въ дикомъ страхѣ, сидѣлъ я на корточкахъ у двери, внутренне раздираемый съ одной стороны невыносимой потребностью свѣжей понюшки кокаина, который я оставилъ на диванѣ, съ другой — страшной опасностью хотя на короткое мгновеніе оставить безъ присмотра охраняемую мною дверь. Иногда-же, а за послѣднее время это стало случаться часто, всѣ эти маніи овладѣвали мною *сразу*, — тогда нервы доходили до послѣдней возможности напряженія, — и вотъ однажды (это случилось глубокой ночью, когда въ домѣ спали, и когда я, приложивъ ухо къ щели, сторожилъ дверь), въ корридорѣ вдругъ что то гулко по ночному ухнуло, *одновременно* во мракѣ моей комнаты возникъ протяжный вой, и только спустя мгновеніе я понялъ, что вою-то это я самъ, и что моя же рука зажимаетъ мнѣ ротъ.

4.

Одинъ страшный вопросъ тяготѣлъ надо мною все это кокаинное время. Вопросъ этотъ былъ страшенъ, ибо отвѣтъ на него обозначалъ или тупикъ, или выходъ на дорогу ужаснѣйшаго изъ міровоззрѣній. И міровоззрѣніе это состояло въ томъ, что оскорбляло то свѣтлое, нѣжное и чистое, котораго, искренне и въ спокойномъ состояніи,

не оскорблялъ даже самый послѣдній негодяй: человѣческую душу.

Толчекъ къ возникновенію этого вопроса, какъ это часто бываетъ, начинался съ пустяковъ. Казалось бы и вправду, — ну что въ такой вещи особеннаго. Что особеннаго въ томъ фактѣ, что за время, пока дѣйствуетъ кокаинъ — человѣкъ испытываетъ высоко *человѣчныя*, благородныя чувства (истеричную сердечность, ненормальную доброту и проч.), а какъ только кончается воздѣйствіе кокаина, такъ тотчасъ человѣкомъ овладѣваютъ чувства *звѣриныя, низменныя* (озлобленность, ярость, жестокость). Казалось бы, вѣдь ничего особеннаго въ такой смѣнѣ чувствъ нѣту, — а между тѣмъ именно эта-то смѣна чувствъ и наталкивала на роковой вопросъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь то обстоятельство, что кокаинъ возбуждалъ во мнѣ *лучшія, человѣчнѣйшія* мои чувства — *это* я могъ истолковать наркотическимъ воздѣйствіемъ на меня кокаина. Но зато какъ объяснить другое. Какъ объяснить ту *неотвратимость*, съ которой (*послѣ* кокаина) вылѣзали изъ меня *низменнѣйшія, звѣриныя чувства*. Какъ объяснить такое вылѣзаніе, постоянство и непремѣнность котораго невольно наталкивало на мысль, что мои *человѣчнѣйшія* чувства словно ниточкой связаны съ моими *звѣриными* чувствами, и что предѣльное напряженіе и значитъ затраченность однихъ влечетъ и тянетъ за собою вылѣзаніе другихъ, подобно песочнымъ часамъ, гдѣ опустошеніе одного шара — *предопредѣляетъ* наполненіе другого.

И вотъ возникалъ вопросъ: есть ли и знаменуетъ ли собою *такая* смѣна чувствъ — лишь особое свойство кокаина, которое онъ моему организму навязываетъ, — или же такая реакція есть *свойство моего организма*, которое подъ дѣйствіемъ кокаина лишь болѣе наглядно проявляется.

Утвердительный отвѣтъ на первую часть вопроса — обозначалъ тупикъ. Утвердителньый отвѣтъ на вторую часть вопроса — раскрывалъ выходъ на широченную до-

рогу. Ибо вѣдь очевидно, что приписывая такую острую реакцію чувствъ *свойству моего организма* (дѣйствіемъ кокаина лишь болѣе рѣзко проявляемому), я тѣмъ самымъ *принужденъ* былъ признать, что и *помимо* кокаина, во всяческихъ другихъ положеніяхъ, — *возбужденіе человѣчнѣйшихъ чувствъ моей души будетъ (въ видѣ реакціи) вытягивать вслѣдъ за собой позывы озвѣрѣнія.*

Фигурально выражаясь, я себя спрашивалъ: не есть ли душа человѣческая нѣчто вродѣ качелей, которыя, получивъ толчекъ въ сторону человѣчности, уже тѣмъ самымъ подвергаются *предрасположенію* откачнуться въ сторону звѣрства.

Я пробовалъ подыскать какой нибудь жизненно простой и подтверждающій такое предположеніе примѣръ, и, какъ мнѣ казалось, находилъ его.

Вотъ добрый и впечатлительный юноша Ивановъ сидитъ въ театрѣ. Кругомъ темно. Идетъ третій актъ сентиментальной пьесы. Злодѣи вотъ-вотъ уже торжествуютъ и потому, разумѣется, на краю гибели. Добродѣтельные герои почти что гибнутъ и потому, какъ полагается, на порогѣ къ счастью. Все близится къ благополучному и справедливому концу, котораго столь жаждетъ благородная душа Иванова и сердце его бьется жарко.

Въ немъ, въ Ивановѣ, подъ возбудительнымъ вліяніемъ театральнаго дѣйства, подъ вліяніемъ любви къ этимъ честнымъ, прекраснымъ и кротко принимающимъ страданія человѣческимъ экземплярамъ, которыхъ онъ видитъ на сценѣ и за счастье которыхъ безпокоится, — все больше и больше напрягается и усиливается хрустальное дрожаніе его благороднѣйшихъ, его человѣчнѣйшихъ чувствъ. Ни мелкаго будничнаго расчета, ни похоти, ни злобы не чувствуетъ и не можетъ сейчасъ, въ эти блаженныя минуты, какъ ему кажется, почувствовать добрый юноша Ивановъ. Онъ сидитъ въ нерушимой тишинѣ темнаго зрительнаго зала, онъ сидитъ съ пылающимъ лицомъ, онъ сидитъ и радостно чувствуетъ, какъ душа его сладко изнываетъ отъ страстной потребности сейчасъ-же, сію минуту, тутъ-

же въ театрѣ радостно пожертвовать собой во имя наивысшихъ человѣческихъ идеаловъ.

Но вотъ, въ этой напряженной, въ этой насыщенной дрожаніемъ человѣческихъ переживаній театральной темнотѣ — сосѣдъ Иванова начинаетъ вдругъ громко и по собачьему кашлять. Ивановъ сидитъ рядомъ, сосѣдъ же все продолжаетъ грохать, этотъ харкающій звукъ назойливо лѣзетъ въ уши, и вотъ уже чувствуетъ Ивановъ, какъ что то страшное, звѣриное, мутное поднимается, растетъ въ немъ, захлестываетъ его. — Чертъ бы васъ взялъ съ вашимъ кашлемъ, — ядовитымъ, змѣинымъ шопотомъ, не выдержавъ, говоритъ наконецъ Иваномъ. Онъ говоритъ эти слова окончательно пьяный отъ страшнаго напора совсѣмъ необычной для него ненависти, и хоть и продолжаетъ смотрѣть на сцену, но отъ ярости и остервенѣнія на этого раскашлявшагося господина въ Ивановѣ все такъ дрожитъ, что въ первыя мгновенія онъ еще не можетъ понять ни слова. И хотя Ивановъ сидитъ тихо, старается снова настроиться, снова вернуть прежнее настроеніе, но еще отчетливо чувствуетъ, какъ только мгновеніе тому назадъ въ немъ, въ Ивановѣ, было только одно, съ трудомъ сдерживаемое желаніе: изничтожить, ударить этого нудно и долго кашлявшаго сосѣда.

И вотъ я спрашиваю сбя: что-же является причиной столь мгновеннаго хищническаго осатаненія души этого юноши Иванова. Отвѣтъ только одинъ: чрезмѣрная возбужденность его души въ лучшихъ, въ человѣчнѣйшихъ и жертвеннѣйшихъ чувствахъ. Но можетъ быть это не такъ, говорю я, можетъ быть, причина его озвѣрѣнія это *кашель* сосѣда. Но, увы, этого не можетъ быть. Кашель не можетъ быть причиной уже по одному тому, что закашляйся этотъ сосѣдъ, ну, хотя бы въ трамваѣ, или еще гдѣнибудь (гдѣ Ивановъ находился бы въ нѣсколько иномъ душевномъ состояніи), то ни въ какомъ случаѣ добрый Ивановъ на него бы въ такой ужасной мѣрѣ не озлобился. Такимъ образомъ, кашель въ данномъ случаѣ является

только поводомъ къ разрядкѣ того чувства, къ которому склоняло Иванова его внутреннее, его душевное состоянiе

Но внутреннее, но душевное состоянiе Иванова, каково оно могло быть. Предположимъ, что мы, говоря о томъ, что онъ испытывалъ возвышеннѣйшiя, человѣчнѣйшiя чувства, — ошиблись. Поэтому откинемъ ихъ и попробуемъ приставить къ нему, къ Иванову, всѣ остальныя, доступныя человѣку въ театрѣ чувства, одновременно сличая, насколько эти иныя чувства могли бы склонить Иванова къ такой звѣриной вспышкѣ ненависти. Сдѣлать этотъ опытъ намъ тѣмъ легче, ибо списокъ этихъ чувствъ (если отбросить ихъ нюансы), весьма невеликъ: намъ остается только предположить, что Ивановъ, сидя въ театрѣ, или 1) злобствовалъ *вообще*, или же 2) находился въ состоянiи равнодушiя и скуки.

Но если бы Ивановъ былъ бы озлобленъ еще до того, какъ началъ кашлять его сосѣдъ, если бы Ивановъ сердился на актеровъ за ихъ дурную игру, или на автора за его безнравственную пьесу, или на самого себя за то, что истратилъ на такой скверный спектакль послѣднiя деньги, — развѣ онъ почувствовалъ бы такой звѣриный, такой дикiй припадокъ ненависти къ закашлявшемуся сосѣду. Конечно, нѣтъ. Въ худшемъ случаѣ онъ почувствовалъ бы *досаду* на кашлявшаго сосѣда, можетъ быть, онъ даже пробормоталъ бы — ну, и вы тоже еще съ вашимъ кашлемъ, — но такая досада еще ужасно далека отъ желанiя ударить, изничтожить человѣка, ненавидѣть его. Такимъ образомъ, предположенiе о томъ, будто Ивановъ еще до кашля былъ сколько нибудь озлобленъ, и что эта-то его общая озлобленность склонила его къ такой острой вспышкѣ ненависти, — мы принуждены отстранить какъ негодное. Поэтому откинемъ это и попробуемъ предположить другое.

Попробуемъ предположть, что Ивановъ скучалъ, что онъ испытывалъ равнодушiе. Можетъ быть *эти* чувства склонили его къ такому дикому припадку злобы на своего кашляющаго сосѣда. Но это уже совсѣмъ не идетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы душа Иванова была бы въ состояніи холоднаго безразличія, если бы Ивановъ, глядя на сцену, скучалъ, такъ развѣ онъ почувствовалъ бы потребность ударить сосѣда, ударить только потому, что тотъ закашлялся. Да не только онъ въ *этомъ* случаѣ не ощутилъ бы такого желанія, а весьма возможно, такъ даже *пожалѣлъ* бы этого больного, кашляющаго человѣчка.

Чтобы покончить теперь съ Ивановымъ, намъ остается только пополнить досадный пробѣлъ, который мы допустили при перечисленіи доступныхъ человѣку въ театрѣ чувствъ. Дѣло въ томъ, что мы не упомянули о (столь часто возникающемъ подъ вліяніемъ театральнаго дѣйства) чувствѣ *смѣшливости*, въ то время какъ оно-то, это чувство, особенно важно для нашего примѣра. Оно важно намъ, ибо въ полной мѣрѣ устраняетъ возможный упрекъ, будто злоба Иванова на своего кашляющаго сосѣда была *обоснована:* кашель, дескать, *мѣшалъ* ему слушать реплики актеровъ. Но развѣ Иванову (находись онъ въ состояніи смѣшливости), веселыя реплики актеровъ, возбуждающія эту смѣшливость, были бы менѣе интересны и важны, развѣ онъ не съ такой же настойчивостью, какъ въ драмѣ, къ нимъ бы прислушивался? А между тѣмъ, *въ этомъ случаѣ* никакой кашель, никакое сморканье и прочіе звуки сосѣда, если бы даже они и мѣшали, ни въ какой мѣрѣ не возбудили бы въ немъ желаніе этого сосѣда ударить.

Такимъ-то образомъ, силою вещей мы возвращаемся къ прежнему, еще ранѣе высказанному прдположенію. Мы принуждены покорно признать, что только наисильнѣйшая *душевная растроганность*, и, значитъ, возбужденное дрожаніе въ Ивановѣ его жертвеннѣйшихъ, человѣчнѣйшихъ чувствъ причиняютъ въ его душѣ вылѣзаніе этого неизмѣннаго, хищнаго, звѣринаго раздраженія.

Конечно, описанный здѣсь театральный случай нисколько не можетъ еще разсчитывать на то, чтобы убѣдить хотя бы даже самаго довѣрчиваго изъ насъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли говорить объ общей природѣ человѣческой души и приводить въ прмѣръ озлобленіе

какого-то единичнаго Иванова съ его простуженнымъ сосѣдомъ, брать примѣръ явно исключительный, въ то время какъ тутъ же, въ театрѣ, сидитъ безъ малаго тысяча человѣкъ, которые, такъ же, какъ и этотъ Ивановъ, подъ вліяніемъ тетральнаго дѣйства прожили нѣсколько часовъ въ высокомъ напряженіи ихъ лучшихъ душевныхъ силъ, — (поскольку, конечно, это театральное дѣйство возбуждало не смѣхъ, не веселье, не восхищеніе красивостью, — а душевную растроганность). Между тѣмъ, достаточно намъ взглянуть на этихъ людей, на ихъ лица, — и во время антрактовъ и по окончаніи спектакля, и мы съ легкостью убѣдимся, что люди эти нисколько не испытываютъ никакого тамъ осатанѣнія, ни на кого не злобствуютъ, и никого не хотятъ ударить.

На первый взглядъ это обстоятельство какъ будто бы здорово расшатываетъ все наше зданіе. Вѣдь мы же высказали предположеніе, будто возбужденная растроганность человѣчнѣйшихъ и жертвеннѣйшихъ чувствъ вызываетъ въ людяхъ предрасположеніе къ хищному озлобленію, къ возникновенію низменнѣйшихъ инстинктовъ. И вотъ передъ нами толпа театральныхъ зрителей, людей, которые подъ вліяніемъ театральнаго дѣйства пережили возбужденность этихъ своихъ человѣчнѣйшихъ чувствъ, мы видимъ, мы наблюдаемъ ихъ лица и въ моменты, когда вспыхваетъ свѣтъ, и, въ особенности, когда они выходятъ изъ зданія театра, а между тѣмъ не находимъ въ нихъ ни тѣни не только озлобленія, но даже намека на него. Таково наше внѣшнее впечатлѣніе, однако же, попробуемъ не удовлетвориться имъ, попробуемъ вникнуть глубже. Попробуемъ поставить вопросъ иначе и установить: не объясняется ли это отсутствіе въ этихъ зрителяхъ какого-либо хищническаго инстинкта не потому вовсе, что его не было, а потому лишь, что звѣриный этотъ иинстинктъ въ нихъ *удовлетворенъ*, — удовлетворенъ совершенно такъ же, какъ это случилось бы съ Ивановымъ, если бы онъ ударилъ своего сосѣда, а тотъ не оказалъ бы сопротивленія.

Вѣдь совершенно очевидно, что только тогда теат-

ральное дѣйство вызываетъ въ зрителѣ растроганность и возбужденность человѣчнѣйшихъ и лучшихъ чувствъ его души, — когда въ этомъ театральномъ дѣйствѣ участвуютъ персонажи людей сердечныхъ, честныхъ, и— несмотря на испытываемыя страданія — кроткихъ. (По крайней мѣрѣ, *такъ* воспринимаютъ участіе такихъ персонажей тѣ изъ зрителей, души которыхъ наиболѣе непосредственны, впечатлительны и на которыхъ поэтому съ наибольшей отчетливостью можно наблюдать истинную природу душевнаго движенія). Очевидно также и то, что на сценѣ, наряду съ такими ангельскими и кроткими персонажами, непремѣнно воспрозводятся еще и типы коварныхъ злодѣевъ. И вотъ спрашивается: это, постоянно наступающее въ концѣ спектакля во имя торжества добродѣтели, *кровавое и жесточайшее* караніе злодѣевъ на сценѣ, не оно ли *съѣдаетъ* возникшіе въ насъ хищническіе инстинкты, и не выходимъ ли мы изъ театра кроткими и довольными не потому вовсе, что въ нашихъ душахъ не возникало никакихъ низменныхъ чувствъ, а потому лишь, что чувства эти получили удовлетвореніе. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не признается въ томъ съ какимъ *наслажденіемъ онъ крякалъ*, когда въ четвертомъ актѣ нѣкій добродѣтельный герой втыкаетъ ножъ въ сердце злодѣя. — Однако, позвольте-ка, — можно здѣсь сказать, — да вѣдь это чувство справедливости. Противъ такого замѣчанія спорить не приходится. Да, тысячу разъ, да, это чувство справедливости. Именно оно: божественное, возвышающее человѣка чувство справедливости. Но до чего же оно, это возбужденіе въ нашей душѣ высшаго, человѣчнѣйшаго чувства, насъ довело: до наслажденія убійствомъ, до звѣринаго злобствованія. — Да вѣдь противъ злодѣевъ, — возразятъ насъ здѣсь. — Это не важно, — отвѣтимъ мы, — а вотъ важно то, что *крякать отъ удовольствія при видѣ пролитія человѣческой крови возможно только тогда, когда испытываешь кровожадность, злобу, ненависть*, — и если эти низменнѣйшія, если эти отвратительныя чувства возникли въ нашей душѣ только потому, что разволнова-

лись наши человѣчнѣйшія чувства — любовь къ страдающему и кроткому герою, если эта дикая озвѣрѣлость наша тихонечко и незамѣтно вылѣзла изъ растроганности нашихъ благороднѣйшихъ чувствъ, которыя разбередилъ въ насъ театръ, — развѣ не показываетъ это уже съ нѣкоторой ясностью смутную, страшную природу нашихъ душъ.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вѣдь сдѣлать попытку показывать намъ въ театрахъ такія пьесы, въ которыхъ *злодѣи* не только не наказываются, не только не гибнутъ, а напротивъ — *торжествуютъ*, — начните-ка намъ показывать пьесы, гдѣ *торжествуютъ худшіе* и *погибаютъ лучшіе* люди, и вы убѣдитесь на дѣлѣ, что подобныя зрѣлища въ концѣ концовъ выведутъ насъ на улицу, доведутъ до бунта, до возстанія, до мятежа. Вы, можетъ быть, и тутъ скажете, что мы взбунтуемся во имя справедливости, что нами руководитъ возбужденность въ нашихъ душахъ благороднѣйшихъ, лучшихъ, человѣчнѣйшихъ чувствъ. Что жъ, вы правы, вы совершенно правы. Но посмотрите же на насъ, когда мы выйдемъ бунтовать, взгляните на насъ, когда мы, обуреваемые человѣчнѣйшими чувствами нашихъ душъ, возстанемъ, вглядитесь внимательно въ наши лица, въ наши губы, въ особенности въ наши глаза, и если вы и не захотите признать, что передъ вами разъяренные, дикіе звѣри, то все же уходите скорѣе съ нашей дороги, ибо ваше неумѣніе отличить человѣка отъ скота — можетъ стоить вамъ жизни.

И вотъ уже, какъ бы самъ собой, назрѣваетъ вопросъ: вѣдь вотъ *такія* театральныя пьесы, — пьесы, въ которыхъ *побѣждаетъ порокъ* и *погибаетъ добродѣтель*, вѣдь этакія пьесы —они же правдивы, вѣдь они же изображаютъ *настоящую жизнь*, вѣдь именно въ жизни случается такъ, что побѣждаютъ *худшіе* и погибаютъ *лучшіе* люди, — такъ почему же въ жизни мы, глядя на все это, остаемся спокойны и живемъ и работаемъ, — а когда эту же картину окружающей насъ жизни намъ показываютъ въ театрѣ, такъ мы возмущемся, озлобляемся, звѣрѣемъ. Не странно ли,

что одна и та же картина, проходящая передъ глазами одного и того же же человѣка, оставляетъ этого человѣка въ одномъ случаѣ (въ жизни) спокйнымъ и равнодушнымъ, и возбуждаетъ въ немъ въ другомъ случаѣ (въ театрѣ) возмущеніе, негодованіе, ярость. И не доказываетъ ли это наглядно, что *причину возникновенія въ насъ тѣхъ или иныхъ чувствъ, которыми мы реагируемъ на внѣшнее событіе, нужно отыскивать отнюдь не въ характерѣ этого событія, а всецѣло въ состояніи нашей души*. Такой вопросъ весьма существенный и на него слѣдуетъ точно отвѣтить.

Дѣло, очевидно, въ томъ, что въ *жизни* мы подлы и неискренни, въ жизни насъ прежде всего безпокоитъ наше личное благоустройство, и поэтому-то въ *жизни* мы льстимъ и помогаемъ, а подчасъ и сами воплощаемъ собой тѣхъ самыхъ насильниковъ и злодѣевъ, поступки которыхъ вызываютъ въ насъ такое ужасное негодованіе въ театрѣ. Въ *театрѣ* зато, эта личная заинтересованность, это подленькое устремленіе къ добыванію земныхъ благъ *спадаетъ* съ нашихъ душъ, въ театрѣ ничто личное не насилуетъ благородства и честности нашихъ чувствъ, въ театрѣ мы становимся душевно *чище и лучше*, и поэтому нами, нашими стремленіями и симпатіями, пока мы сидимъ въ театрѣ, всецѣло руководятъ наши *лучшія* чувства справедливости благородства, человѣчности. И вотъ тутъ то и напрашивается страшная мысль. Напрашивается мысль о томъ, что если въ жизни мы не возмущаемся, не негодуемъ, не возстаемъ, не звѣрѣемъ окончательно и не убиваемъ, во имя попранной справедливости, людей, такъ это потому лишь, что мы подлы, испорчены, жадны и вообще *плохи*, — а что если бы въ жизни, какъ и въ театрѣ, мы распалили бы въ насъ наши человѣчнѣйшія чувства, если бы въ жизни мы стали бы *лучше*, такъ мы бы, — возбужденные дрожаніемъ въ нашихъ душахъ чувствъ справедливости и любви къ обиженнымъ и слабымъ, — свершили бы, или почувствовали бы желаніе свершить (что рѣшительно все равно, посколько мы говоримъ о душевныхъ движеніяхъ),

такое количество злодѣяній, кровопролитій, пытокъ и мстительнѣйшихъ убійствъ, какихъ никогда еще не совершалъ, да и не хотѣлъ свершить ни одинъ, даже самый ужасный злодѣй, руководимый цѣлью обогащенія и наживы.

И невольно въ насъ поднимается желаніе обратиться ко всѣмъ будущимъ Пророкамъ человѣчества и имъ сказать: — Милые и добрые Пророки! Не трогайте вы насъ, не распаляйте вы въ нашихъ душахъ возвышенныхъ человѣчнѣйшихъ чувствъ, и не дѣлайте вообще никакихъ попытокъ сдѣлать насъ *лучше*. Ибо видите вы: пока мы *плохи* — мы ограничиваемся мелкимъ подличаньемъ, — когда становимся *лучше* — мы идемъ убивать.

Поймите же, добрые Пророки, что именно заложенныя то въ нашихъ душахъ чувства Человѣчности и Справедливости и *заставляютъ* насъ возмущаться, негодовать, приходить въ ярость. Поймите, что если бы мы *лишены* были чувствъ Человѣчности, такъ мы бы вовсе и не негодовали бы, не возмущались. Поймите, что не коварство, не хитрость, не подлость разума, а только Человѣчность, Справедливость и Благородство Души *принуждаютъ* насъ негодовать, возмущатсья, приходить въ ярость и мстительно свирѣпѣть. Поймите, Пророки, что механизмъ нашихъ человѣческихъ душъ — это механизмъ качелей, гдѣ отъ наисильнѣйшаго-то взлета въ сторону Благородства Духа и возникаетъ наисильнѣйшій отлетъ въ сторону Ярости Скота.

Это стремленіе взвить душевныя качели въ сторону Человѣчности и неизмѣнно вытекающій изъ него отлетъ въ сторону Звѣрства, проходитъ чудесной и въ то же время кровавой полосой сквозь всю исторію человѣчества, и мы видимъ, что какъ разъ тѣ особенно темпераментныя эпохи, которыя выдѣляются исключительно сильными и осуществленными въ дѣйствіи взлетами въ сторону Духа и Справедливости, кажутся намъ особенно страшными въ силу перемежающихся въ нихъ небывалыхъ жестокостей и сатанинскихъ злодѣйствъ.

Подобно медвѣдю съ кровавой, развороченной башкой толкающаго висячее на бичевѣ бревно и получающаго тѣмъ болѣе страшный ударъ, чѣмъ сильнѣе онъ его толкаетъ, — человѣкъ изнываетъ и уже устаетъ въ этомъ качаніи своихъ душъ.

Человѣкъ изнываетъ въ этой борьбѣ и какой бы онъ исходъ ни избралъ: продолжать ли раскачивать это бревно, чтобы при какой-нибудь особо сильной раскачкѣ окончательно разворотить себѣ башку, — или же остановить душевныя качели, существовать въ холодной разумности, въ бездушіи, слѣдовательно въ безчеловѣчіи и такимъ образомъ въ полной утратѣ теплоты своего облика, — и тотъ и другой исходы предопредѣляютъ полное завершеніе Проклятія, которымъ является для насъ это странное, это страшное свойство нашихъ человѣческихъ душъ.

Когда въ домѣ становилось тихо, на письменномъ столѣ горѣла зеленая лампа, а за окномъ была ночь, — съ настойчивымъ постоянствомъ возникали во мнѣ эти мысли, и были они столь же разрушительны для моей воли къ жизни, сколь разрушителенъ для моего организма былъ этотъ бѣлый и горькій ядъ, который въ аккуратныхъ порошкахъ лежалъ на диванѣ и возбужденно дрожалъ въ моей головѣ.

5.

Боярская палата, стулья, торжественные отъ непомѣрно высокихъ спинокъ, низкіе своды и во всемъ этомъ какой-то мрачный гнетъ. Собирались гости, всѣ очень торжественно разодѣтые, и разсаживались вокругъ стола, крытаго краснымъ бархатомъ, на которомъ стояло золотое блюдо съ необщипаннымъ лебедемъ. Рядомъ со мною за столомъ помѣстилась Соня и я зналъ, что мы справляемъ нашу свадьбу. Хотя сидѣвшая рядомъ со мною женщина нисколько не напоминала Соню, однако, я зналъ, что это она. Вдругъ, когда всѣ уже разсѣлись, и я все недоумѣвалъ, какъ это будутъ рѣзать и ѣсть необщипаннаго лебедя, въ палату вошла моя мать. Она была въ затаскан-

номъ платьѣ, въ туфляхъ. Сѣденькая головка ея тряслась, лицо желтое, исхудавшее, только глаза, безсонные, какъ-то нехорошо бѣгающіе, все искали меня. Она все шла на меня и, когда, наконецъ, издали увидѣла меня и мутные глаза ея стали страшными и радостными, я сдѣлалъ ей знакъ, чтобы не подходла, что неудобно мнѣ съ нею здѣсь знаться, — и она поняла. Жалко улыбаясь, маленькая, ссохшаяся, она бочкомъ сѣла къ столу. Между тѣмъ блюдо съ лебедмъ убрали и въ красныхъ ливреяхъ и бѣлыхъ перчаткахъ лакеи, — одни разставляли приборы, другіе разносили блюда съ какими-то кушаньями. Когда лакей, обносившій гостей, приблизился къ моей матери, онъ такъ же поднесъ и ей, но оглядѣвъ ея платье, хотѣлъ отойти. Однако, мать уже захватила лопатку съ блюда и стала накладывать себѣ на тарелку. Я замеръ, — что если остальные гости обратятъ на нее глаза. Между тѣмъ мать все накладывала себѣ на тарелку, лакей дѣлалъ недоумѣвающее, заставлявшее меня все больше страдать, лицо, и когда на тарелкѣ матери появилась цѣлая гора — онъ нахально отнесъ отъ нея блюдо, оставивъ въ ея рукахъ лопатку. Мать повернулась, хотѣла то-ли положить лопатку на блюдо, то-ли взять еще, но увидѣла, что блюда нѣтъ, что его убрали, стала этой лопаткой ѣсть. Въ ней вдругъ все какъ-то низменно измѣнилось. Она начала глотать не по силамъ, быстро, жадно. Глаза ея нехорошо бѣгали, остренькій старушечій подбородокъ леталъ вверхъ и внизъ, морщины на лбу стали влажны. Она стала вдругъ не такой, какъ всегда, стала какой-то обжорливой, чуть-чуть противной. Жадно всовывая пищу, она въ скверномъ наслажденіи все повторяла — ахъ, какъ фкусне, ахъ, фкусне. И вотъ я началъ испытывать новое чувство къ матери. Я вдругъ почувствовалъ, что она живая, что она плоть. Я вдругъ почувствовалъ, что любовь ея ко мнѣ — это только малая толика ея чувствъ, потому что помимо этой любви у нея, какъ у каждаго человѣка, есть кишечникъ, артеріи, кровь и половые органы, и что мать любитъ, не можетъ не любить это свое физическое тѣло гораздо больше ме-

ня. Тутъ на меня навалилась такая тоска, такое одиночество жизни, что мнѣ захотѣлось стонать. Между тѣмъ, мать, съѣвъ все, что было на тарелкѣ, начала безпокойно поерзывать на своиъ стулѣ. Хотя никакихъ словъ не было сказано, но всѣ сразу поняли ,что у нея испортился желудокъ и ей необходимо выдти. Лакей, улыбаясь, и этой улыбкой показывая, что уваженіе его къ этой жалкой старухѣ недостаточно сильно, чтобы оставаться серьезнымъ, а собственное достоинство слишкомъ велико, чтобы громко расхохотаться, рукою въ бѣлой перчаткѣ приглашалъ ее пройти въ дверь. Мать приподнялась, съ трудомъ опираясь о столъ. Въ это время всѣ уже обратили вниманіе и начали смѣяться. Смѣялись всѣ. Смѣялись гости, смѣялись лакеи, смѣялась Соня, и въ мучительномъ презрѣніи къ самому себѣ смѣялся и я. Мимо этого стола, мимо этихъ жестоко смѣющихся ртовъ и глазъ, и мимо меня, тоже смѣющагося, этимъ смѣхомъ отчуждающаго себя отъ нея, должна была пройти моя мать. И она прошла. Маленькая, сгорбленная, трясущаяся, она прошла, тоже улыбаясь, но улыбаясь униженно и жалко, какъ бы прося прощенія за слабость ея старческаго, уже безсильнаго тѣла. Послѣ того какъ мать ушла, наступило затишье. Всѣ еще улыбались лакеи, смѣялась Соня, и въ мучительномъ презрѣніи отголосокъ случившагося, а какъ предчувствіе того, что еще произойдетъ. И вотъ я слышу, что у двери стоитъ военная стража съ винтовками съ наставленнымие штыками. За стражей въ глубинѣ стоитъ мать. Она хочетъ пройти, хочетъ приблизиться ко мнѣ, но ее не пускаютъ. — Мой мальчикъ, мой Вадя, мой сынъ, — все повторяетъ она и хочетъ пройти. Я смотрю туда, мои глаза встрѣчаются съ глазами матери, наши взгляды любовно скрещиваются, другъ друга зовутъ и мать движется ко мнѣ. Но уже стражникъ съ винтовкой дѣлаетъ прыгающее движеніе, и штыкъ замѣчательно мягко входитъ въ животъ матери. — Мой мальчикъ, мой Вадя, мой сынъ, — спокойно говоритъ она, держится за проткнувшій ее штыкъ и улыбается. И въ этой улыбкѣ все: и то, что она знаетъ, что это по

моему приказу ее не пускали ко мнѣ, и то, что она умираетъ, и то, что не сердится на меня, что понимаетъ меня, понимаетъ, что такую, какъ она, любить невозможно. Больше я не могъ выдержать. Я рванулся изъ послѣднихъ силъ, изнутри что-то непріятно дернулось во мнѣ и я проснулся. Была глухая ночь. Я лежалъ одѣтымъ на диванѣ. На столѣ подъ зеленымъ колпакомъ горѣла лампа. Я сѣлъ, спустилъ ноги и мнѣ стало вдругъ страшно. Мнѣ стало страшно такъ, какъ бываетъ страшно только взрослымъ, несчастнымъ людямъ, когда внезапно, среди ночи, проснувшись, человѣкъ начинаетъ вдругъ сознавать, что вотъ только сейчасъ, въ эту ночную минуту, когда кругомъ тишина и нѣтъ никого подлѣ него, онъ проснулся не только отъ видѣннаго сна, но и ото всей той жизни, которой жилъ послѣднее время. — Что творится со мною здѣсь, въ этомъ ужасномъ домѣ? Зачѣмъ я здѣсь живу? Что это за мысли, которыми я бредилъ въ этой комнатѣ? Я сидѣлъ на диванѣ, трясся отъ холода этой нетопленной, уже недѣлями неубиравшейся комнаты, а мои губы шептали слова, на которыя не нужно было отвѣта, потому что одновременно во мнѣ, возникали образы, туманные и страшные, и смотрѣть на нихъ было такъ жутко, что одна моя рука все сильнѣе, все крѣпче сжимала другую. Такъ просидѣлъ я долго. Потомъ, вытащивъ одну руку изъ другой (она была такъ сдавлена, что пальцы слиплись), сталъ надѣвать ботинки. Это было трудно, носки на мнѣ совсѣмъ прогнили, отъ ногъ шелъ ужасный запахъ, шнурки были разорваны, всѣ въ узлахъ. Чувствуя отвращеніе къ самому себѣ отъ своей нечистоплотности и липкости, я всталъ на ноги, надѣлъ еще пальто, фуражку, калоши, поднялъ воротникъ, и только когда покошелъ къ столу, чтобы потушить лампу, принужденъ былъ присѣсть отъ внезапной слабости. Присѣвъ, сразу почувствовалъ доходящую до дурноты сердечную усталость, преодолѣвая ебя протянулъ руку, потушилъ лампу, посидѣлъ такъ немного въ темнотѣ и когда, наконецъ, всталъ, то дурнота и слабость уже отпустили, и уже съ нѣкоторой легкостью я вышелъ изъ комнаты и

ощупью спустился въ прихожую. Не зажигая огня, я добрался до выходной двери, осторожно отомкнулъ и еле удержалъ, — такъ ее рвануло. Ледяной вѣтеръ мчалъ сквозь переулокъ. Въ пустынной дали близъ желтыхъ фонарей видно было, какъ съ оконъ, съ заборовъ и крышъ вьюжило сухимъ снѣгомъ. Задыхаясь отъ вѣтра, напрягая спину отъ холода, я отчаянно зашагалъ и еще не дошелъ до конца переулка, гдѣ начиналась площадь, какъ уже почувствовалъ, что шибко смерзъ. На площади горѣлъ костеръ.Вѣтеръ, дралъ его пламя, какъ рыжіе волосы, и дымно выщелкивалъ искры. Рядомъ на рельсахъ дрожало розовое серебро. Напротивъ, весь домъ свѣтился, а тѣнь отъ низкаго фонарнаго столба взлетала на высоченную крышу. Около костра, не двигаясь съ мѣста, бѣжалъ тулупъ, то хватая, то выпуская себя изъ объятій. Я шелъ быстро, все ускоряя шаги. Подъ моими калошами, словно подъ мчащимся поѣздомъ, снѣгъ лился, какъ молоко изъ ведра. На длинной улицѣ, по которой я теперь шелъ, вѣтеръ сникъ. Отъ луннаго свѣта улица была рѣзко раздѣлена на двѣ части, — на чернильно черную и нѣжно изумрудную, и идя по тѣневой сторонѣ, мнѣ забавно было смотрѣть, какъ тѣнь отъ моей головы, вылѣзая изъ черной границы, катилась посреди мостовой. Самой луны мнѣ не было видно. Но поднимая голову, я видѣлъ, какъ она бѣжала по окнамъ верхнихъ этажей, поочередно загораясь въ стеклахъ зелеными вспышками. Такъ, углубленный въ себя, я не обращалъ вниманія на улицы, по которымъ шелъ, сворачивалъ, руководимый инстинктомъ, съ одной на другую, какъ вдругъ замѣтилъ, что уже приближаюсь къ воротамъ того дома, въ которомъ жила моя мать. Взявшись за звонко вихляющее кольцо, растворивъ калитку и на черномъ снѣгу разливая зеленый четыреугольникъ съ чернымъ пятномъ моей тѣни посерединѣ, — я вошелъ во дворъ. Луна была теперь гдѣ-то высоко позади. И высокія сплошныя ворота чернымъ полемъ залегли далеко вдоль узкаго двора. Только тамъ, гдѣ кончалась ограда садика, все было залито стекляннымъ зеленымъ свѣтомъ. Въ по-

лосѣ этого свѣта мнѣ стало холодно. Взойдя по ступенямъ на крыльцо, я остановился. На тяжелой двери мѣдная ручная ручка ослѣпительно сверкала. Отъ шлифованной грани стекла узкая полоска свѣта лежала на ступенькахъ лѣстницы. Когда, постоявъ, я дернулъ за дверную ручку, полоска эта только чуть дрогнула: дверь была заперта. Будить Матвѣя я счелъ неудобнымъ и поэтому, сбѣжавъ съ крыльца, завернулъ въ темный и сырой туннель подъ домомъ, выходившій на мусорную площадку, откуда шелъ въ квартиры черный ходъ. На площадкѣ этой и теперь были разбросаны щепы и березовая кора. Здѣсь всегда дворникъ кололъ дрова, вкусно щелкалъ топоромъ, складывалъ ихъ въ охапку на помойномъ ящикѣ, гдѣ, связавъ заранѣе подложенной веревкой, грузно закидывалъ за спину и, тяжко шаркая, всходилъ къ кухнямъ. При этомъ веревка врѣзалась въ плечо, а обмотанные ею пальцы — съ одной стороны кроваво вспухали, съ другой обезкровливались до бѣлыхъ суставовъ. Я поднимался теперь по этой темной, пахнущей котами, лѣстницѣ, держался за узкія желѣзныя перила, и мнѣ вспомнилось время, когда этихъ мусорныхъ ящиковъ еще не было. Мнѣ вспомнился день, это было лѣтомъ, когда со двора вдругъ раздался грохотъ, очень похожій на театральный громъ, и какъ тутъ же изъ этихъ сброшенныхъ съ подводы жестяныхъ листовъ вырѣзарывались мусорные ящики. Потомъ, уже къ вечеру, ихъ пронзительно сколачивали, и мнѣ все казалось, будто на сосѣднемъ дворѣ дѣлаютъ то же, такъ остро стукало эхо о ближайшій домъ. Когда это случилось? И сколько тогда мнѣ было лѣтъ? Въ совершенной темнотѣ поднимаясь теперь все выше по вонючей лѣстницѣ и не считая, сколько мною пройдено площадокъ, я, миновавъ одну изъ нихъ и завернувъ и поднимая выше, вдругъ почувствовалъ въ икрахъ ту странную, словно непускающую дальше, усталость, которая сразу сказала мнѣ, что на только что пройденной площадкѣ находилась дверь нашей квартиры. Спустившись и съ нѣкоторымъ трудомъ сообразивъ, съ которой стороны находится нужная мнѣ дверь, я подошелъ и

только хотѣлъ постучать и уже приготовилъ лицо, чтобы встрѣтить няньку, когда замѣтилъ, что дверь-то не заперта, а только чуть прикрыта. — Можетъ быть, она на цѣпочкѣ, — подумалъ я, но только тронулъ рукой, — какъ дверь легко и безъ скрипа раскрылась. Передо мной была наша кухня. Хотя и здѣсь было очень темно, но то, что это именно наша квартира, я уже зналъ по стуку кухонныхъ часовъ, которые шли по особенному, съ заскокомъ какъ хромой по лѣстницѣ: два раза быстро, точка, и опять — разъ-разъ.

Все, что происходило дальше въ этой ночной, словно покинутой квартирѣ, стало какимъ-то страннымъ, при чемъ я отчетливо чувствовалъ, что странность эта началась или быть можетъ усилилась, какъ разъ съ той минуты, какъ я проникъ въ корридоръ. Такъ, остановившись передъ дверью моей бывшей комнаты, я не помнилъ и не зналъ — заперъ ли за собою кухонную дверь, даже не могъ вспомнить, былъ ли въ замкѣ ключъ. Точно такъ же, прокравшись въ столовую, я уже не могъ сообразить, до какого мѣста я шелъ спокойно и откуда же началъ продвигаться, крадучись. Стоя теперь въ столовой, стараясь не дышать, я еще помнилъ, что дверь въ мою комнату оказалась запертой, но почему я такъ ужасно торопился уйти отъ этой двери, почему такъ тревожился, такъ боялся, что кто-нибудь меня тамъ застанетъ, — этого сообразить я теперь уже не былъ въ силахъ.

Въ столовой было очень тихо. Часы не шли. Въ смутной тьмѣ я видѣлъ только, что на обѣденномъ столѣ нѣтъ скатерти, и что дверь въ спальню матери открыта. И изъ этой-то раскрытой двери шелъ на меня страхъ. Я стоялъ неподвижно, стоялъ долго, не переставляя ногъ, и мнѣ уже казалось, что я или во мнѣ что то медленно шатается. Я уже былъ въ совершенномъ рѣшеніи уйти отсюда и вернуться утромъ, я уже готовъ былъ двинуться обратно въ корридоръ (все больше страшась того испуга, который возбудитъ въ моей матери эта внезапность моего ночного прихода), — какъ вдругъ изъ спальни явственно послышался шорохъ, и тутъ же точно дернулъ меня кто другой за шну-

рокъ, я отрывисто позвалъ: мама? мама? — Но шорохъ не повторился. И мнѣ никто не отвѣтилъ. Я еще хорошо помню, что какъ только я позвалъ — лицо мое зачѣмъ-то сложилось въ улыбку.

Хотя, собственно, за эту минуту рѣшительно ничего особеннаго не произошло, но теперь, послѣ того какъ я подалъ голосъ, мнѣ уже показалось совершенно невозможнымъ уйти и вернуться лишь утромъ. Стараясь ступать какъ можно тише, я двинулся дальше, потушилъ блистающую точку на самоварѣ, обогнулъ столъ, и, придерживаясь за спинки стоявшихъ вокругъ него стульевъ, прокрался въ спальню. Гардины были раскрыты. Медленно, крадучись, я добрался до середины комнаты. Однако, теперь передъ моими глазами стало такъ страшно темно, что невольно я обернулся къ окну. Лунный свѣтъ билъ въ него, но внутрь нисколько не проникалъ. Даже на подоконникъ и складки шторъ не ложился. Спинка кресла, на которомъ всегда сидѣла и вышивала мать, четкимъ пнемъ чернѣла передъ стекломъ. Когда я отвернулся отъ окна, то передъ глазами стало еще темнѣе. Теперь я зналъ, что стою примѣрно въ двухъ шагахъ отъ постели. Я слышалъ, какъ бьется мое сердце и уже какъ будто чувствовалъ теплый запахъ спящаго вблизи меня тѣла. Я все еще стоялъ, затаивъ дыханіе. Уже нѣсколько разъ я раскрывалъ ротъ, хотя для того, чтобы сказать «мама», раскрывать его было совсѣмъ не нужно. Но, наконецъ, рѣшился и позвалъ: мама? мама? Зовъ мой на этотъ разъ вышелъ какой-то задыхающійся, тревожный. Никто не отвѣтилъ. Но какъ будто звуки, которые я издалъ, сдѣлали это возможнымъ: я приблизился къ кровати и рѣшилъ осторожно присѣсть въ ногахъ матери. Садясь и стараясь при этомъ не производить шума, чтобы не грохнули пружины, я сперва оперся ладонями о постель. И сразу почувствовалъ подъ пальцами тотъ кружевной покровъ, который оставался на постели только днемъ. Постель была не раскрыта, пуста. Сразу исчезъ теплый запахъ спящаго вблизи тѣла. Но я все-таки присѣлъ, повернулъ голову къ шкапу, и вотъ тутъ-то, нако-

нецъ, увидѣлъ мать. Ея голова была высоко, у самой верхушки шкапа, тамъ, гдѣ кончалась послѣдняя виньетка. Но зачѣмъ же она туда взобралась и на чемъ она стоитъ. Но въ то же мгновеніе какъ это возникло въ моей головѣ, я уже ощутилъ отвратительную слабость испуга въ ногахъ и въ мочевомъ пузырѣ. Мать не стояла. Она висѣла — и прямо на меня глядѣла своей сѣрой мордой удавленницы. — А-а, — закричалъ я и побѣжалъ изъ комнаты, словно меня хватютъ за пятки, — а-а, — дико закричалъ я, воздушно пролетая по столовой и въ то же время чувствуя, что сижу, что медленно приподымаю со стола мою затекшую голову и съ трудомъ просыпаюсь. За окномъ уже брезжилъ поздній, зимній разсвѣтъ. Я сидѣлъ за столомъ въ пальто и въ калошахъ, шею и ноги простудно ломило, фуражка лежала на сальной тарелкѣ, а горло мое было наполнено комкомъ горькихъ, невыплаканныхъ слезъ

6.

Черезъ часъ я уже поднимался по лѣстницѣ и какъ только увидѣлъ знакомую и милую дверь, такъ тотчасъ почувствовалъ радостный трепетъ. Я подошелъ и тихонько, чтобы особенно не обезпокоить, коротко позвонилъ. Съ улицы доносился шумъ, — съ грохотомъ и сотрясая стекла, прокатилъ грузовикъ. Внизу очень рѣзко, по утреннему, зазвонилъ телефонъ. Дверь не открывалась. Тогда я рѣшился еще разъ нажать звонокъ и прислушался. Въ квартирѣ было тихо, ничто не двигалось, будто тамъ теперь никто не живетъ. — Боже мой, — подумалъ я, — неужели здѣсь что-нибудь случилось. Неужели здѣсь что-то не въ порядкѣ. Что же будетъ тогда со мною. И я нажалъ пуговицу звонка, нажалъ съ отчаяніемъ и изо всей силы, и жалъ, и давилъ, и трезвонилъ до тѣхъ поръ, пока въ концѣ корридора не послышались шаркающіе шаги. Шаги приблизилсь къ двери, подошли къ ней вплотную, потомъ стало слышно, какъ руки возятся съ замкомъ и, наконецъ, дверь отомкнулась. Я радостно и облегченно вздохнулъ.

Мои опасенія оказались напрасны: передо мною въ открытой двери, живой и здоровый, стоялъ самъ Хирге. — Ахъ, это вы, — сказалъ онъ съ лѣнивымъ отвращеніемъ, — а я-то ужъ думалъ и впрямь человѣкъ пришелъ. Ну, что жъ заходите. И я зашелъ.

. . . .

На этомъ кончаются, точнѣе — обрываются записки Вадима Масленникова, котораго въ январьскій морозъ 1919-го года, въ бредовомъ состояніи, доставили къ намъ въ госпиталь. Будучи приведенъ въ себя и освидѣтельствованъ, Масленниковъ признался, что онъ кокаинистъ, что уже много разъ пытался съ собою бороться, но всегда безуспѣшно. Путемъ упорной борьбы ему, правда, удавалось воздерживаться отъ кокаина въ продолженіе мѣсяца, двухъ, иногда даже трехъ, послѣ чего неизмѣнно наступалъ рецидивъ. По его признанію выходило, что тяга его къ кокаину *теперь* тѣмъ болѣе болѣзненна, что за послѣднее время кокаинъ вызываетъ въ немъ уже не возбужденіе, какъ это было раньше, а только психическое раздраженіе. Точнѣе говоря, если первое время кокаинъ способствовалъ четкости и остротѣ сознанія, то теперь онъ причиняетъ спутанность мыслей при безпокойствѣ, доходящемъ до галлюцинаціи. Такимъ образомъ, прибѣгая къ кокаину *теперь, онъ* постоянно надѣется возбудить въ себѣ тѣ *первыя* ощущенія, которыя когда-то кокаинъ ему далъ, однако, каждый разъ съ отчаяніемъ убѣждается, что ощущенія эти ни при какой дозировкѣ больше не возникаютъ. На вопросъ Главврача — почему же онъ все-таки прибѣгаетъ къ кокаину, если заранѣе знаетъ, что послѣдній возбудитъ въ немъ только психическое мучительство, — Масленниковъ дрожащимъ голосомъ сравнилъ свое душевное состояніе съ состояніемъ Гоголя, когда полѣдній пытался писать вторую часть своихъ Мертвыхъ Душъ. Какъ Гоголь зналъ, что радостныя силы его раннихъ писательскихъ дней совершенно исчерпаны, и все-таки каждо-

дневно возвращался къ попыткамъ творчества, каждый разъ убѣждаясь въ томъ, что оно ему недоступно, и все же (гонимый сознаніемъ, что безъ этого радостнаго горѣнія — жизнь теряетъ для него смыслъ) эти попытки, несмотря на причиняемое ими мучительство, не только не прекратилъ, а даже напротивъ, ихъ учащалъ, — такъ и онъ, Масленниковъ, продолжаетъ прибѣгать къ кокаину, хоть и знаетъ заранѣе, что ничего, кромѣ дикаго отчаянія, онъ уже возбудить въ немъ не можетъ.

При освидѣтельствованіи Масленникова на лицо были всѣ симптомы хроническаго отравленія кокаиномъ: разстройство желудочнокишечнаго канала, слабость, хроническая безсонница, апатія, истощеніе, особая желтая окраска кожи и рядъ нервныхъ и видимо психическихъ разстройствъ, наличіе которыхъ несомнѣнно имѣлось, но точное установленіе которыхъ требовало болѣе длительнаго наблюденія.

Было очевидно, что оставлять такого больного у насъ, въ военномъ госпиталѣ, совершенно безсмысленно. Это соображеніе нашъ Главврачъ, человѣкъ чрезвычайной нѣжности, ему тутъ же и высказалъ, причемъ, явно страдая отъ невозможности помочь, еще добавилъ, что ему, Масленникову, необходимъ не госпиталь, а хорошая психіатрическая санаторія, попасть въ которую, однако, въ нынѣшнее соціалистическое время не такъ то легко. Ибо теперь, при пріемѣ больныхъ, руководствуются не столько болѣзнью больного, сколько той пользой, которую этотъ больной принесъ, или, на худой конецъ, принесетъ революціи.

Масленниковъ слушалъ мрачно. Его набухшее вѣко зловѣще прикрывало глазъ. На заботливый вопросъ Главврача — нѣтъ ли у него родственниковъ или близкихъ, которые могли бы ему оказать протекцію, — онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Помолчавъ, онъ добавилъ, что матушка его скончалась, что старая нянька его, героически помогавшая ему все это время — теперь сама нуждается

въ помощи, что одинъ его однокашникъ, Штейнъ, недавно выѣхалъ за границу, а мѣстонахожденіе двухъ другихъ— Егорова и Буркевица — ему неизвѣстно.

Когда онъ произнесъ послѣднее имя — всѣ переглянулись. — Товарищъ Буркевицъ, — переспросилъ Главврачъ, — да вѣдь это же наше непосредственное начальство Да вѣдь одного его слова достаточно, чтобы васъ спасти!

Масленниковъ долго разспрашивалъ, видимо боясь, не недоразумѣніе-ли все это, не однофамилецъ-ли. Онъ былъ очень взволнованъ и, кажется, радостенъ, когда убѣдился, что этотъ товарищъ Буркевицъ тотъ самый, котораго онъ знаетъ. Главврачъ указалъ ему, что учрежденіе, руководимое товарищемъ Буркевицемъ, находится на той-же улицѣ, что и нашъ госпиталь, но что придется только подождать до утра, такъ какъ сейчасъ, вечеромъ, онъ врядъ ли кого застанетъ. На этомъ Масленниковъ, отклонивъ предложеніе переоночевать въ госпиталѣ, — ушелъ.

На слѣдующее утро, часу въ двѣнадцатомъ, три курьера того учрежденія, гдѣ работалъ товарищъ Буркевицъ, внесли Масленникова на рукахъ. Спасать его однако было уже поздно. Намъ оставалось только констатировать острое отравленіе кокаиномъ (несомнѣнно умышленное, — кокаинъ былъ видимо разведенъ въ стаканѣ воды и выпитъ) и смерть отъ остановки дыханія.

На груди, во внутреннемъ карманѣ Масленникова, были найдены: 1) старый коленкоровый мѣшечекъ, съ зашитыми въ немъ десятью серебряными пятачками, и 2) рукопись, на первой страницѣ которой, крупными и безобразно скачущими буквами были нацарапаны два слова: «*Буркевицъ отказалъ*».

Achevé d'imprimer le 15 décembre 1983 sur les presses
de l'imprimerie Corbière et Jugain, Alençon (Orne). Dépôt légal : décembre 1983

М.АГѢЕВЪ

РОМАНЪ СЪ КОКАИНОМЪ

ГИМНАЗІЯ

Буркевицъ отказалъ.

1.

Однажды, въ началѣ октября, я — Вадимъ Масленниковъ (мнѣ шелъ тогда шестнадцатый годъ), рано утромъ, уходя въ гимназію, забылъ съ вечера еще положенный матерью въ столовой конвертъ съ деньгами, которые нужно было внести за первое полугодіе. Вспомнилъ я объ этомъ конвертѣ, уже стоя въ трамваѣ, когда — отъ ускоряющагося хода — акаціи и пики бульварной ограды изъ игольчатаго мельканія вошли въ сплошную струю, и нависавшая мнѣ на плечи тяжесть все тѣснѣе прижимала спину къ никкелированной штангѣ. Забывчивость моя, однако, нисколько меня не обезпокоила. Деньги въ гимназію можно было внести и завтра, въ домѣ-же стащить ихъ было некому; кромѣ матери въ квартирѣ жила за прислугу лишь старая нянька моя Степанида, бывшая въ домѣ уже больше двадцати лѣтъ, и единственной слабостью, а можетъ быть даже страстью которой, были ея безпрерывныя и звонкія, какъ щелканья подсолнуховъ, шушуканья, при помощи которыхъ, за неимѣніемъ собесѣдниковъ, вела она сама съ собой длиннѣйшіе разговоры, а подчасъ даже и споры, изрѣдка прерывая себя громкими, въ голосъ, восклицаніями, какъ-то: «ну-да»! или «еще бы»! или «открывай карманъ шире»! Въ гимназіи же я объ этомъ конвертѣ и вовсе забылъ. Въ

69 F TTC ISBN 2 7144.1577 6